Г.Н.АЛЕКСАНДРОВ

Нюрнберг вчера и сегодня

Г. Н. АЛЕКСАНДРОВ

Нюрнберг вчера и сегодня

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1971

К 25-ЛЕТИЮ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Моя личная судьба сложилась так, что начиная с Нюрнбергского процесса и в последующие годы моя деятельность оказалась связанной с разоблачением преступлений нацистского режима и тех, кто вершил эти злодеяния.

За много лет, и, разумеется, в Нюрнберге в особенности, перед моими глазами и в моих руках перебывали тысячи документальных доказательств этих неисчислимых и жестоких преступлений, граничащих с безумием. Я говорил со многими свидетелями-очевидцами и с теми, кто был жертвами преступлений и чудом остался жив. Я говорил с самими преступниками и об этом, как мог, рассказал в этих записках.

Многое мне известно о горе и страданиях, которые причинили моей Родине, моему народу страшные звери в человеческом обличье, именуемые нацистами.

Когда меня просят рассказать о том, что я знаю о нацистских преступлениях, я охотно откликаюсь на такие приглашения. И думаю, что об этом должны знать все наши люди, и особенно молодежь.

Как юрист, я оцениваю факты объективно, всесторонне и трезво. Но факты требуют не только оценки, но и выводов.

То, что порой происходит на Западе, невольно вызывает в памяти исторические параллели и сравнения. Речь идет о росте сил неофашизма и реванша, о разжигании шовинистических настроений и тенденций. О многом свидетельствуют известные события в Греции, активизация неофашистских элементов в Италии, появление на политической арене ФРГ та-

ких сил, как неонацистская НДП и реакционная «Акция сопротивления».

Характерным проявлением деятельности неонацистских сил могут служить участившиеся провокации против Германской коммунистической партии и других демократических и прогрессивных сил. Так, в Реклингхаузене неонацисты напали на помещение местной организации ГКП, намалевав на окнах фашистскую свастику. Такие же факты имели место в Дюссельдорфе, Крефельде и других городах.

В баварском городе Бад Виндсхейм западногерманские милитаристы устроили сборище, на котором выдвинули требование освободить нацистских военных преступников, осужденных за злодеяния, совершенные ими против народов Европы.

Очевидно, впрочем, и другое.

Темным силам реванша и неонацизма противостоят здоровые прогрессивные силы внутри Западной Германии, международная общественность. Обнадеживающими для разрядки напряженности в Европе являются договоры, заключенные между ФРГ и СССР, между ФРГ и Польской Народной Республикой. Крупный шаг на пути достижения мира и безопасности представляет четырехстороннее соглашение по Западному Берлину. Все это создает новые благоприятные возможности для обуздания сил крайней реакции и реванша. Но ослаблять бдительность нет оснований. К западу от Эльбы существуют и действуют эти силы, вдохновляемые и финансируемые влиятельными кругами.

Совместно с оппозиционными партиями ХДС/ХСС они противодействуют мероприятиям по разрядке напряженности и обеспечению безопасности в Европе, пытаются сорвать ратификацию советско-западногерманского и польско-западногерманского договоров.

Читатели помнят о гнусном провокационном акте, совершенном в ночь на 7 ноября 1970 года неонацистским террористом Вайлем, который предательским выстрелом из-за угла тяжело ранил советского часового Ивана Щербака у памятника советским воинам в Тиргартене.

Суд английской военной администрации в Западном Берлине приговорил Вайля к шести годам тю-

ремного заключения, признав его «преступником-одиночкой». Суд игнорировал факты, указывавшие на то, что покушение на убийство советского часового было организовано группой террористов, преследовавшей цель помешать ратификации советско-западногерманского договора.

Действия неофашистов вновь и вновь побуждают обращаться к событиям не столь уж далекого прошлого, анализировать настоящее в свете трагических уроков истории. Совсем не случайно именно бывшие нацисты составляют костяк НДП, именно бывшие нацисты подогревают милитаристский и реваншистский психоз, настойчиво требуют предать забвению нацистское прошлое, предать забвению преступления прошлого.

Но этого нельзя допустить!

В докладе на торжественном собрании, посвященном 20-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне, товарищ Л. И. Брежнев сказал:

«Победа далась нашему народу нелегко. Столь жестокой войны, какую перенес Советский Союз, не выпадало на долю ни одному народу. Война унесла более 20 миллионов жизней советских людей. Она оставила десятки миллионов сирот, вдов, инвалидов. Какая бездна человеческих страданий и горя стоит за этими цифрами! У нас редко можно встретить семью, в которой бы война не оставила свой трагический след. Гибель советских людей — наша самая тяжелая утрата. И мы никогда не забудем ни одной капли крови, пролитой советскими людьми за нашу Родину, ее свободу и счастье.

Нельзя без гнева и боли вспоминать о зверствах гитлеровцев на нашей земле, на территориях других стран. Времена фашистской оккупации были трагедией для целых народов. Можно ли забыть о чудовищных преступлениях гитлеризма, совершенных в Советском Союзе, Польше, Югославии, Чехословакии и других странах Европы, о кострах из живых людей, о душегубках, о лагерях смерти? Можно ли забыть о миллионах мужчин, женщин, стариков и детей, сожженных в крематориях Освенцима, удушенных в газовых камерах Майданека, замученных на плацах Маутхаузена? Набат Бухенваль-

да и ныне звучит в сердцах людей, будит в них ненависть к фашизму и расизму, требует наказания тех, кто виновен в преступлениях против человечества».

Преступления прошлого не могут быть забыты и потому, что и сейчас во многих районах нашей планеты льется кровь невинных людей, совершаются американскими агрессорами чудовищные, подобные нацистским, преступления на мирной земле Вьетнама, Лаоса, Камбоджи, применяются бесчеловечные — химические и биологические — средства ведения войны.

В Отчетном докладе ЦК XXIV съезду КПСС товарищ Л. И. Брежнев сказал: «Совесть любого честного человека, тем более совесть коммуниста, никогда не примирится с тем, что творят американские интервенты и их подручные, именующие себя представителями «западной цивилизации» и так называемого «свободного мира». Позор им!»

О преступлениях американских империалистов на вьетнамской земле рассказал выступавший на XXIV съезде КПСС Первый секретарь Центрального Комитета Партии трудящихся Вьетнама товарищ Ле Зуан: «Американские империалисты развязали на нашей земле жесточайшую истребительную войну. Это самая длительная, изнурительная и бесчеловечная война в истории Соединенных Штатов и самая крупная после второй мировой войны. Американские империалисты пытаются силой задушить вьетнамскую революцию, поработить Юг и совершить агрессию против Севера нашей страны, заставить наш народ подчиниться господству неоколониализма. Они используют Вьетнам в качестве полигона для проверки своей тактики и стратегии, для испытания различных видов оружия, применяют полученный ими во Вьетнаме опыт, с тем чтобы подавлять и душить движение за национальную независимость. В то же время они угрожают социалистическому лагерю, выполняют роль международного жандарма на мировой арене».

Нельзя не напомнить в связи с этим, что Международный военный трибунал в Нюрнберге в своем приговоре осудил агрессию как преступный акт.

«Война,— сказано в приговоре,— по самому своему существу — зло. Ее последствия не ограничены одними только воюющими странами, но затрагивают весь мир. Поэтому развязывание агрессивной войны является не просто преступлением международного характера — оно является тягчайшим международным преступлением, которое отличается от других военных преступлений только тем, что содержит в себе в сконцентрированном виде зло, содержащееся в каждом из остальных».

Под этими справедливыми словами приговора стоит и подпись Соединенных Штатов Америки. Но это не остановило американских империалистов, поправших общепризнанные нормы международного права и развязавших преступную войну в Индокитае, сопровождающуюся многочисленными преступлениями против мирного населения этого района.

Нюрнбергский приговор не только напоминает, но и предупреждает о суровой ответственности любого агрессора.

Идеи и принципы Устава и приговора Международного военного трибунала в Нюрнберге, подтвержденные Организацией Объединенных Наций, должны в полном объеме применяться к тем, кто совершает военные преступления и преступления против человечества.

27-я сессия Комиссии ООН по правам человека своей резолюцией от 25 марта 1971 года вновь осудила военные преступления и преступления против человечества, совершаемые в настоящее время в результате агрессии, военной оккупации, проведения политики расизма, апартеида и колониализма.

И об этом должны в первую очередь помнить американские агрессоры, ведущие преступную войну в Индокитае, и израильские экстремисты, проводящие политику разбоя и геноцида в отношении арабского населения на захваченных ими территориях.

Американские агрессоры, предавая забвению священные, скрепленные кровью миролюбивых народов принципы приговора Международного военного трибунала в Нюрнберге, с упорством, достойным лучшего применения, противодействуют любым между-

народным акциям, направленным на подтверждение незыблемости этих принципов, на обеспечение безоговорочного сурового наказания любых агрессоров, повинных в совершении военных преступлений и преступлений против человечества.

Но эти принципы действуют, и они должны быть претворены в жизнь. Преступники должны понести наказание за совершенные злодеяния, им нет прощения.

НЮРНБЕРГ ВЧЕРА

Путь в Нюрнберг.— Во Дворце юстиции.— Американцы за работой.— Первые шаги.— План «Барбаросса».— У американских следователей.— В Нюрнбергской тюрьме.— Тень Гитлера.— На допросе Гесса у американцев.— Перед допросами.— Лицом к лицу.— Бывший фельдмаршал Паулюс в Нюрнберге.— Последний допрос.

ПУТЬ В НЮРНБЕРГ

Распоряжение о командировании нас, группы советских следователей, в Германию в связи с предстоящим судебным процессом над главными немецкими военными преступниками явилось для меня неожиданным. Сама эта командировка туда, на Запад, в первый момент не доходила полностью до сознания, во многом представлялась неясной, по-особому сложной. Одно было несомненно: Родина оказала нам высокое доверие, поручив ответственнейшее задание, какого еще никогда не приходилось выполнять советским юристам. Нам предстояло выехать в Берлин, а оттуда в Нюрнберг и на месте, по возможности наиболее полно, провести подготовительную работу к процессу. Времени оставалось мало, сборы были короткими. И вот ранним московским утром с Центрального аэродрома наша небольшая группа вылетела в Берлин. Несколько часов полета — и самолет приземлился на берлинском аэродроме Шёнефельд.

Что сказать о самом городе, о первом впечатлении? Груда развалин, битых кирпичей, щебенки. В Берлине 1945 года сохранились главным образом лишь пригороды. С трудом пробираемся мимо развалин по немногим, мало-мальски расчищенным для проезда улицам. Наконец оказываемся в Карлсхорсте, где размещена Советская военная администрация в Германии. Спешим представиться в различных инстанциях, сориентироваться в обстановке, подготовиться к поездке в американскую зону оккупации, на территории которой расположен Нюрнберг.

Завершаем кратковременное пребывание в Берлине визитом к главноначальствующему Советской военной администрации В. Д. Соколовскому. Он желает нам успеха в предстоящей работе и вручает командировочные документы, содержащие просьбу к американским оккупационным властям об оказании содействия. Закончив все «берлинские дела», отправляемся к месту назначения. Шоссейные дороги, по которым мы едем, в отличном состоянии. Мелькают красивые виды сосновых лесов и зеленых лугов.

Наконец после живописных баварских ландшафтов, открывавшихся с автострады и сменявших один другой с кинематографической быстротой, показались пригороды Нюрнберга.

Приехали мы в этот старинный немецкий город в теплый осенний золотисто-солнечный день. Деревья и вьющийся в изобилии по стенам окраинных домиков дикий виноград и плющ еще не успели утратить своих летних ярко-зеленых красок, и лишь кое-где в их листве начали пробиваться осенняя позолота и багрянец.

Быстро минуем пригороды. Вот Нюрнберг, город классической готики, город Дюрера и Ганса Сакса. Гитлеровцы превратили его в цитадель немецкого фашизма, место сборищ фашистских главарей, город партейтагов (съездов) нацистской партии. Сейчас он уже не тот. Не слышно звуков фанфар, грохота кованых сапог, оглушительных воплей «Хайль Гитлер!», не видно факельных шествий, во время которых Гитлер взирал на марширующие войска, призывая их к захвату чужих земель, к разрушению чужих городов. Сейчас по улицам бредут одинокие люди. Некоторые из них везут дрова и хворост на маленьких тележках или в багажниках велосипедов и на небольших прицепах. Кстати, велосипед здесь используется не так, как у нас — преимущественно для прогулок, а как средство транспорта. На нем или на приспособленном сзади прицепе возят довольно тяжелые грузы. Нередко можно увидеть пристроенную у руля велосипеда небольшую корзину, в которой местная жительница везет ребенка, а иногда и... собаку. Любопытное зрелище представляет мона-

ция на велосипеде в длинной развевающейся черной рясе и белом чепце.

Вот стоит у тротуара неприглядный грузовик с людьми, разгружающими мешки и рюкзаки с картошкой, привезенной из соседних деревень.

Приближаемся к центру города. Много раздумий возникает при виде почти сплошь разрушенных зданий, разбитых башен и крепостных стен старого Нюрнберга, распластанного в обломках железа и камня. Центр Нюрнберга представляет сплошные руины, нагромождение камней, из которых то тут, то там тянутся, как костлявые руки скелетов, обломки железных конструкций.

Такова судьба Нюрнберга. Ему суждено было стать могилой главных немецких военных преступников.

Несколько позже бывший фельдмаршал германской армии Фридрих Паулюс, доставленный в Нюрнберг для дачи свидетельских показаний перед Международным военным трибуналом, проезжая со мной в автомашине по разрушенным улицам Нюрнберга, с горькой иронией заметил: «Вот наглядная иллюстрация к словам Геринга «Ни одна вражеская бомба не упадет на Германию»».

Нюрнберг был разрушен в результате одного или двух массированных налетов американской авиации. Как и в Берлине, здесь сохранились лишь пригороды. Останавливаемся у единственной в городе гостиницы «Гранд-отель». Она, как и многие другие здания, разрушена, и американцы ведут усиленные работы по ее восстановлению.

Нас встречает высокий красивый американский капитан с трудно произносимой греческой фамилией. Лифт, разумеется, не работает. Пробираемся сквозь многочисленные леса, по каким-то настилам из досок, в два верхних уже отремонтированных этажа, где нам отведены комнаты.

Много впечатлений, мыслей и, откровенно говоря, немало волнения перед предстоящей новой и, конечно, нелегкой работой. Из окон гостиницы открывается однообразно серый вид нагромождений железа и камня в отсветах заходящего солнца.

Ночь проходит беспокойно, нетерпеливо.

ВО ДВОРЦЕ ЮСТИЦИИ

Наутро, наскоро позавтракав, отправляемся во Дворец юстиции, или, как его позже будут менее торжественно называть по-английски, «оффис». Там нам предстояло провести немало напряженных и трудных месяцев.

Перед самым уходом из гостиницы происходит любопытный инцидент. Мы не можем запереть двери, нет ключей. Разыскиваем коридорную и объясняем, в чем дело. Она таинственно исчезает. Ждем пять, десять минут. Наконец она появляется с ключом, и мы с удовлетворением запираем двери. Но оказывается, на весь отель это чуть ли не единственный ключ, их еще не успели сделать для каждого номера, и наша предусмотрительность лишена всякого смысла. Это, так сказать, косвенное отображение неустроенности разрушенного Нюрнберга. Зато на письменном столе в номере мы нашли фирменные бланки гостиницы. Там значилось немецкое название отеля, а Нюрнберг именовался городом партейтагов.

На машинах быстро доезжаем до Дворца юстиции. Перед нами длинное серое четырехэтажное здание за железной оградой, растянувшееся на целый квартал. Оно сохранилось больше, чем другие, но из него, из самой середины, брошенной с воздуха бомбой вырван большущий кусок. Снаружи и внутри кипит работа: убирается мусор, идет побелка, моются полы, что-то штукатурится, заделывается, чинится. Под охраной американских солдат туда и сюда снуют с деревянными носилками, метлами и другим инвентарем люди, одетые в зеленовато-коричневые пятнистые маскировочные костюмы, похожие на клоунские. На спинах у них желтой краской выведены буквы «PW», что по-английски значит «призонер оф уор», то есть военнопленный. Как оказалось, американцы использовали на работах по восстановлению Дворца юстиции, где должен был происходить суд над немецкими военными преступниками, пленных эсэсовцев. Их-то мы прежде всего и встретили в многочисленных коридорах Дворца юстиции.

Поистине ирония судьбы!

В первый же день мы быстро перезнакомились с большинством руководящих работников американской делегации, и прежде всего с ее главой — главным американским обвинителем Робертом Джексоном.

Сотрудники американской делегации были уже в сборе, и работа шла полным ходом. Другие делегации (английская и французская) были представлены лишь офицерами связи с небольшим техническим аппаратом.

Судья Роберт Джексон, один из восьми пожизненных членов федерального Верховного суда Соединенных Штатов Америки, в прошлом один из ближайших сотрудников покойного президента Ф. Рузвельта, принял нас в первый же день тепло и радушно. Это был довольно высокий, хорошо сохранившийся, с поседевшей головой и мягкими глазами за пенсне, элегантно одетый человек.

Получив от Джексона обещание содействия нам со стороны американской делегации в предстоящей работе, мы отправились в продолжительный вояж по многочисленным кабинетам.

И справедливости ради нужно сказать, что повсюду мы встречали теплое и дружеское отношение, особенно со стороны рядовых сотрудников американской делегации, по-видимому искренне стремившихся помочь нам в работе. Эти люди приветствовали нас крепким рукопожатием и радушной улыбкой.

Мы, конечно, понимали, что дело не в нас лично — нас здесь никто не знал,— а в том, что мы представляем Советский Союз — страну, которая вынесла основную тяжесть в войне с гитлеровской Германией.

АМЕРИКАНЦЫ ЗА РАБОТОЙ

Знакомимся с постановкой работы американской делегации. В первый период, до начала судебного процесса, аппарат американской делегации состоял из двух основных отделов — документального и следственного. В дальнейшем его организационная структура в зависимости от выдвигавшихся задач видоиз-

менялась. Например, после начала судебного процесса был создан отдел, который специально следил за выступлениями адвокатов и готовил материалы для возражений защите.

Большую часть нашего первого рабочего дня мы провели в документальном отделе. Его начальник полковник американской службы Стори, юрист по образованию и профессии, немного суховатый, немолодой уже человек с умным, внимательным взглядом, познакомил нас с обширной библиотекой, занимавшей два больших зала. В ней размещалось несколько тысяч томов различных документов: официальные издания гитлеровского правительства, министерств, ведомств, начиная с момента прихода нацистов к власти, то есть примерно за полтора десятка лет; печатные издания фашистских главарей, такие, как «Миф XX века» Розенберга или «Гитлерюгенд» Шираха; комплекты фашистских газет, журналов и т. д.

Наконец мы поднялись в святая святых документального отдела — хранилище подлинных трофейных немецких документов, захваченных у гитлеровцев американскими войсками.

В распоряжении американской делегации оказались чрезвычайно ценные документы из различных нацистских архивов. Тут были архивы штаба оперативного руководства верховного главнокомандования германских вооруженных сил, захваченные во Фленсбурге, архивы министерства иностранных дел, обнаруженные в Марбурге, личные архивы Розенберга, Франка и многие другие. Как позже выяснилось, американцы, высадившись на континенте, выделили специальных офицеров, задачей которых являлось обнаружение гитлеровских архивов и обеспечение их сохранности. В результате этих мер, не лишенных дальновидности, к моменту начала процесса архивы, находившиеся в распоряжении американской делегации, составляли несколько тысяч экземпляров подлинных трофейных документов.

Однако необходимо учитывать и другое обстоятельство. Откатывавшиеся все дальше на запад под ударами советских войск гитлеровцы заблаговременно эвакуировали свои наиболее ценные архивы

на территорию, впоследствии занятую американскими и английскими войсками.

Для удобства пользования этими обширными архивами были разработаны специальная нумерация, тематическая картотека, каталоги. На многие документы составлены краткие аннотации на английском языке. Благодаря этому нужный документ мог быть найден буквально через несколько минут.

Полковник Стори познакомил нас с начальником архива — рослым белокурым американским лейтенантом по фамилии Баррет. Лейтенанта, не преувеличивая, можно было назвать мастером своего дела. Архивы у него находились в образцовом порядке, а сотрудники работали четко и слаженно.

Впервые работая вместе с американцами, мы убедились в их деловитости, организованности и, как у нас говорят, оперативности. Для осуществления порученной нам работы времени оставалось не так уж много, и эти качества американцев импонировали нам. Откровенно говоря, мы немного побаивались, что соблюдение различного рода этикетов займет немало времени, оторвет от выполнения поставленных задач. Но этого не произошло.

В тот же день мы познакомились и с начальником следственного отдела американской делегации полковником Джоном Эменом, коренастым, невысокого роста, немолодым, уже сильно полысевшим человеком. Эмен рассказал, что американские следователи уже больше двух месяцев ведут допросы по делу главных немецких военных преступников, обещал прислать нам для ознакомления копии протоколов, пригласил присутствовать на допросах. Мы охотно приняли это приглашение.

Сами мы не приступали еще к допросам, и нам, разумеется, было интересно познакомиться с работой американских следователей и понаблюдать, как ведут себя главные немецкие военные преступники.

Нельзя не сказать о некоторых деталях, которые на первых порах вызывали у нас по меньшей мере недоумение. Вскоре после встречи с Эменом мы начали получать обещанные протоколы допросов, проводившихся американскими следователями. Происходило это так: ко мне в кабинет входил американ-

ский солдат и с небрежным видом выкладывал на стол объемистый пакет, на котором стояло «Top secret», то есть «Совершенно секретно». Не говоря ни слова и не получив расписки, солдат молча, с независимым видом уходил.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

На следующий день мы уже полностью окунулись в работу. Быстро разместились в отведенных нам достаточно обширных помещениях, при входе появилась надпись «Делегация СССР», на дверях — таблички с указанием фамилий наших сотрудников. Застучали пишущие машинки, работа закипела. Здесь, в Нюрнберге, за нашей работой наблюдали многочисленные представители различных стран — американцы, англичане, французы, чехи, югославы, поляки, норвежцы. Мы понимали, какую большую ответственность Родина возложила на нас, советских юристов, посылая на Нюрнбергский процесс, и поэтому трудились с максимальным напряжением сил.

Нашу небольшую следственную группу * мы разделили на две взаимосвязанные части — документальную и следственную. Основная трудность заключалась в том, что нам приходилось оперировать документами исключительно на немецком или на английском языке и пользоваться повседневно только этими двумя языками. В составе американской делегации были сотрудники, владевшие немецким языком, и это в значительной мере облегчало наши связи с американцами, позволяя довольно быстро отыскивать необходимые документы в американских архивах. Кроме того, нам очень помогал приданный нашей группе небольшой штат переводчиков, который, к слову сказать, мы усиленно «эксплуатировали».

Перед нашими «документалистами», как мы их называли, была поставлена задача в наикратчайший срок выявить и отобрать из американских архивов

* В нее входили полковник С. Я. Розенблит, старший советник юстиции Н. А. Орлов, подполковник С. К. Пирадов и другие. Возглавить группу было поручено мне.

все подлинные трофейные документы, необходимые для советского обвинения. Это была трудоемкая работа. Отдельные документы представляли собой объемистые тетради, записки, дневники и т. п., иногда в сотни страниц немецкого текста. Все это нужно было перевести на русский язык или аннотировать, отобрать действительно необходимое, классифицировать по отдельным темам, вопросам и подсудимым. Не обо всех документах, хранившихся в американских архивах, мы, даже просто по техническим причинам, могли быть осведомлены, а ограничиться только просмотром, хотя и подробных, перечней и аннотаций, составленных американцами, было явно недостаточно. За короткое время до начала процесса мы просмотрели свыше 5 тысяч подлинных немецких документов. Отобрано же было всего лишь несколько сот, причем важнейшие из них полностью переведены на русский язык, а на менее важные составлены подробные аннотации.

Одновременно один из следователей с группой переводчиков внимательно изучал поступавшие к нам от американцев многочисленные объемистые протоколы допросов и сигнализировал следователям из документальной части о том, что в его поле зрения появился тот или иной интересный документ. «Документалисты» проверяли свои картотеки, и, если он у них еще не побывал, они немедленно извлекали его из архивов и обрабатывали для последующего использования. В этой работе участвовали и другие наши следователи. Присутствуя на допросах у американцев, они записывали номера отдельных документов, которые фигурировали на допросах, и передавали их в документальную часть.

На первых порах к советской следственной группе для связи с американской делегацией был прикомандирован американский лейтенант молодой профессор социологии Николас Домэн. Он изучал самостоятельно русский язык у себя на родине и был уверен, что неплохо говорит по-русски. На самом деле он говорил на таком ломаном русском языке, что его почти невозможно было понять. Да он и сам, по-видимому, мало что понимал из наших с ним разговоров. Поэтому мы предпочитали в беседах с

Домэном пользоваться услугами переводчика, хотя сам он усиленно настаивал, чтобы с ним говорили только по-русски, так как это, дескать, поможет ему лучше усвоить русский язык. Но из этого так ничего и не вышло. В конце концов к нам был прикомандирован для связи американский капитан Прайсман, безукоризненно владевший русским и немецким языками, а с Домэном в дальнейшем мы только раскланивались при встрече и обменивались русским «Здравствуйте» и «Как поживаете?»

Нужно сказать, что многие простые американцы вообще проявляли большой интерес ко всему русскому. Некоторые из них у себя на родине самостоятельно или в кружках изучали русский язык. Иногда в кабинет заходил кто-нибудь из американцев и на вопрос, что ему угодно, отвечал, что никогда в жизни не видел русских и просит извинения, что пришел просто посмотреть на настоящего русского. Или, услышав где-нибудь незнакомую речь и узнав, что это русская речь, они просили поговорить еще, чтобы послушать, как звучит русский язык. Несмотря на несомненный интерес ко всему русскому, средний американец, как мы убедились после многочисленных встреч, имел очень отдаленное, а во многих случаях и искаженное представление о нашей стране, о наших людях. Присутствие советских юристов в Нюрнберге позволило американцам увидеть в непосредственной близости советских людей, а не со страниц херстовских газет. Без преувеличения можно сказать, что они вызывали у американцев чувство симпатии и расположения. Среди многих работников американской делегации, и не только американской, но и других, мы, несомненно, приобрели друзей.

ПЛАН «БАРБАРОССА»

С момента нашего приезда в Нюрнберг каждый день для нас был наполнен большими разнообразными событиями, а нередко и переживаниями. Многие американцы, с которыми мы познакомились в первый же день, в беседах с нами многозначительно упоминали о плане «Барбаросса». Они говорили, что это очень важно для нас, русских. Об этом плане мы

впервые услышали здесь, в Нюрнберге, и еще не знали, что так назывался гитлеровский план нападения на Советский Союз.

Позднее этот документ сыграл большую роль во всей нашей работе и послужил исходной точкой в наших документальных исследованиях. Вокруг него и в связи с ним в поле нашего зрения появлялись многочисленные документы немецкого фашизма.

Мы, как и все советские люди, хорошо знали о звериной ненависти гитлеровцев к Советской стране и нашему народу, мы уже были знакомы с человеконенавистническими «теориями» немецкого фашизма, с откровенным цинизмом высказанными Гитлером в его книге «Майн кампф». О неслыханных злодеяниях гитлеровцев на территории нашей страны мы знали из собственного опыта, из многочисленных сообщений Чрезвычайной государственной комиссии, из многих документальных фильмов, бесстрастно запечатлевших ужасы гитлеровской оккупации. Но мы не знали полностью того, с какой дьявольской утонченностью, холодно и расчетливо все преступные действия гитлеровцев были продуманы, разработаны и запланированы гитлеровскими главарями еще задолго до войны с Советским Союзом.

И нетрудно понять наши переживания, когда мы впервые читали подлинный план «Барбаросса» и другие документы гитлеровцев.

На нескольких страницах обычного текста, отпечатанного на пишущей машинке, сохранен для истории зловещий, кровавый план гитлеровцев, названный ими «Барбаросса». Слева в углу штамп «Ставка верховного главнокомандования вооруженных сил», справа в углу надпись — «Особо секретно», «Только через офицера». Немного ниже, посредине, наименование — план «Барбаросса».

Вы поймете наше волнение, когда мы читали заключительные строки этого плана:

«Конечной целью операции является отгородиться от азиатской России по общей линии Архангельск — Волга».

Вот куда рвались гитлеровские захватчики! Вот что хотели они сделать с нашей Родиной. На последней странице этого безумного плана инициалы тех, кто

подписал его: «J» — Иодль, «К» — Кейтель и, наконец, какие-то малопонятные иероглифы — «А. Н.» — Адольф Гитлер.

Теперь все мы, весь мир знает, кто разработал, составил этот безумный план.

Но вот где-то сбоку еще два незаметных инициала. Это подписи заместителя Иодля — генерала Варлимонта и одного из сотрудников штаба Иодля полковника фон Лоссберга.

Как я уже говорил, план «Барбаросса» послужил для всей нашей работы исходной позицией. Этот план сопровождался изданием гитлеровским верховным главнокомандованием целого ряда дополнительных документов — оперативных приказов, инструкций, распоряжений и т. п. Мы, естественно, заинтересовались, почему гитлеровцы избрали для плана нападения на Советский Союз шифр «Барбаросса», и пытались выяснить это во время допросов.

Кейтель отослал нас к памяти Иодля, сославшись при этом на то, что Иодль, дескать, помоложе и память у него получше. Кроме того, заявил Кейтель, наименование отдельных военных планов — это, так сказать, дело техническое и второстепенное и не ему, фельдмаршалу, было заниматься такими делами. Иодль в свою очередь сослался на то, что шифр «Барбаросса» был, очевидно, придуман кем-либо из второстепенных сотрудников штаба и вообще это не имело особого значения. Более откровенный генерал Варлимонт (он был допрошен в качестве свидетеля и на Нюрнбергском процессе не фигурировал) рассказал, что еще летом 1940 года первоначальные подготовительные действия по переброске немецких войск к восточным границам были предусмотрены приказом, зашифрованным словами «Ауфбау Ост», что означало «Строительство на Востоке». Затем мероприятия по подготовке нападения на Советский Союз были зашифрованы под названием «Фриц» и, наконец, по предложению Иодля последний вариант плана нападения на СССР был назван план «Барбаросса».

Как выяснилось, Иодль, с несвойственными ему горячностью и темпераментом, всюду доказывал, что под мощными ударами гитлеровской военной ма-

шины Советский Союз развалится как карточный домик. И надо думать, что шифр «Барбаросса» был выбран не случайно и, несомненно, не без ведома гитлеровских главарей. Сейчас, после разгрома гитлеровских полчищ и капитуляции гитлеровской Германии, им, конечно, не хотелось объяснять происхождение шифра «Барбаросса». Но когда они готовили свои преступные планы, им, вероятно, мерещилась средневековая импозантная фигура императора Фридриха Барбаросса, который вел агрессивную политику и был участником крестовых походов на Восток.

Так, переходя от одного документа к другому, мы как бы перелистывали страницы истории, страницы, на которых с холодной бесстрастностью сами гитлеровские главари, от больших до малых, пунктуально описывали кровавые события эпохи гитлеровского владычества. Становилось жутко, когда мы читали официальные отчеты «доктора» унтерштурмфюрера Беккера — изобретателя душегубок — об его инспекционной поездке по Украине для проверки действия душегубок, или зондермашин, как их называли фашистские палачи.

Беккер бесстрастно докладывал, что в результате произведенных им усовершенствований люди, умерщвляемые в душегубках, испытывают меньше страданий. Далее Беккер объяснял, по каким техническим причинам казнь в душегубках раньше была особенно мучительной. Тут же он проявляет «трогательную» заботу о палачах. У них, видите ли, начинается головная боль от вдыхания газа, когда они освобождают зондермашины от трупов казненных. И Беккер указывает в своем отчете, что в результате принятых им мер эти «недостатки» устранены. Головы у гитлеровцев теперь не болят.

Или другой документ — отчет гитлеровского гебитскомиссара в Слуцке об истреблении мирных жителей этого города. Женщин, детей, стариков палачи уничтожали самым зверским образом там, где заставали. В этом отчете нацистский ставленник описывал дикую расправу над беззащитными людьми.

Перед нами стенографический отчет о совещании у Гитлера 1 декабря 1941 года. На повестке дня один

вопрос — о борьбе с советскими партизанами. На этом совещании Иодль, дополняя выступление Гитлера, заявил: «Их можно вешать, вешать вниз головой, четвертовать, в этом нет ничего особенного».

Заметки Розенберга. Этот аккуратный и дотошный человек записывал все. В его архивах имеются заметки к беседе с фюрером, заметки о беседе с фюрером, заметки после беседы с фюрером и т. п. Все они аккуратно перепечатаны на пишущей машинке, на каждой проставлена дата и внизу собственноручная подпись Розенберга. Все это он сохранял в своих архивах «для истории» — этот самоуверенный и наглый гитлеровец.

Вот одна из заметок Розенберга: «Я сказал фюреру, что по его поручению долго ломал голову над переименованием городов Симферополя и Севастополя». И дальше: «Фюрер одобрил мое предложение переименовать Симферополь в Готенбург, а Севастополь — в Теодорихсгафен». Об этом мы напомнили Розенбергу позже, во время его допроса.

Стенографическая запись совещания у Заукеля. Фюрер приказал доставить для сельского хозяйства Германии 400—500 тысяч отборных (там так и записано — «отборных») здоровых девушек и молодых женщин. Заукель информирует своих подчиненных об этом совещании. Он сообщает им, что Гитлер поставил задачу онемечить этих девушек и женщин.

В Нюрнберге я встретил одну такую девушку. Это была красивая черноглазая девушка из Курска. Ее звали Шура, она работала уборщицей в доме, где мы жили в Нюрнберге. Шуре не было еще 20 лет. В пятнадцатилетнем возрасте гитлеровцы угнали ее в Германию. Она несколько лет прожила здесь в баварской деревне, уже стала забывать свою родную русскую речь и медленно, как бы вспоминая, произносила русские слова. Зато Шура совершенно свободно говорила по-немецки, и местные жители принимали ее за немку. Эта Шура, черноглазая, веселая Шура, стоит и сейчас перед моими глазами как живое свидетельство нацистской политики германизации...

И еще один стенографический отчет. Запись созванного Гиммлером совещания оберштурмбанфюре-

ров в Познани. На этом совершенно секретном совещании Гиммлер объявил, что для возвеличивания германской расы поставлена задача уничтожить тридцать миллионов славян. Тридцать миллионов! Тридцать миллионов ни в чем не повинных людей. Таковы масштабы преступлений, которые планировали нацистские главари.

Перелистывая страницу за страницей, все эти кровавые документы немецкого фашизма, ставшие теперь уже широко известными, мы еще и еще раз с новой силой и болью пережили муки, страдания и горе наших соотечественников, ставших жертвами кровавого произвола гитлеровских варваров. Но мы стали еще более собранными и уверенными. Нам предстояла встреча с глазу на глаз с главными немецкими военными преступниками.

В то время как одни следователи вместе с переводчиками упорно и напряженно работали над текстами документов, другие кропотливо и скрупулезно готовились к допросам. Все отработанные, подлинные немецкие документы тщательно изучались, анализировались, сопоставлялись; такой же тщательной обработке подвергались присылаемые американцами протоколы допросов. Немало часов мы проводили в кабинетах американских следователей, присутствуя на проводимых ими многочисленных допросах.

Так шла подготовка к выполнению основной задачи, которая стояла перед нами в Нюрнберге,— к допросу главных военных преступников.

У АМЕРИКАНСКИХ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Прежде всего хотелось бы рассказать о внешней стороне работы американских следователей, о технике их работы.

Для допросов в здании Дворца юстиции, на втором этаже, была выделена обособленная секция со специальной охраной и особым коридором, через который проводили арестованных непосредственно из здания тюрьмы. В этой секции были расположены кабинеты следователей. Здесь в дальнейшем вели свои допросы и мы. Вход в секцию разрешался

только по особым пропускам, которые подписывал лично полковник Эмен. Миновав пост американской охраны, вы попадали в длинный коридор и приобретали в дальнейшем полную свободу действий, то есть беспрепятственно могли переходить из одного кабинета в другой в зависимости от того, кто из допрашиваемых вас больше всего интересовал. Уже заранее было известно, кого, в какой именно кабинет и в какие часы приведут на допрос. Несмотря на все внешние строгости, обстановка в кабинетах американских следователей нередко напоминала театральное зрелище. Туда проникали просто из любопытства многие сотрудники американской и других делегаций, не имевшие никакого отношения к следственной работе. Внешне эти «театрализованные» допросы представляли примерно такую картину.

В конце кабинета, у окна, за большим столом, сидел следователь. Справа от него располагался стенографист. Обычно это был молодой человек в форме американского солдата с абсолютно бесстрастным и безразличным лицом, записывавший ход следствия на маленькой почти бесшумной стенографической машинке, напоминающей обычную портативную пишущую машинку. С другой стороны стола, наискосок от следователя, сидел переводчик и, наконец, напротив следователя — допрашиваемый. Вдоль стен почти до самой входной двери были расставлены стулья, на которых сидели любопытствующие. Иногда количество зрителей достигало 10—12 человек. При этом каждый из них мог в любое время встать, выйти из кабинета и также свободно возвратиться, занять свободный стул или просто стать у стены. Всем присутствовавшим не возбранялось курить. У дверей стоял или сидел на стуле солдат американской охраны в белом шлеме, с белым поясом и в белых перчатках, в брюках защитного цвета, в белых гетрах, обтягивавших щиколотки ног. Кобура для пистолета также была белого цвета. Вначале защитный цвет одежды солдат американской охраны в сочетании с неожиданно вкрапленным в нее белым цветом вызывал рябь в глазах, но затем мы к нему привыкли.

Вскоре мы освоились с порядками, заведенными у американцев, и сами, без стеснения, в любое время

появлялись в любом кабинете. Американские следователи не обращали никакого внимания на это вечное движение и невозмутимо выполняли свою работу. Когда мы начали свои допросы, нам волей-неволей пришлось подчиниться этому уже заведенному порядку. Идти со своим уставом в чужой монастырь намерений у нас не было. Однако, справедливости ради, нужно сказать, что кое-какие свои порядки мы все же завели.

Допрос у американских следователей обычно начинался с произнесения присяги. Следователь вставал, приглашал встать допрашиваемого и переводчика. Оба они поднимали вверх правую руку, следователь произносил слова присяги, а допрашиваемый и переводчик повторяли за ним. Все остальные, присутствовавшие при этой церемонии, оставались на своих местах. До вручения обвинительного акта главные военные преступники допрашивались в качестве свидетелей. Допросы продолжались и после предъявления обвинения, но к присяге приводились только переводчики. Присяга была трафаретной, и американские следователи относились к ней как к пустой формальности. Она гласила следующее:

«Клянусь всевышним богом, что буду показывать правду, только правду и ничего, кроме правды. Да поможет мне бог».

Нужно сказать, что после этих, в общем-то торжественных слов присяги, произносившихся следователями с невероятной поспешностью, обвиняемые и свидетели лгали с такой наглостью и цинизмом, что даже у спокойных и выдержанных американских следователей порой от возмущения краснели уши.

Американские следователи в большинстве своем были представлены офицерами военного времени в чине от майора до полковника. В прошлом это были люди различных юридических профессий, знаний и способностей.

Работа американских следователей, на наш взгляд, могла бы быть лучше организована и дать больше эффекта. Следователи работали четко, по графику, были хорошо подготовлены к допросам, снабжены всеми необходимыми документами, справками и т. п. Частенько им ассистировали наиболее

осведомленные сотрудники документального отдела. Однако в работе американских следователей не чувствовалось целеустремленности, заинтересованности в результатах своей работы, что характеризует работу советских юристов. Не было у них и единого общего плана, даже подсудимые были распределены между следователями без какого-либо принципа, без какой-либо определенной системы. Например, Кейтель и Иодль, представлявшие гитлеровскую военную клику, и Шахт и Функ, представлявшие гитлеровскую экономику и финансы, допрашивались разными следователями. Допросы так называемых свидетелей проводились также без какой-либо системы. Кроме того, в процессе работы следователи нередко менялись. Разумеется, эти серьезные недостатки отрицательно сказывались на всей следственной работе американцев. В результате было исписано огромное количество бумаги, однако использовать для целей процесса практически оказалось возможным очень немного. Мы склонны отнести эти недостатки прежде всего за счет отсутствия у американцев опыта ведения следствия, поскольку у них в стране действуют принципы англосаксонского процессуального права, не предусматривающего предварительное следствие в нашем понимании. Устав Международного военного трибунала и определенная им судебная процедура восприняли некоторые особенности англосаксонского процессуального права и советского уголовного судопроизводства. В Нюрнберге, по сути дела, американцы впервые отступили от своего собственного уголовно-процессуального закона и были вынуждены допустить предварительное следствие, то есть производить следственные действия до суда. Это диктовалось особенностями самого Нюрнбергского процесса, его масштабами и историческим значением.

Отмеченные недостатки в работе американского следственного аппарата на Нюрнбергском процессе привели к тому, что допросы, проводившиеся американскими следователями, в известной мере нередко носили формальный характер. Создавалось впечатление, что американские следователи стремятся прежде всего во что бы то ни стало выполнить уста-

повленный им график, даже в ущерб существу дела. Все допросы они вели в исключительно быстром темпе, вопрос следовал за вопросом, причем с такой поспешностью, что допрашиваемый не всегда успевал дать полный ответ. Крайне редко задавались дополнительные или уточняющие вопросы. Я не помню случая, чтобы ко времени обеденного перерыва или окончания рабочего дня кто-нибудь из американских следователей не закончил допрос, хотя то или иное обстоятельство оставалось еще не выясненным или допрашиваемый не успевал толком ответить. Обычно следователь смотрел на часы, поднимался со своего кресла и объявлял, что наступило время обеденного перерыва или конца работы и поэтому допрос прекращается. Казалось, следователи во что бы то ни стало стремятся задать как можно больше намеченных вопросов и выполнить график, а содержание ответов — это, так сказать, дело второстепенное. Именно поэтому, мне кажется, появлялись на свет такие «уникальные» документы, как, например, протокол допроса бывшего австрийского канцлера Шушнига. Этот протокол занимал не меньше сотни страниц печатного текста. Он содержал массу самых разнообразных вопросов и крайне поверхностных и маловразумительных ответов обо всем. Такого рода допросы скорее напоминали своеобразный автомат вопросов и ответов. Мы, конечно, понимали, что перед американскими следователями не ставилась задача добиться признания подсудимых, тем более при помощи метода убеждения или разъяснения. Это было бы просто смешно, имея в виду, что речь шла о нацистских главарях, о главных военных преступниках. Такой задачи не ставили перед собой и советские следователи. Но хотя бы элементарно выяснить до конца каждый поставленный вопрос мы все же считали необходимым. «Техника» американских допросов в значительной степени определяла и их тактику. Допросы, проводившиеся американскими следователями, носили прежде всего, если так можно сказать, информационный, зондирующий характер. Ставилась задача выяснить как можно больше. А так как речь шла о преступлениях целого государства и его руководителей, причем за период, исчисляемый

полутора десятками лет и затрагивающий многочисленные преступления немецкого фашизма на огромных территориях, то, естественно, к каждому подсудимому накапливалось множество самых разнообразных больших и малых вопросов. От такой техники и тактики мы сразу же отказались и действовали в своей работе в соответствии с нашим уголовно-процессуальным законом в той, разумеется, мере, в какой это допускалось Уставом трибунала.

К чему порой приводили методы спешки и стремление наших американских коллег объять необъятное, можно судить хотя бы по такому эпизоду.

Однажды к нам попал протокол допроса Шахта. В нем был записан длинный разговор американского следователя с Шахтом о так называемом методе «МЕФО». Понять толком из протокола, о чем идет речь, что такое метод «МЕФО», было нельзя. Предполагая, что такого рода запись протокола могла быть результатом плохой работы переводчика, я решил обратиться к первоисточнику — к американскому следователю, который допрашивал Шахта. Но и он не смог вразумительно объяснить, в чем дело, и отослал меня к консультанту американской делегации по финансовым вопросам. В конечном итоге, чтобы разобраться с методом «МЕФО» — а он имел первостепенное значение для обвинения Шахта,— пришлось обратиться во время допроса непосредственно к автору этого метода — самому Шахту. Но об этом дальше.

Существенное значение для нас имело ознакомление с поведением подсудимых на допросах у американских следователей. Это было необходимо для того, чтобы занять наиболее тактически правильную линию поведения и быть подготовленными к возможным неожиданностям при встречах с главными военными преступниками. С этой точки зрения наши наблюдения не дали нам ничего особенно ценного. На допросах у американцев подсудимые вели себя достаточно чинно. Они раскланивались, расшаркивались, ожидали приглашения сесть, встать, вели себя сдержанно и более или менее охотно давали показания. Лишь однажды Ганс Франк после несколько более, чем обычно, энергичного допроса бросил оскор-

бительное слово в адрес американского следователя, но тотчас же был удален из кабинета. Этот случай нам запомнился. Однако во время нашего допроса Франка никаких инцидентов не было.

В НЮРНБЕРГСКОЙ ТЮРЬМЕ

Незадолго до начала судебного процесса в Нюрнберг были доставлены из СССР арестованные бывший гроссадмирал Редер и ближайший сотрудник Геббельса Фриче. Они прибыли уже затемно, и мы принимали их во дворе Нюрнбергской тюрьмы вместе с ее комендантом американским полковником Эндрюсом. Это был пожилой, подтянутый, с подчеркнутой военной выправкой человек, со стеком в руке. Он во всем любил некоторую помпезность и, особенно на людях, несколько торжественно выполнял свои комендантские обязанности. Редер и Фриче были осмотрены тюремным врачом, который нашел их вполне здоровыми и в состоянии «хорошей упитанности», как это было отмечено в приемном акте, и помещены на первом этаже главного корпуса тюрьмы, где содержались главные военные преступники. Это было длинное, широкое помещение, по обеим сторонам которого находились камеры арестованных. На двери каждой камеры висела небольшая табличка с фамилией арестованного. На втором этаже, также с обеих сторон, располагались камеры, где содержались так называемые свидетели. Что это были за свидетели, можно судить хотя бы по тому, что среди них находились упоминавшийся нами Варлимонт, Гудериан, Манштейн и многие другие гитлеровские фельдмаршалы, генералы, крупные эсэсовские чины и т. п. Вдоль камер второго этажа имелись узкие проходы с перилами, между которыми была натянута проволочная сетка, образующая как бы потолок первого этажа. Такие сетки устанавливаются обычно для того, чтобы арестованные не могли броситься через перила вниз. Когда входишь в помещение первого этажа, прежде всего невольно бросается в глаза застывшая у дверей камер охрана. Ее несли круглые сутки, посменно, американские солдаты, не

спускавшие глаз с окошечка, имевшегося в двери каждой камеры. До самоубийства Лея* такой охраны, к сожалению, установлено не было, и один солдат вел наблюдение одновременно за тремя арестованными. Это и дало возможность Лею повеситься на водопроводной ручке унитаза. В целях обеспечения безопасности освещение камер в вечернее и ночное время производилось снаружи при помощи специальных электрических рефлекторов. Эти рефлекторы или закреплялись на особом крюке над окошечком камеры, или солдат просто держал рефлектор в руках, освещая таким образом камеру. Сама камера (они были однотипны) представляла собой помещение размером около трех метров в длину и полутора метров в ширину, с довольно высоким потолком и каменным полом. Обстановка ее состояла из койки с солдатским защитного цвета одеялом, небольшого фанерного столика и стула. Во внутреннем углу помещался унитаз. Нужно сказать, что после самоубийства Лея режим предварительного заключения военных преступников в Нюрнбергской тюрьме стал значительно строже.

Меня нередко спрашивают, как могло случиться, что Геринг после вынесения приговора покончил с собой. Нужно иметь в виду, что несмотря на достаточно строгий тюремный режим, подсудимые имели возможность довольно свободно общаться со своими адвокатами в зале судебного заседания, обмениваться между собой записками, переговариваться во время перерывов. Следует также учесть, что обслуживание подсудимых (доставка им пищи, уборка камер, парикмахерские процедуры и т. п.) осуществлялось военнопленными, хотя и отобранными специально для этой цели американской администрацией. Понятно, что в таких условиях не представляло особых сложностей передать крохотную ампулу с цианистым калием. Не составляло труда и сохранить такую ампулу самому арестованному. Достаточно вспомнить обстоятельства самоубийства Гиммлера,

---

* Главный нацистский преступник, руководитель так называемого трудового фронта.

точно так же использовавшего ампулу с ядом, которую он скрывал у себя. Нельзя исключить и того, что такие же ампулы имели и другие военные преступники, но в силу различных причин не смогли ими воспользоваться.

Но факт остается фактом, Геринг после вынесения приговора отравился, а этого не должно было случиться и не случилось бы, если бы охрана была организована надлежащим образом.

ТЕНЬ ГИТЛЕРА

Мне не представилось возможности допросить Рудольфа Гесса, да в то время это было бессмысленно: Гесс симулировал душевное заболевание. Тем не менее мне все же довелось наблюдать его при довольно любопытных обстоятельствах. Но об этом я расскажу несколько позже.

С 1925 по 1932 год Гесс был личным секретарем Гитлера, а затем стал председателем Центрального политического комитета нацистской партии.

В апреле 1933 года он был назначен заместителем фюрера, а 1 сентября 1939 года, в день нападения гитлеровской Германии на Польшу,— преемником фюрера.

Гесс в гитлеровской Германии обладал огромной властью. Действуя в тени Гитлера, Гесс фактически имел отношение к каждой области нацистской жизни, к управлению государством.

В декрете Гитлера от 21 апреля 1933 года указывалось: «Настоящим я назначаю Гесса моим заместителем и даю ему полную власть выносить решения от моего имени по всем вопросам партийного руководства».

Масштабы этой власти характеризовались в ежегоднике нацистской партии следующим образом: «...Заместитель фюрера является представителем фюрера с полной властью над всем руководством германской национал-социалистской рабочей партии. Канцелярия заместителя фюрера является канцелярией самого фюрера. Обязанность заместителя

фюрера, в сущности, руководить основными политическими мероприятиями, давать директивы и заботиться о том, чтобы вся работа партии проводилась согласно принципам национал-социализма. Все нити партийной работы сходятся в руках заместителя фюрера. Ему принадлежит окончательное слово партии по вопросам всех внутренних партийных планов и по всем вопросам, жизненно важным для существования германского народа. Заместитель фюрера издает директивы, которые требуются для всей партийной работы, с тем чтобы обеспечить единство, решительность и боевую мощь национал-социалистской партии в качестве носителя национал-социалистской философии.

Наряду с обязанностями партийного руководителя заместитель фюрера обладает широкими полномочиями в области государственной деятельности. Этими полномочиями является участие в национальном и государственном законодательстве, включая подготовку приказов фюрера».

Так в действительности и было. Приверженец Гитлера, фанатичный поборник нацистской идеологии, Гесс широко пользовался своим положением и властью для осуществления бредовых преступных идей своего фюрера.

Один из наиболее ярких нацистских панегириков Гессу был напечатан в фашистской газете «Национаь-цейтунг» от 27 апреля 1941 года. Вот выдержка из него:

«Его работа и обязанности так многосторонни и универсальны, что их невозможно определить в нескольких словах. В связи с характером тех обязанностей, которые возложены на заместителя фюрера, широкая общественность мало слышит о деятельности Рудольфа Гесса. Мало кто знает о том, что многие правительственные мероприятия, особенно в области военной экономики и по линии партии, которые встречаются единодушным одобрением по их обнародовании, проведены по инициативе заместителя фюрера».

Такова политическая характеристика, данная Гессу официальной прессой. Однако следовало бы дополнить ее еще одним немаловажным штрихом. Гесс

создателем и руководителем широкой сети нацистских организаций за рубежом, составлявших «пятую колонну» гитлеровского режима.

Английский обвинитель на Нюрнбергском процессе Гриффит-Джонс был прав, когда утверждал, имея в виду подсудимых, что эти люди без тени сомнения могли бы одинаково полно и справедливо быть признаны виновными, учитывая посты, которые они занимали, и размах и масштабы преступлений, которые были совершены нацистским режимом.

Это полностью относится и к Гессу.

Другой английский обвинитель в Нюрнберге — Оливер Джонс, выступая с представлением доказательств по разделу «Фашистская идеология как база агрессии», говорил: «Господа судьи, мой долг теперь привлечь внимание Трибунала к документу, идеи которого стали символом веры всех подсудимых. Я имею в виду книгу Гитлера «Майн кампф», которая дала возможность подсудимым заранее знать преступные цели нацистских руководителей.

Эта книга может быть названа основным планом нацистской агрессии».

Гесс писал библию фашизма — «Майн кампф» под диктовку Гитлера, находясь с ним в тюрьме после мюнхенского путча. Большое внимание в ней было уделено нашей стране.

Гитлер диктовал Гессу: «Если новая территория должна быть приобретена в Европе, она должна быть приобретена главным образом за счет России. И снова Германская империя должна пойти по той же дороге, по которой прежде шли тевтонские рыцари, на этот раз для того, чтобы приобрести земли для германского плуга с помощью германского меча...»

«...Доказательства, заключенные в книге «Майн кампф»,— продолжал Э. Джонс,— будучи рассмотрены в свете последующего поведения Германии по отношению к другим странам, показывают, что с момента достижения власти, а фактически задолго до этого, Гитлер и его сообщники — подсудимые были заняты тем, что планировали и подготавливали агрессивную войну. События доказали это кровью и несчастьями миллионов женщин, мужчин и детей... При-

нимая и пропагандируя звериную философию «Майн кампф», нацистские сообщники, обвиняемые здесь перед судом, намеренно толкали нашу цивилизацию в пропасть войны».

Гесс в качестве заместителя фюрера по партии был главным проводником «идей» «Майн кампф» и несет за их осуществление равную ответственность с Гитлером.

Деятельность Гесса, хотя и находилась как бы в тени, представляла собой конкретное, непосредственное участие в многочисленных преступлениях нацистского режима, от актов агрессии до осуществления расоненавистнических «теорий».

Гесс подписал декрет от 9 июня 1934 года о создании службы безопасности (СД), как единственной службы политической информации и защиты партии. 14 декабря 1938 года он поставил подпись под декретом об организационном единстве СС и СД.

Решающую роль сыграл Гесс в проведении расоненавистнической идеологии нацистской партии. Его личные взгляды в этой области выражены в речи, произнесенной им 16 января 1937 года:

«Организация национал-социалистской партии будет использована в целях просвещения народа по вопросам расы, народного здравоохранения и увеличения народонаселения. Как у нас на родине, так и в иностранных государствах немцы, находящиеся под влиянием национал-социализма, должны быть воспитаны таким образом, чтобы снова гордиться тем, что они — немцы, чтобы держаться всем вместе и уважать друг друга. Они должны быть воспитаны в таком духе, чтобы ставить немцев выше подданных других государств, независимо от их социального положения или происхождения...»

15 сентября 1935 года Гесс подписал расоненавистнический закон «о защите крови и чести», который положил начало преследованиям евреев.

Подготовка и развязывание агрессивной войны, агрессивные акции против отдельных государств были осуществлены гитлеровской Германией при активном и непосредственном участии Гесса. Но факт, что вероломное нападение гитлеровской Германии на Советский Союз было осуществлено, когда Гесс был

интернирован в Англии. Однако это обстоятельство ни в коей мере не снимает с Гесса ответственности за идеологическую и военную подготовку войны.

12 марта 1938 года нацисты осуществили аншлюс Австрии. Декрет о насильственном присоединении этой страны к Германии подписал Гесс. Он вместе с Гиммлером первым из нацистских главарей появился в Вене.

Известно, что еще 2 июня 1938 года гитлеровцами был принят план под кодовым наименованием «Ротеплан» («Красный план») о возможных действиях против западных держав — мобилизация и использование ВВС в случае войны с Францией вследствие германо-чешского конфликта. Последующая подготовка к развязыванию агрессивной войны была связана с решением проблемы, откуда начинать военные действия: с Запада или Востока. Гитлер колебался, понимая трудности ведения войны на два фронта. Но как показали последующие события, он остался верен своим планам похода на Восток, с откровенностью изложенным в «Майн кампф». В то же время первостепенной заботой гитлеровской клики было стремление избежать любыми средствами войны на два фронта.

И одной из политических акций, удавшихся гитлеровцам в этих целях, явилось заключение 30 сентября 1938 года позорного мюнхенского пакта между Великобританией и Францией, с одной стороны, и Германией и Италией — с другой. Этот документ достаточно хорошо известен, тем не менее представляется полезным привести высказывание по этому поводу американского обвинителя на Нюрнбергском процессе Олдермана.

«Мы можем теперь,— сказал Олдерман,— записать на страницах истории правду, касающуюся обманов и мошенничеств, практиковавшихся нацистскими заговорщиками в их стремлении достичь своей цели; мюнхенский пакт явился трамплином для дальнейшей агрессии. Нельзя не вспоминать об этом без того, чтобы снова не переживать всех ужасов войны, угрозы всему миру или страха перед войной, который охватил всех свободолюбивых людей. Надежда на мир, которая пришла с заключением мюнхенского

пакта, оказалась насмешкой, обманом и ловушкой, тщательно подстроенной присутствующими на этом суде подсудимыми».

События после Мюнхена развивались точно в соответствии с нацистскими планами. 1 октября 1938 года гитлеровцы уже оккупировали Судетскую область, 15 марта 1939 года вторглись в Чехословакию (план «Грюн»), захватили Богемию и Моравию и, образовав так называемый протекторат, осуществили расчленение Чехословакии.

Гесс подписал декрет о присоединении Судетской области к Германской империи.

Тем временем шла лихорадочная подготовка к захвату Польши, территория которой должна была служить для гитлеровцев плацдармом для нападения на Советский Союз.

1 сентября 1939 года гитлеровцы осуществили свой план «Вейс», вторглись и захватили Польшу, а уже 3 сентября было объявлено состояние войны между Великобританией и Германией, между Францией и Германией.

1 сентября 1939 года Гесс подписал декрет о присоединении к империи польской территории.

Все последующие агрессивные акции нацистов, за исключением нападения на Советский Союз,— оккупация Норвегии и Дании, Бельгии, Голландии и Люксембурга, вторжение во Францию и заключение Компьенского мира, захват Греции и Югославии — были осуществлены до полета Гесса в Англию.

Мы приводим эти сведения для того, чтобы сослаться затем на то, что миссия Гесса при полете в Англию 10 мая 1941 года была звеном в общем плане нацистских главарей избежать войны на два фронта и развязать руки перед нападением на Советский Союз.

30 августа 1940 года главнокомандование сухопутных сил гитлеровской Германии издало директиву под кодовым названием «Зеелёве» («Морской лев»), в которой было разработано вторжение гитлеровских войск на Британские острова, а 10 декабря 1940 года издана директива под кодовым названием «Атилла», предусматривавшая возможность захвата неоккупированной части Франции.

Таким образом, гитлеровцы стремились обеспечить себе тыл и создать реальные возможности для осуществления молниеносной войны против Советского Союза. И действительно, 18 декабря 1940 года была издана подписанная Гитлером директива под условным названием план «Барбаросса».

Гесс по своему руководящему положению в Германии не мог не знать о всех перечисленных преступлениях против мира и не участвовать в них.

Перед самым полетом в Англию, выступая на заводе Мессершмитта, Гесс заявил: «Германский солдат должен понимать, что за совершенство и обилие его оружия и материальной части он должен быть благодарен Адольфу Гитлеру, в течение многих лет неустанно отдававшему этому свои усилия».

Немало усилий отдавал этому и сам Гесс, начиная с подписанного им декрета от 16 марта 1935 года о введении обязательной воинской повинности, призывов к немцам подтянуть пояса в целях вооружения гитлеровской Германии и кончая полетом в Англию, целью которого было вывести ее из войны путем заключения сепаратного мира.

Теперь сошлемся на адвоката Гесса Зейдля и его интерпретацию обстоятельств и целей полета его подзащитного на Британские острова.

Итак, полет Гесса состоялся 10 мая 1941 года. 9 июня произошла беседа между Гессом и лордом Саймоном, причем Гесс передал документ, содержащий четыре условия, при которых Гитлер согласен заключить мир с Англией.

Эти условия, как их изложил адвокат Зейдль, заключались в следующем: 1) для того чтобы воспрепятствовать возникновению новых войн между державами «оси» и Англией, должно быть произведено разграничение сфер интересов; сферой интересов держав «оси» должна быть Европа, сферой интересов Англии — ее империя; 2) возвращение Германии ее колоний; 3) возмещение ущерба германским гражданам и обязательство Германии обеспечить на равных условиях возмещение ущерба британским подданным; 4) перемирие и заключение мира одновременно также с Италией.

Гесс заявил Киркпатрику, представителю англий-

ского министерства иностранных дел, и лорду Саймону, что мнение Гитлера со времени окончания французской кампании в этом вопросе не изменилось.

Адвокат Зейдль пришел к выводу, что «эти заявления подсудимого находятся в полном согласии со многими заявлениями самого Гитлера, сделанными им по вопросу о взаимоотношениях между Германией и Англией». Зейдль сослался на то, что Геринг и Риббентроп в своих показаниях подтвердили, что сообщенные Гессом лорду Саймону условия полностью соответствовали намерениям Гитлера.

Возникает вопрос: почему тогда гитлеровская пропаганда стала всячески открещиваться от Гесса, заявляя, что его полет в Англию был совершен им по личной инициативе, под влиянием чуть ли не помешательства? Да по одной простой причине. Миссия Гесса провалилась!

Расскажем все же о некоторых обстоятельствах полета, чтобы опровергнуть заявления гитлеровской пропаганды. Прежде чем полететь на Британские острова, Гесс неоднократно упражнялся в пилотировании самолета. Тренировки, как и другие приготовления, связанные с подготовкой к полету, требовали участия многих лиц. Гесс был широко известен в стране, и его мог узнать любой человек, поэтому сохранить все это в тайне практически было невозможно. Провожал Гесса гаулейтер Эрнст Боле, статс-секретарь гитлеровского МИД и подчиненный Гесса по заграничному отделу партии. При существовавшей в третьем рейхе иерархии и безоговорочном подчинении воле Гитлера Гесс, хотя и являлся заместителем фюрера, никогда бы, разумеется, не пошел на риск самостоятельного полета в Англию и вступления в официальные переговоры о заключении мира. И в самой Англии полет Гесса был воспринят как официальная миссия от имени гитлеровской Германии, да и, по существу, Гесс изложил при переговорах именно ту самую позицию, которую занимал Гитлер. В этот период, как уже отмечалось, военная и экономическая обстановка была наиболее благоприятной для гитлеровской Германии — Франция поставлена на колени и устранена из войны, на Британ-

ские острова стали падать первые бомбы, Северное море бороздили германские подводные лодки.

Обратимся, однако, к официальным записям из отчетов Киркпатрика от 13 мая о беседе с Гессом. Он (Гесс) заявил,— пишет Киркпатрик,— что бомбежки только начались, причем начаты с большой неохотой; что производство подводных лодок в Германии огромно, что на оккупированных территориях у Германии имеются большие ресурсы сырья, что «вера в Гитлера и в окончательную победу неруушимы».

О беседе с Гессом 15 мая Киркпатрик писал: «Целью его собственного полета было предоставить нам возможность начать переговоры без ущерба для нашего престижа, и, если мы откажемся от такой возможности, это будет явным доказательством того, что мы не хотим взаимоотношений с Германией, тогда Гитлер будет иметь право — собственно, это будет его долг — полностью разгромить нас и держать после войны в состоянии полного подчинения».

И это была не простая угроза. К этому времени уже существовал агрессивный план «Зеелёве», и достаточно было команды Гитлера, чтобы он был приведен в действие и германские десанты осуществили высадку на Британские острова. И об этом знал Гесс, ибо он сам, на свой страх и риск, не посмел бы в такой форме ставить условия Англии.

Английский обвинитель Гриффит-Джонс, о котором мы уже упоминали, делает обоснованный вывод о том, что беседы Гесса с официальными лицами в Англии полностью раскрывают главную цель его полета. Причины будто бы гуманного характера, приводимые Гессом в объяснение его прибытия в Англию и так хорошо звучавшие между 10 и 15 мая, получили совсем новое освещение, когда немногим больше чем через месяц Германия напала на Советский Союз. За десять дней до прибытия Гесса в Англию была назначена точная дата нападения — 22 июня.

И Гриффит-Джонс делает вывод, что подсудимый Гесс, занимавший такие посты, как руководитель заграничной организации НСДАП, заместитель фюрера, за год до того назначенный его преемником, не мог

не знать об этих приготовлениях и планах. Поэтому единственная причина, из-за которой Гесс прилетел в Англию, носила вовсе не гуманный характер. Он прилетел лишь для того, чтобы создать возможность для Германии вести войну против России на одном фронте.

Чтобы исчерпать историю миссии Гесса, следует сказать, что еще до его полета, в острейший период конфликта с Польшей, гитлеровские главари пытались вывести Англию из войны.

Об этом поведал шведский коммерсант Биргер Далерус, вызванный в качестве свидетеля на Нюрнбергский процесс по ходатайству защитника Геринга Штамера. Далерус рассказал, что еще летом 1939 года он взял на себя миссию посредника в переговорах между Германией и Англией и с этой целью неоднократно встречался с деловыми людьми и официальными лицами Англии, с Герингом и Гитлером. Переговоры продолжались и после того, как Германия напала на Польшу.

Далерус показал на суде, что предложения Гитлера Англии до нападения на Польшу сводились к следующему: 1. Германия предлагает заключить пакт или союз с Великобританией. 2. Англия должна помочь Германии получить Данциг и Польский коридор. 3. Германия обязуется заботиться о народе Польши. 4. Следует достигнуть соглашения о колониях Германии...

26 сентября 1939 года Далерус встретился с Гитлером и Герингом. В ходе беседы Гитлер решительно заявил, что он вообще не собирался обсуждать вопрос о Польше. Польша оккупирована, и этот вопрос больше не касается Великобритании. Я понял, сказал Далерус, что его (Гитлера) цель заключалась в том, чтобы внести раскол между Польшей и Англией и, с согласия Англии, иметь возможность оккупировать Польшу без риска войны с Великобританией и Францией.

Полет Гесса был продолжением провалившейся миссии Далеруса в новых условиях. И в том и в другом случае эти переговоры, позиция в них гитлеровской Германии — свидетельство авантюристической политики нацистских главарей.

Юридическая квалификация действий Гесса в данном случае может быть сформулирована следующим образом: Гесс являлся активным участником нацистского заговора, непосредственно участвовал в подготовке агрессивной войны против Советского Союза. Именно с этой целью он взял на себя по поручению Гитлера миссию вступить в переговоры с официальными английскими представителями и путем угроз добиться устранения Англии из войны, с тем чтобы создать наиболее благоприятные условия для нападения на СССР и обеспечить гитлеровским войскам возможность ведения военных действий на одном фронте.

НА ДОПРОСЕ ГЕССА У АМЕРИКАНЦЕВ

Нужно сказать, что с работниками американской делегации у нас довольно быстро установился деловой контакт и хорошие взаимоотношения, мы часто виделись, обменивались мнениями по отдельным вопросам, советовались друг с другом.

Как-то однажды мне по телефону позвонил полковник Эмен и пригласил зайти к нему в кабинет, где, по его словам, должно было произойти что-то не совсем обычное. Оказалось, что только что из Англии в Нюрнбергскую тюрьму был доставлен Гесс, и Эмен намеревался провести его первый допрос. В числе немногих приглашение присутствовать на этом допросе получил и я. Эмен с переводчиком и несколькими ассистентами заняли свои обычные места за столом, а мы расположились на стульях вдоль стен. Гесса ввели два дюжих американских солдата. На нем, в отличие от других преступников, были надеты наручники, присоединенные цепочкой к одному из солдат: американцы первое время опасались каких-либо выходок со стороны Гесса. Позже наручники с него сняли. Первое внешнее впечатление от Гесса — чрезмерно длинные болтающиеся руки, голова, уходящая в плечи, сутулая спина и какая-то нелепая походка: ноги движутся, шаркая, строго по прямой, с почти несгибающимися коленями. Эту картину дополнял лысеющий, особенно на затылке, череп, резко

суженный к подбородку, с выдающимися скулами. У Гесса глубоко запавшие под заросшими, насупленными темными бровями маленькие злобные глазки и тонкий, как щель, почти безгубый рот. Говорит Гесс с пришептыванием и придыханием, то тихо, то неожиданно громко, все время жестикулируя и делая вид, что силится что-то вспомнить. На вопросы Эмена Гесс давал нарочито идиотские ответы: он не знает, женат ли он, есть ли у него дети; не помнит, как попал в Англию; не знает, кто такой Гитлер; что такое «Майн кампф» и т. п. На вопрос Эмена: «Что такое путч?» — Гесс напряженно думает, а потом неожиданно ударяет кулаком по столу. За свою многолетнюю следственную практику я перевидал немало психопатов, которых не так уж редко можно встретить среди уголовных преступников. И когда Эмен спросил о моих впечатлениях о Гессе, я сказал, что, по моему мнению, это психопат и у него довольно обычная в подобных случаях реакция на создавшуюся ситуацию. В таких случаях мы прибегаем к судебно-психиатрической экспертизе, сказал я Эмену, и она без особых затруднений почти безошибочно ставит диагноз. Эмен посмотрел на меня с некоторым недоверием, а я посчитал для себя неудобным убеждать его.

На следующий день Эмен снова позвонил мне и пригласил присутствовать еще на каком-то эксперименте. Он сказал, что будет очень интересно.

В кабинете Эмена на этот раз действительно собралось любопытное «общество». На прежнем месте сидел обезьяноподобный Гесс, а справа на стульях вдоль стены разместились бывший статс-секретарь германского министерства иностранных дел Боле, который имел отношение к полету Гесса в Англию; старик Гаусхофер — учитель Гесса и один из «теоретиков» немецкого фашизма в области так называемой геополитики; Герман Геринг и фон Папен. Эмен, показывая поочередно на сидящих, спрашивал Гесса, знает ли он их. Тот резко и громко отвечал: «Нет, не знаю, вижу в первый раз». Поведение Гесса вызвало у присутствовавших обычную в таких случаях реакцию. Так бывает, когда знакомый человек ни с того ни с сего вдруг начинает нести какую-нибудь несу-

ную чушь. Его сразу сторонятся, считая, что он сошел с ума. Так и они стали тревожно переглядываться, в глазах появились испуг и недоверие.

Геринг несколько раз крикнул Гессу: «Это я, я — Геринг!» Но тот промычал в ответ что-то невнятное, от чего Геринг совсем пришел в состояние растерянности, безнадежно махнул рукой и отвернулся. Гаусхофер оказался более терпеливым. Он долго и нудно рассказывал Гессу о его детстве, об их встречах. Но и это ни к чему не привело. Гесс твердил, что видит Гаусхофера впервые, хотя знал его лет тридцать. Как и следовало ожидать, эта очная ставка ничего не дала, и я снова сказал Эмену, что без специальной психиатрической экспертизы в данном случае не обойтись.

Позже она была проведена. Обследование психического состояния Гесса компетентными специалистами по поручению Международного трибунала показало, что Гесс до своего полета в Англию не страдал никаким душевным заболеванием и не является в настоящее время душевнобольным. Они охарактеризовали его поведение как истерическое, с признаками сознательного, намеренного (симулятивного) характера, что не освобождает его от ответственности за преступления, изложенные в обвинительном акте.

В связи с этим заключением врачей на заседании Международного трибунала 30 ноября 1945 года Гесс сделал следующее заявление: «Я хочу сказать, что с этого момента моя память находится в полном распоряжении Суда. Основания, которые имелись для того, чтобы симулировать потерю памяти, были чисто тактического порядка».

Международный трибунал принял решение продолжить слушание дела Гесса.

Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками полностью раскрыл преступный механизм нацистской партийной и государственной машины и, в частности, показал роль и место, которые занимал в этом механизме Рудольф Гесс.

Последнее слово, произнесенное Гессом перед судом, еще раз подтвердило, что этот человек продолжает оставаться приверженцем и последователем «идей» Гитлера, которые он записывал с его слов, сидя с ним в тюрьме.

«Я счастлив сознанием,— заявил Гесс,— что выполнил свой долг... в качестве национал-социалиста, в качестве верного последователя моего фюрера. Я ни о чем не сожалею. Если бы я опять стоял у начала моей деятельности, я опять-таки действовал бы так же, как действовал раньше, даже в том случае, если бы знал, что в конце будет зажжен костер, на котором я сгорю».

Таков Гесс в конце своего жизненного пути. Но судьба смилостивилась над ним. Международный военный трибунал в Нюрнберге признал его виновным в преступлениях против мира и приговорил к пожизненному тюремному заключению.

Суд не признал Гесса виновным в военных преступлениях и преступлениях против человечества. Несомненно, на такое решение суда повлиял тот факт, что Гесс, улетев 10 мая 1941 года в Англию, был там интернирован.

Советский судья заявил особое мнение о приговоре в отношении подсудимого Гесса, считая, что он должен быть подвергнут смертной казни. При этом судья исходил из особого положения Гесса в системе руководства нацистской партии и гитлеровского государства. Гесс был решительным приверженцем агрессивной политики Гитлера, и последним из преступлений против мира была миссия Гесса в Англию, рассчитанная на то, чтобы облегчить осуществление агрессии против Советского Союза путем временного замирения с Англией. В особом мнении советского судьи подчеркивалось, что Гесс изобличен также в военных преступлениях и преступлениях против человечности. Достаточно перечислить подписанные Гессом человеконенавистнические документы, чтобы убедиться в его виновности в этих преступлениях: закон «о защите крови и чести», об имперском гражданстве, о распространении нюрнбергских законов на территорию Австрии, о предоставлении подсудимому Франку прав диктатора в Польше и т. д. Гесс являлся инициатором создания особых «уголовных законов» для поляков и евреев на оккупированных территориях.

Роль Гесса в идеологической подготовке агрессивных войн, в том числе против Советского Союза, в

пропаганде расовых теорий, в подготовке нацистских кадров в духе человеконенавистничества убеждает в том, что он был виновен в преступлениях против человечества на всех территориях, оккупированных гитлеровцами, включая временно оккупированные территории СССР.

* *
*

Сейчас Рудольф Гесс продолжает отбывать определенное ему судом наказание в западноберлинской тюрьме Шпандау. Однако нашлись люди, в том числе официальные представители некоторых государств, которые, призывая к милосердию и гуманности и ссылаясь на преклонный возраст и нездоровье Гесса, настаивают на его освобождении. Эти люди предают забвению память десятков миллионов жертв гитлеровской агрессии, неисчислимые страдания и несчастья матерей, вдов, сирот, инвалидов войны.

В 1970 году, в связи с тем что Гесса временно под охраной поместили для обследования в английский госпиталь, вновь определенными кругами поднимался вопрос об освобождении Гесса. Неужели-де больной старик, пробывший 28 лет в заключении, должен остаться до конца жизни в тюрьме? Западная пресса со своей стороны старалась также поиграть на чувствах читателей.

Именно для этой цели реакционные и неонацистские круги, которые, без сомнения, стоят за всей этой шумихой, изо всех сил стремятся свести на нет, всячески снизить степень ответственности Гесса за преступления нацистского режима.

В числе сочувствующих ему оказался, как это ни странно, лорд Шоукросс, бывший главный обвинитель от Великобритании на Нюрнбергском процессе. Он предал забвению не только страшные злодеяния нацистского режима, жертвы своего народа, но и собственные клятвенные слова, которые произносил в Нюрнберге.

«Когда я выступал перед Вами в начале процесса,— говорил тогда Шоукросс,— я отметил, что наступает время, когда приходится сделать выбор между своей совестью и своим фюрером. Ни один из тех, кто, как эти люди, предпочел отречься от своей

совести ради этого чудовища, которое они сами создали, не может теперь жаловаться на то, что их привлекают к ответственности за соучастие в действиях этого чудовища. И меньше всего Гесс. Роль Гесса в нацистской партии точно установлена. Не удовольствовавшись созданием этого чудовища, он оказывал ему помощь во всех областях его чудовищной деятельности».

Настаивая теперь на освобождении Гесса под предлогом «гуманных» соображений, лорд Шоукросс отрекся от собственной совести.

Нет, не соболезнования и сочувствия заслуживает главный военный преступник Рудольф Гесс. Приговор Международного военного трибунала о пожизненном тюремном заключении Гесса при любых условиях должен быть безоговорочно выполнен. Международное право, принципы Устава и приговора Международного военного трибунала в Нюрнберге не могут и не должны уступить место действию темных сил, настаивающих на освобождении Гесса, воздействующих на судебную практику ФРГ, сплошь и рядом применяющую под различными предлогами досрочное освобождение тяжких нацистских преступников.

Международное право, нормы права, установленные Конвенцией ООН о неприменимости срока давности к нацистским преступникам, требуют безусловного исполнения приговора, вынесенного Гессу.

* *
*

История с Гессом вызывает в памяти другую поучительную историю, связанную с делом гитлеровского майора Редера, осужденного за убийство в районе Марцабото 1800 мирных жителей — мужчин, женщин, стариков, детей — и отбывающего наказание в Италии.

В течение 1967 года в Италии нацистской и фашистской террористическими ассоциациями была организована пропагандистская кампания с целью помилования Редера, который просидел в тюрьме более 20 лет. При этом использовались попытки разжалобить людей ссылками на чувства старой матери Ре-

дера, которая больше не сможет увидеть своего сына. Редер направил письмо мэру Марцабото, члену парламента, с просьбой о помиловании. Мэр Марцабото провел опрос населения, и единодушный ответ был — нет. «Нет», сказанное жителями Марцабото, вышло за пределы личности Редера. Для итальянцев он как человек не существует и являлся и является лишь символом прошлого, прошлого, которое до сих пор жжет сердца и которое больше не должно повториться. Отрицательные результаты голосования населения Марцабото не имеют отношения к немецкому народу, они имеют отношение к нацизму. Эти результаты не имеют отношения к одной личности или национальной группе, они касаются всех редеров, всех нацистских преступников, которые могут родиться или появиться в мире. Это «нет» не только попыткам оправдать ужасные преступления, совершенные немецкими нацистами 25 лет назад, а и тем ужасным преступлениям, которые совершаются в Индокитае по воле и приказу американских империалистов.

ПЕРЕД ДОПРОСАМИ

Мы усиленно готовились к допросам. Были изучены и подготовлены для использования во время допросов сотни документов, проведена их классификация и подборка по отдельным подсудимым; составлены картотеки, изучены материалы протоколов допросов, проводившихся американскими следователями; освоены основные «литературные произведения» фашистских главарей и другие печатные издания; подготовлены обширные материалы Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и многие другие документы. Наконец, разработаны подробные перечни вопросов, которые должны быть положены в основу допросов главных немецких военных преступников. Эти перечни были санкционированы главным обвинителем от СССР Р. А. Руденко, неизменно уделявшим большое внимание работе следственной части. Мы ставили своей задачей выяснить линию поведения и отношение главных немец-

ких военных преступников к важнейшим и основным вопросам, представлявшим интерес для советского обвинения. Поэтому наши перечни не были столь огромными, как у американских следователей, а время было спланировано таким образом, чтобы допрос каждого подсудимого (с учетом того, что все допросы нужно было переводить и стенографировать) не занимал более одного рабочего дня. Вместе с тем мы предусмотрели возможность в случае необходимости вызвать обвиняемых для дополнительных разъяснений и уточнений.

В вопросники для каждого из обвиняемых мы включили один общий для всех вопрос: «Знакомы ли вы с книгой «Майн кампф» и каково ваше отношение к ней?» Смысл его постановки заключался в том, чтобы выяснить, какой линии поведения будут придерживаться обвиняемые на предстоящем судебном процессе, будут ли они отстаивать идеи Гитлера или изберут какой-либо иной метод защиты. Однако ни один из них — ни Геринг, ни Риббентроп, ни кто другой,— как показали допросы, не попытался выступить в защиту Гитлера. Наоборот, они всячески открещивались от его высказываний.

Неожиданно перед нами возникло серьезное препятствие. Оказалось, что еще раньше, до нашего приезда в Нюрнберг, другие делегации обвинителей договорились между собой о том, что предварительные допросы подсудимых будут проводить только американские следователи. Это мотивировалось тем, что почти все захваченные главные немецкие военные преступники находились под охраной американских властей, и американские следователи уже успели проделать большую работу по проведению допросов. Если же у других делегаций возникнут вопросы к подсудимым до начала процесса, они зададут их через американских следователей. Ответы подсудимых на эти вопросы будут зафиксированы в протоколах допросов и переданы в письменном виде соответствующей делегации. Такой порядок нас устроить никак не мог. Наша страна внесла решающий вклад в разгром гитлеровской Германии, больше всех пострадала от нашествия гитлеровцев, и главные немецкие военные преступники должны были через советских сле-

дователей услышать твердый голос нашего народа, требующего от них ответа за совершенные злодеяния. Мы пошли к Джексону и прямо сказали ему об этом. К его чести, он нас понял, и мы вскоре приступили к допросам. Таким образом, главных военных преступников в Нюрнберге допрашивали только советские и американские следователи. Английские и французские обвинители удовлетворились тем, что передавали свои вопросы подсудимым через американских следователей. Наши допросы вызвали живой интерес со стороны других делегаций и, думается, оказались для них, в особенности для американских юристов, небесполезными. Так же как и у американцев, наши кабинеты были заполнены посетителями, в числе которых появлялись иногда и крупные иностранные общественные и политические деятели. Внешне обстановка допросов мало чем отличалась от той, что была у американцев. Правда, у нас в допросах участвовало несколько больше должностных лиц. Обычно допрос проводился следователем, которому помогал второй следователь — ассистент. Как показал опыт, это, несомненно, было полезно. Следователь-ассистент передавал ведущему допрос все необходимые документы, контролировал работу переводчика и стенографисток, следил за порядком. Таким образом, ведущий допрос имел возможность целиком и полностью сосредоточиться на главной задаче. Технический персонал был у нас такой же, как и у американцев, если не считать, что иногда мы приглашали немецкую стенографистку, когда допрос одновременно записывался на двух языках — русском и немецком. Кроме того, наши допросы, как правило, параллельно стенографировали американцы на английском языке. Такая обстановка усложняла работу, делала ее особенно напряженной.

Подсудимые уже знали, что в Нюрнберг приехали советские следователи. Увидев нас во время допросов у американцев, они бросали косые, встревоженные взгляды в нашу сторону. К началу допросов мы успели понаблюдать за всеми главными военными преступниками и составили о них некоторое представление. Но это все же еще не были встречи лицом к лицу — встречи следователя с преступником.

С советской стороны допросы вели пишущий эти строки и полковник С. Я. Розенблит.

Допрос начинался с разъяснения арестованным, что их допрашивает такое-то должностное лицо, представляющее Союз Советских Социалистических Республик. Затем, в соответствии с требованием нашего уголовно-процессуального закона, мы предупреждали переводчиков об их ответственности за правильный перевод показаний, но делали это несколько в более торжественной, чем обычно, форме.

Наконец наступил первый день допросов.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Фашистский преступник № 2

Геринга мне представилась возможность допросить дважды. Будучи доставлен в кабинет, Геринг с любопытством осмотрелся и довольно непринужденно сел на предложенный ему стул. У него вообще развязные манеры. Он самоуверен и не лишен, по-видимому, некоторого юмора. Ходил Геринг как-то широко и размашисто. В нем немало актерского, наигранного. Но это уже, по-видимому, сила привычки. Геринг, как известно, всегда имел слабость наряжаться и запечатлевать себя в огромном множестве фотографий. Любил позу и картинность...

Геринг — высокого роста, все еще довольно толстый, но какой-то рыхлый и одутловатый, с гладко выбритым бабьим обвислым лицом и мешками под довольно живыми светлыми глазами, с двойным подбородком; темные, достаточно густые, лоснящиеся волосы зачесаны назад. На бывшем рейхсмаршале светло-серый нескладный, с отложным воротничком китель, болтающийся на нем как на вешалке, широкие обвисшие галифе и высокие сапоги с непомерно большими голенищами. Как говорили здесь, Геринг, находясь в заключении, потерял не один десяток килограммов веса. Он несомненно неглуп, хитер, хотя и пытается казаться простаком.

Предлагаем Герингу перечислить посты, которые он занимал в гитлеровской Германии. Он перечисляет

множество самых разнообразных постов, затем останавливается, машет рукой и, улыбаясь, говорит: «Кажется все!»

Ничего оригинального в том, как защищался Геринг, не было. Он открещивался от Гитлера; ряд основных положений гитлеризма, в частности расовую теорию, оценивал как неправильные и вообще старался уклониться от вопросов, касающихся политической сущности нацизма. Он-де был против войны с Англией, не имел никакого отношения к подготовке войны против СССР. Что же касается разграбления оккупированных советских территорий, то поскольку шла война — это право победителей, а захваченные ценности — это, так сказать, военная добыча.

Да он и сам приложил к этому руки... В одном из своих писем к Розенбергу Геринг нагло хвастался: «Теперь я несомненно обладаю самой ценнейшей в Европе коллекцией». Речь шла о награбленных Герингом картинах великих мастеров.

Гитлеровские главари широко использовали личный шпионаж и слежку друг за другом. Гиммлер шпионил за всеми, так сказать, по долгу службы. Но своя сеть шпионажа была и у Бормана, и у Риббентропа, и у Розенберга, и у других. В распоряжении Геринга находилась специальная служба подслушивания. Он знал все, что говорилось по телефону. И эти люди стояли у руля государственного управления Германии!

Геринг разыгрывает удивление, когда мы спрашиваем его о преступлениях гитлеровских войск на захваченных ими территориях. Ничего об этом он будто бы не знал и даже не мог предположить, что эти преступления достигли таких масштабов. Но Геринг лжет от начала до конца. Именно по его приказу врачи военно-воздушных сил проводили свои страшные опыты над людьми, отобранными ими с разрешения Гиммлера в концентрационных лагерях. Геринг возглавлял подготовку бактериологической войны с помощью бацилл легочной чумы. В этом разоблачил его допрошенный на суде советским обвинителем свидетель Вальтер Шрайбер, профессор, бывший генерал-майор медицинской службы гитлеровской армии.

Нет нужды перечислять все преступления, инициатором и участником которых был Геринг.

Американский обвинитель Альбрехт, представляя на Нюрнбергском процессе доказательства обвинения по делу Геринга, так характеризовал подсудимого: Мы переходим к делу, пожалуй, наиболее важного заговорщика, находящегося сейчас перед этим трибуналом, нациста № 2, нациста, который стоял следующим за самим фюрером, нациста, который был в некоторых отношениях даже более опасным, чем фюрер и другие партийные руководители. Мы говорим «более опасным» потому, что, в отличие от многих руководящих нацистов, включая Гитлера, которые в моральном и социальном отношении принадлежали к подонкам общества до того времени, когда нацистская партия одержала победу в 1933 году, этот заговорщик происходил из порядочной семьи, из которой в прошлом вышли офицеры армии и важные гражданские деятели страны. Более того, он отличался располагающей внешностью, приятными манерами и некоторой приветливостью. Но все эти внешние черты были не чем иным, как обманом, поскольку они только помогали скрыть его сущность, его мстительность, жестокость, его стремление к самопрославлению и власти.

Небезынтересно для характеристики Геринга привести некоторые выдержки из допроса его на суде главными обвинителями — от СССР Р. А. Руденко и от США Р. Джексоном.

На вопрос советского обвинителя: «Когда именно вы начали разработку плана действий германской авиации против Советского Союза в связи с планом «Барбаросса»?» — Геринг ответил: «План стратегического сосредоточения и развертывания военно-воздушных сил в связи с вариантом «Барбаросса» был разработан моим генеральным штабом после первого указания фюрера относительно возможного возникновения конфликта, то есть после ноябрьского указания».

Обвинитель. 1940 года?

Геринг. В 1940 году. Но я в своей области уже до этого времени продумал мероприятия на случай возможного конфликта со всеми государствами, ко-

торые не находились с нами в состоянии войны, в том числе и мероприятия против России.

Обвинитель. Таким образом, еще в ноябре 1940 года, то есть больше чем за полгода до нападения Германии на Советский Союз, был разработан план этого нападения при вашем участии?

Геринг. Я недавно очень подробно говорил о том, что к этому времени уже был разработан план на случай возможного изменения политического положения.

На прямо поставленный вопрос: «Вы признаете, что как командующий ВВС и рейхсмаршал принимали участие в подготовке нападения на Советский Союз?» — Геринг в свойственной ему манере увиливания ответил: «Я еще раз подчеркиваю — я провел приготовления... Я хотел бы подчеркнуть, что мое положение как рейхсмаршала не играет в данном случае никакой роли. Это ведь лишь титул, ранг».

На совещании у Гитлера 16 июля 1941 года, на котором присутствовал в числе других нацистских главарей и Геринг, шла речь о разделе территории Советского Союза. Вот как Геринг интерпретировал это совещание, отвечая на вопросы советского обвинителя.

Обвинитель (предъявляя документ). Это запись совещания 16 июля 1941 года, на котором вы присутствовали, через три недели после нападения Германии на Советский Союз. Вы не отрицаете, что такая запись существует? Правильно, что такое совещание было?

Геринг. Это правильно. Я все время это подчеркивал, но протокол неправильный.

Обвинитель. А кем этот протокол был записан?

Геринг. Борманом.

Обвинитель. А какой же смысл Борману было вести неправильную запись этого совещания?

Геринг. Борман преувеличил кое-что в протоколе.

Обвинитель. Много?

Геринг. Например, об областях Волги вообще нигде не было речи. Что касается Крыма, то правильно, что фюрер... хотел иметь Крым...

Обвинитель. Все же я хочу уточнить. Вы заявляете, что в отношении Крыма действительно шла речь о том, чтобы Крым сделать областью империи?

Геринг. Да, на этом совещании об этом говорилось.

Обвинитель. В отношении Прибалтики тоже шла речь об этом?

Геринг. Да, также, но никогда не говорилось о том, что Кавказ должен стать немецким. В этой связи говорилось только о том, чтобы осуществить сильное экономическое влияние со стороны Германии.

Обвинитель. То есть чтобы Кавказ стал германской концессией?

Геринг. В какой-то мере, это можно было бы определить только после победоносного заключения мира. Можно увидеть из протокола, что безумием является говорить о таких вещах спустя несколько дней после начала войны. О таких вещах, которые излагает здесь Борман, вообще нельзя было говорить, так как ведь было еще неизвестно, каков будет исход войны, каковы перспективы.

Обвинитель. Итак, преувеличение сводится к тому, что о волжских колониях не шла речь, не так ли?

Геринг. Преувеличение заключается в том, что в тот момент обсуждались вещи, о которых практически вообще нельзя было говорить. В лучшем случае, можно было говорить о тех областях, которые были заняты, а также об их управлении.

Обвинитель. Мы сейчас устанавливаем факт, что об этих вещах шел разговор, эти вопросы ставились на совещании, причем ставились как задача, и это вы не отрицаете?

Геринг. Частично они обсуждались, но не так, как это здесь описано.

На самом деле все обстояло именно так, как это было записано в протоколе Борманом. Все эти вопросы обсуждались совершенно конкретно и практически, ибо Гитлер и его ближайшее окружение рассчитывали на блицкриг, на разгром Советского Союза в течение нескольких месяцев. В плане «Барбаросса» в качестве основной задачи и конечной цели ставилось: отгородиться от Советской России по ли-

ции Архангельск — Волга. Не кто иной, как начальник штаба оперативного руководства верховного командования Иодль, доказывал, что под ударами гитлеровских войск Советский Союз развалится как карточный домик. Были разработаны еще до начала войны десятки директив и распоряжений о поведении германских войск на Востоке, об угоне населения на принудительный труд в Германию, о разграблении оккупированных стран. Наконец, с этой целью еще до начала войны было фактически образовано министерство восточных оккупированных территорий, во главе которого поставлен Розенберг.

В процессе допроса советский обвинитель огласил выдержки из стенограммы выступления Геринга на совещании имперских комиссаров 6 августа 1942 года. Геринг говорил тогда: «Раньше мне все же казалось дело сравнительно проще. Тогда это называли разбоем. Это соответствовало формуле «отнимать то, что завоевано». Теперь формы стали гуманнее. Несмотря на это, я намереваюсь грабить, и грабить эффективно». Обращаясь к имперским комиссарам, Геринг требовал: «Вы должны быть как легавые собаки. Там, где имеется еще кое-что, в чем может нуждаться немецкий народ, это должно быть молниеносно извлечено из складов и доставлено сюда».

Отвечая на эти приведенные обвинителем высказывания, Геринг сказал: «Я могу предположить, что я это сказал». Иного выхода у него и не было. Он не мог сослаться на неправильную запись, как сделал это, когда речь шла о совещании у Гитлера 16 июля 1941 года.

И так почти на протяжении всего допроса — уклончивые, расплывчатые ответы, ссылки на Гитлера, как на единственного виновника нацистских преступлений.

Такая же картина наблюдалась и в процессе допроса Геринга главным обвинителем от США Джексоном. Представляет интерес та часть этого допроса, которая касалась обстоятельств поджога рейхстага. И здесь Геринг остался верен себе и той тактике, которую он взял на вооружение для своей защиты.

Обвинитель. Далее, описывая приход партии к власти, вы опустили некоторые вещи, в частности

пожар рейхстага 27 февраля 1933 года. После этого пожара — не так ли? — была большая чистка, во время которой многие были арестованы и многие убиты.

Геринг. Мне неизвестно ни одного случая, чтобы хоть один человек был убит из-за пожара в здании рейхстага, кроме осужденного имперским судом действительного поджигателя Ван дер Люббе. Двое других подсудимых были оправданы. По ошибке, как мы думаем, был привлечен к суду не г-н Тельман, а депутат от коммунистов Торглер. Его оправдали, так же как и болгарина Димитрова.

В связи с пожаром рейхстага арестов было произведено сравнительно мало. Аресты, которые вы относите за счет пожара рейхстага, в действительности были направлены против коммунистических деятелей. Я часто об этом говорил и подчеркиваю еще раз, что аресты производились совершенно независимо от этого пожара. Пожар только ускорил их арест, сорвал так тщательно подготовлявшееся мероприятие, благодаря чему ряду функционеров удалось вовремя скрыться.

Обвинитель. Другими словами, у вас уже до пожара рейхстага были готовы списки коммунистов для последующих арестов, не так ли?

Геринг. У нас были списки коммунистических деятелей, подлежащих аресту. Эти списки были составлены совершенно независимо от пожара германского рейхстага.

Обвинитель. Вы и фюрер встретились во время пожара, не так ли?

Геринг. Да.

Обвинитель. И здесь же на месте вы решили арестовать всех коммунистов, которые значились в составленных списках?

Геринг. Я еще раз подчеркиваю, что решение об этих арестах было принято задолго до этого. Однако распоряжение о выполнении этого решения и о немедленном аресте последовало в эту ночь...

Обвинитель. Вы когда-нибудь хвастались тем, что подожгли здание рейхстага, хотя бы в шутку?

Геринг. Нет. Я употребил только одну шутку, если вы подразумеваете именно это, сказав однажды, что я конкурирую с императором Нероном...

Обвинитель. Значит, вы никогда не заявляли, что подожгли здание рейхстага?.. Вы помните завтрак в день рождения Гитлера в 1942 году? Это было в ставке фюрера в Восточной Пруссии, в офицерском клубе.

Геринг ответил отрицательно, и тогда обвинитель попросил дать ему письменное показание генерала Франца Гальдера, начальника гитлеровского генерального штаба. Оно гласило: «За общим завтраком в день рождения фюрера в 1942 году люди кругом разговаривали относительно здания рейхстага и его художественной ценности. Я слышал собственными ушами, как Геринг вмешался в разговор и крикнул: «Единственный человек, который действительно знает рейхстаг,— это я, потому что я поджег его!» Сказав это, он похлопал себя по ляжке».

Разумеется, Геринг отрицал и это. Но на Нюрнбергском процессе был допрошен свидетель Ганс Гизевиус, ответственный сотрудник прусского министерства внутренних дел. Мне также довелось допрашивать его на суде. Он рассказал о многих подробностях, связанных с пожаром рейхстага.

Гизевиус. Чтобы быть кратким и вначале передать факты, я скажу следующее: мы установили, что Гитлер в общих чертах высказал желание о проведении какого-нибудь крупного пропагандистского мероприятия. Геббельс взял на себя разработку нужных предложений. У Геббельса первого возникла мысль о поджоге рейхстага. Он переговорил об этом с начальником берлинской бригады СА Карлом Эрнстом и во всех подробностях обрисовал как следует произвести поджог. Был выбран определенный раствор (тинктура), который известен всякому пиротехнику. Этот раствор разбрызгивают, и через некоторое время — спустя несколько часов или минут — он воспламеняется. Для проникновения внутрь рейхстага использовали тот вход, который вел от дворца президента к зданию рейхстага. Десять благонадежных членов СА были подготовлены для производства поджога. Геринг после этого был проинформирован о всех деталях этого плана. В тот вечер он «случайно» не выступил с большой предвыборной речью, а до очень позднего времени сидел за своим столом

в министерстве внутренних дел в Берлине. От Геринга ожидали, и он заверил действительно в том, что в соответствующий момент проинструктирует полицию так, чтобы она пошла по «правильным» следам. Уже с самого начала это преступление хотели свалить на коммунистов. В том же духе были проинструктированы те десять членов СА, которые должны были осуществить это преступление.

Вот как я могу вкратце обрисовать весь ход этих событий. Что касается отдельных деталей, то мы их узнали следующим образом. Один из этих десяти членов СА, который должен был разбрызгивать раствор, был известным уголовным преступником. Через полгода он был исключен из рядов СА и, когда не получил обещанного вознаграждения за поджог, решил сообщить то, что он знает, имперскому суду, который заседал в то время в Лейпциге. Он говорил с одним следователем по этому вопросу. Был составлен соответствующий протокол, но гестапо, узнав об этом, захватило в свои руки его письмо в имперский суд и уничтожило. Этот же член СА, по фамилии Гель, который предал все дело, был с ведома подсудимого Геринга убит самым подлым образом по распоряжению начальника гестапо Дильса. После обнаружения его трупа мы напали на след истинных событий.

На вопросы: «Что случилось с теми десятью членами СА, которые осуществили поджог рейхстага? Кто-нибудь из них жив сейчас?» — свидетель Гизевиус сообщил: «Насколько нам известно, ни один из них не остался в живых. Большинство из них было убито под предлогом участия в путче Рема 30 июня, за исключением некоего господина Гевера Хейни, которого сделали офицером полиции. Мы следили за ним. Во время войны он погиб на Восточном фронте...»

Так была разоблачена ложь Геринга и окончательно сброшена завеса с тайны поджога германского рейхстага.

* * *

В заключительной речи на Нюрнбергском процессе главного советского обвинителя Р. А. Руденко был

дан исчерпывающий анализ преступной деятельности подсудимого Геринга.

Геринг был в гитлеровской Германии вторым после фюрера лицом. Он имел огромные полномочия и захватил самые ответственные должности. Он — председатель совета министров по обороне Германской империи, руководитель германской экономики, генеральный уполномоченный по четырехлетнему плану и главнокомандующий военно-воздушными силами... Он энергично принялся за уничтожение политических противников фашизма, для чего производил массовые аресты членов неугодных нацизму политических партий. Он организовал концентрационные лагеря, куда без суда направлял людей, не согласных с фашистами. Он создал гестапо, с помощью которого установил кровавый террористический режим. Он требовал от должностных лиц лагерей и гестапо не останавливаться ни перед чем — дикие расправы над людьми и убийства стали под его руководством основным методом их работы.

Ему, Герингу, принадлежат слова: «Каждая пуля, вылетевшая из дула пистолета полицейского, есть моя пуля; если кто-то называет это убийством, значит, это я убил...»

Судебное следствие подтвердило виновность Геринга в планировании и подготовке всех агрессивных войн гитлеровской Германии. С полной несомненностью установлено активное участие Геринга в подготовке нападения на СССР. Это Геринг совместно с Розенбергом, Кейтелем и Борманом на совещании у Гитлера 16 июля 1941 года конкретизировал планы расчленения Советского Союза, порабощения народов и разграбления богатств нашей страны. Это при его участии было принято решение «сровнять Ленинград с землей»...

С именем Геринга связано начало организованного преследования и истребления еврейского населения. Именно он подписал человеконенавистнические нюрнбергские законы, декреты о лишении евреев собственности...

На суде он отрицал, что являлся сторонником расовой теории. Между тем именно Герингу принадлежат слова: «Бог создал расы, он не хотел равенства,

и поэтому мы энергично отвергаем всякую попытку извратить концепцию чистоты расы...»

В директиве об экономической политике на Востоке от 23 мая 1941 года, изданной перед нападением на СССР, Геринг следующим образом писал об отношении к России: «Германия не заинтересована в поддержании производительности на этой территории. Она снабжает продуктами питания только расположенные там войска... Население в этих районах, в особенности городское население, обречено на голод. Необходимо будет вывозить это население в Сибирь...»

Для обеспечения немецкой военной промышленности и сельского хозяйства рабочей силой и в целях физического уничтожения и экономического ослабления порабощенных народов Геринг и его соучастники по нацистскому заговору подвергали чудовищной эксплуатации иностранных рабочих.

«Нет ни одного мероприятия фашистской партии, ни одного шага гитлеровского правительства, в котором не участвовал бы Геринг.

Он активно участвовал во всех преступлениях фашистской банды и за все свои действия он должен понести должное наказание».

Так закончил свою речь советский обвинитель.

Международный военный трибунал признал Германа Геринга виновным во всех предъявленных ему обвинениях. Как отмечалось в приговоре трибунала, Геринг являлся после Гитлера «наиболее выдающимся деятелем нацистского режима». Он был главнокомандующим военно-воздушным флотом и имел огромное влияние на Гитлера. Трибунал констатировал в приговоре, что никаких смягчающих вину Геринга обстоятельств нет. Он почти всегда был движущей силой событий, уступая первое место только фюреру. Он был главным подстрекателем агрессивной войны, проводником программы рабского труда и создателем программы уничтожения целых народов, признававшихся нацистским режимом неполноценными. Его вина, указал трибунал, не имеет себе равных по своей чудовищности.

Геринг был приговорен к смертной казни.

«Лакейтель»

В сопровождении американского солдата в кабинет для допроса входит Кейтель, бывший фельдмаршал, начальник штаба верховного главнокомандования германских вооруженных сил. Одет он в военный мундир зеленовато-серого цвета с красным высоким стоячим воротником. На нем узкие брюки со штрипками и красными лампасами, на ногах лакированные ботинки. Мундир Кейтеля сохранил следы снятых с него фельдмаршальских погон и орденской ленты. Кейтель — высокий, несколько сухощавый, с несгибающейся по-прусски талией, с военной выправкой, щеголеватый. У него седые поредевшие волосы, зачесанные на пробор, и небольшие вздернутые седые усики. Остановившись посреди кабинета, Кейтель почтительно, с деланным достоинством наклоняет голову, щелкает каблуками и по нашему приглашению занимает отведенное ему место. Он близорук и сразу же вооружается очками, которые спускает почти на самый кончик носа.

Кейтель уже знает, что находится перед советским следователем, в его глазах нескрываемое беспокойство, он по-старчески начинает суетиться. После первых трафаретных вопросов и официального разъяснения, что допрос производится представителем Советского Союза, приступаем к выяснению роли Кейтеля в подготовке и разработке плана «Барбаросса». Кейтель, несомненно, прекрасно знает все подписанные им документы, которые мы предъявляем ему во время допроса. Но он с деланно повышенным интересом подолгу читает каждый из них, изучает их подлинность, рассматривает по нескольку раз подписи, даты. Он приперт к стене, вынужден один за одним признавать и подтверждать предъявляемые ему его собственные приказы и распоряжения. Он понимает, что пойман с поличным. Но, как часто бывает в таких случаях с профессиональными преступниками, он от всего отпирается и открещивается или сваливает все на фюрера. Если поверить Кейтелю, он чуть ли не технический исполнитель воли Гитлера. И если под многочисленными приказами стоит его подпись, то эта подпись хотя и принадлежит ему, но

выражает волю, мысли, приказ Гитлера. Такова линия Кейтеля.

Немецкие генералы в своем узком кругу называли его «Лакейтель». Но это далеко не простой лакей и прислужник Гитлера. Он ближайший военный советник Гитлера, и именно его руками приводилась в действие вся гитлеровская военная машина. Кейтель не только военный советник Гитлера, он его соратник и единомышленник.

Сейчас Кейтель сидит перед нами, беспокойно ерзает на стуле, без конца поднимает и опускает на своем покрасневшем носу очки и... без конца бессовестно лжет. Да и откуда может быть совесть у Кейтеля? По его словам, он, начальник штаба Гитлера, до конца 1940 года ничего не знал о подготовке нападения на Советский Союз. Но ведь еще в июле 1940 года его заместитель — начальник штаба оперативного руководства Иодль созвал в Рейхенхалле по поручению Гитлера совещание руководящих офицеров своего штаба, на котором впервые обсуждался вопрос о возможности подготовки и осуществления еще осенью 1940 года нападения на Советский Союз. Кейтель, по его словам, будто бы ничего не знал о происходившем в Рейхенхалле совещании. На плане «Барбаросса» есть подпись Кейтеля, поэтому он не может отрицать, что не знал о нем. А документа о совещании в Рейхенхалле нет, Кейтель на нем не присутствовал, он цепляется за это обстоятельство и... лжет.

— Но ведь Иодль был вашим заместителем, вы с ним вместе находились в ставке и не могли не знать о предстоящем совещании, да и Иодль не мог не доложить вам о столь важном поручении Гитлера, как подготовка вопроса о возможности нападения на Советский Союз.

Кейтель упорствует. Даже гитлеровский генерал Варлимонт, заместитель Иодля, выразил удивление, когда мы спросили его на допросе:

— Могло ли случиться, что Кейтель не знал о совещании в Рейхенхалле?

— Это совершенно исключено,— ответил Варлимонт.

— Какое отношение вы имели к подготовке и разработке плана «Барбаросса»? — спрашиваем Кейтеля.

Кейтель нервно и беспокойно передвигает очки на носу. Он признает, что на плане «Барбаросса» стоит его подпись. Но это, видите ли, собственно не подпись, а виза. Все такие документы подписывал Гитлер, а он, начальник штаба верховного главнокомандования и фельдмаршал, ставил только свою визу. План «Барбаросса», по словам Кейтеля, разрабатывался генеральным штабом сухопутных сил, а штаб верховного главнокомандования и лично он, Кейтель, имели к этому, так сказать, второстепенное отношение.

Мы проявляем настойчивость и требуем, чтобы Кейтель сам дал военную и политическую оценку плана «Барбаросса». Нам нужно выяснить позицию Кейтеля в вопросе об агрессивном характере развязанной гитлеровцами войны против Советского Союза. Кейтель багровеет, но продолжает изворачиваться. По его показаниям, план «Барбаросса» — это еще не приказ о военном нападении на Советский Союз. Это, так сказать, одна из многочисленных разработок генерального штаба сухопутных сил. Таких разработок было много, но это не означало, что все они будут реализованы. Их реализация зависела от политической обстановки и многих других факторов. Для осуществления военного нападения необходим был приказ Гитлера. Кейтель пытается представить план «Барбаросса» как какой-то «этюд» (он так именно и говорит — «этюд»), разрабатывавшийся генеральным штабом, ничего будто бы не означавший и никого ни к чему не обязывавший.

— Да, но этот, по вашим словам, «этюд» 22 июня 1941 года был осуществлен фашистскими войсками и принес народам Советского Союза неслыханные бедствия и страдания, наша Родина была залита кровью миллионов...

Он малоубедительно снова что-то твердит о приказе Гитлера и вконец запутывается.

— Какие цели преследовала гитлеровская Германия в войне против Советского Союза?

Кейтель длинно рассуждает о том, что он только солдат, а не политик. И до суда, на допросах у следователей, и особенно во время судебного процесса Кейтель нудно и недостойно жонглировал понятиями «солдатская честь», «честь солдата».

Мы напоминаем Кейтелю содержащуюся в плане «Барбаросса» директиву: «Конечной целью операции является отгородиться от азиатской России по общей линии Архангельск — Волга».

— План «Барбаросса» содержал эту директиву? Разве ее значение для вас не ясно?

Кейтель пытается сыграть на терминологии. «Отгородиться по линии Архангельск — Волга» — это, по объяснению Кейтеля, стратегическая задача войск, а не политическая цель.

— Но вот 16 июля 1941 года вы присутствовали на совещании у Гитлера. Это было уже после нападения на Советский Союз. Вы помните, о чем шла речь на этом совещании?

Кейтель ссылается на свой возраст и со старческой суетливостью, сдвинув по привычке очки на кончик носа, медленно читает переданную ему стенограмму совещания.

Теперь всему миру известно, что, опьяненный успехами, Гитлер истошно выкрикивал на этом совещании перед своими ближайшими сподвижниками: «До Урала не должно существовать никакого чужого войска, кроме немецкого. Прибалтика и Белоруссия будут составной частью Германской империи, так же как и Крым, а бакинская нефтяная область будет немецкой военной колонией».

— Вы участвовали в совещании у Гитлера 16 июля 1941 года, когда намечался раздел Советского Союза?

Кейтель снова пускает в ход свои рассуждения о солдатской чести. Он солдат, а не политик. Мало ли что мог говорить Гитлер в пылу страстей. Это не всегда можно было принять всерьез.

Линия Кейтеля, если это можно назвать линией, ясна. Кейтель знает, не может не знать, всех совершенных им многочисленных преступлений. Он не просто преступник, а преступник-профессионал. Вчитайтесь в его приказы. Они безжалостны, бесчеловечны и до предела проникнуты цинизмом:

«Человеческая жизнь на Востоке ничего не стоит».

«Только драконовские меры способны обеспечить порядок в завоеванных районах».

Так мог расправляться со своими жертвами толь-

но профессиональный убийца. И как любой профессиональный преступник Кейтель — трус.

Насколько циничен этот человек, можно судить по такому факту. Мы предъявили ему его собственный приказ, озаглавленный «О коммунистическом партанческом движении». Этим приказом предписывалось за каждого убитого немецкого солдата расстреливать 50—100 коммунистов и партизан. Оправдываясь и сваливая все на Гитлера, Кейтель уверял, что в первоначально составленном им проекте приказа он указал цифры 5—10. Но сам Гитлер добавил по нулю и получилось — 50—100. Кейтель не видел ничего особенного в казни без суда и следствия 5—10 советских патриотов за жизнь одного неизвестно кем убитого немецкого солдата! А вот Гитлер его «подвел», когда добавил к запроектированным цифрам по нулю. Так, дополняя убийственные с точки зрения доказательственной силы многочисленные документы обвинения, Кейтель, сам того не замечая, шаг за шагом раскрывал во время допроса свое подлинное лицо. И когда позже, стоя с поднятой рукой перед судом Международного военного трибунала, Кейтель произносил торжественные слова присяги, невольно хотелось отвернуться, насколько это выглядело омерзительно.

Международный военный трибунал приговорил Кейтеля к смертной казни через повешение.

Генерал-убийца

Второй после Кейтеля военный советник Гитлера — Альфред Иодль.

Иодль — высокий, сухопарый, с седыми редкими волосами. Гладко выбритое лицо со множеством склеротических багровых прожилок, пристальный взгляд светлых, каких-то водянистых глаз. Держится с нарочитой подтянутостью. При нашем появлении незамедлительно встает и отвешивает почтительный поклон. Он в голубом мундире с черным воротником и в высоких военного образца сапогах. Иодль, правда, не ломится в открытую дверь, как Кейтель. Он ведет себя умнее и хитрее Кейтеля. Своими показани-

ями на процессе он стремился создать впечатление, что, будучи «всего лишь» стратегом, не имеет никакого отношения к преступлениям нацизма. Иодль более сдержан, предусмотрителен, дальновиден и не склонен называть «этюдом» план «Барбаросса». Он знает настоящую цену этому плану. Но своей собственной роли в разработке и подготовке этого преступного плана он явно стремится придать как можно меньше значения. Поручение Гитлера разработать вопрос о возможности подготовки нападения на СССР уже осенью 1940 года, по словам Иодля, явилось для него полной неожиданностью и он совершенно не был к этому подготовлен. Но Гитлер объяснял, что, если они этого не сделают, Советский Союз «сам нападет» на Германию. Так Иодль вновь намеревался протащить лживые измышления о превентивной войне.

— Вы располагали какими-нибудь данными о том, что Советский Союз предпринимает какие-либо шаги к подготовке нападения на Германию?

— Нет, таких данных у нас не имелось,— признает Иодль. И тут же спешит выкарабкаться из создавшегося неблагоприятного для него положения.— Гитлер говорил нам, что следует опасаться нападения со стороны Советского Союза, и мы, военные, ему верили.

На наш вопрос, знал ли Кейтель о совещании в Рейхенхалле, Иодль утверждает, что Кейтель мог и не знать.

— Как же могло случиться, что вы не доложили о таком важном совещании своему непосредственному начальнику?

— Я имел личное поручение Гитлера.

Снова начинаются ссылки на различие между солдатом и политиком. Иодль хочет провести как можно более резкую грань между военной и политической деятельностью, он отгораживается от политики Гитлера, по его словам, это не было делом военных.

— И вы не имели ни малейшего представления о целях войны гитлеровской Германии против Советского Союза?

Иодль пространно объясняет, что война Германии с Советским Союзом — это не обычная война, это

борьба двух политических систем, и поэтому борьба жестокая, в которой все средства хороши. Он знает, что должен отвечать, и уже заранее готовит почву для своего оправдания. Иодль заявляет, что для него исход войны стал ясен после разгрома немецкой армии под Сталинградом.

Предъявляем Иодлю стенограмму совещания у Гитлера 1 декабря 1941 года, на котором обсуждался вопрос о борьбе с партизанами. Гитлер призывал на этом совещании к беспощадной расправе с ними. В порыве бешенства он требовал сжигать их живыми, в том числе женщин и детей. Что же остается делать, кричал Гитлер, если они забаррикадировались в доме?!

— Их можно вешать, вешать вниз головой, четвертовать, в этом нет ничего особенного,— добавил Иодль на этом совещании.

— Вы это говорили на совещании у Гитлера?

— Да, мои слова записаны правильно, но их нельзя понимать буквально, это непередаваемая игра слов на немецком языке. Все равно, например, если сказать: «Моя бабушка переехала омнибус»,— говорит Иодль.

Длинно и путано он рассказывает о том, что Гитлер поручил ему подготовить приказ о борьбе с партизанами. Он выполнил это поручение, подготовил будто бы вполне гуманный приказ, но Гитлер остался им недоволен и созвал совещание, на котором требовал применения самых жестоких мер. «Шутка» Иодля, по его словам, привела взбешенного Гитлера в хорошее расположение духа, и он согласился подписать ранее представленный ему проект приказа. Кстати, проект этого «гуманного» приказа о борьбе с партизанами, о котором рассказывал Иодль, так нигде обнаружен и не был. По многочисленным фактам мы знаем, как расправлялись гитлеровцы с советскими патриотами. Их действительно вешали, вешали головой вниз, сжигали заживо, четвертовали — именно так, как этого требовал Иодль.

Этот человек безжалостен и способен на все.

— Ваше распоряжение об уничтожении Ленинграда, Москвы и других советских городов — это тоже «игра слов»?

— Это было вызвано интересами самого населения этих городов,— цинично заявляет Иодль.

Он пытается объяснить, что эти города были не обычными городами, а крепостями, что население предупреждалось о необходимости эвакуации и немецкие войска намеревались предотвратить ненужные жертвы.

Иодль понимает абсурдность своих показаний и выдвигает неожиданно новую версию. Приказ об уничтожении Ленинграда был будто бы ответной мерой на взрывы, осуществленные в Киеве партизанами.

— Когда был захвачен Киев?

— Не помню.

— А вот посмотрите дату вашего приказа об уничтожении Ленинграда, Москвы и других советских городов. Он был издан за полтора месяца до взятия Киева. Не так ли?

Иодлю ничего не остается, как признать этот факт. Как ни пытался Иодль уйти от ответственности, он разоблачен до конца. И Международный военный трибунал с полным основанием признал его виновным по всем пунктам предъявленного обвинения и приговорил к смертной казни.

Пираты в адмиральских погонах

Редер с 1935 года был командующим германскими военно-морскими силами. В 1939 году Гитлер произвел его в звание гроссадмирала. В январе 1943 года его сменил на этом посту Дениц. Редер был осведомлен об агрессивных акциях нацистской Германии и активно участвовал в них. Он впервые внес предложение о вторжении в Норвегию, призывал к оккупации Греции; за шесть дней до вторжения в Советский Союз отдал приказ атаковать в Балтийском море советские подводные лодки. Редер вел неограниченную подводную войну, включая потопление невооруженных торговых судов и судов нейтральных государств.

Другой нацистский гроссадмирал — Дениц с 1936 года был командующим подводным флотом, а после ухода Редера стал главнокомандующим германским военно-морским флотом. 1 мая 1945 года он сме-

шел Гитлера на посту главы государства. Дениц активно участвовал в агрессивных войнах нацистской Германии, он несет всю полноту ответственности за преступления, совершенные германским подводным флотом, а с января 1943 года — за все преступные действия военно-морского флота.

Штабом руководства морской войной, так же как и штабом Иодля, по директиве Гитлера был издан приказ об уничтожении Ленинграда. Этот приказ подписал начальник морского штаба.

Во время допроса Редера мы предъявили ему этот документ. Он долго его рассматривал, вертел, а затем неожиданно заявил:

— Об этом я ничего не знаю.

— Как же могло случиться, что вы, главнокомандующий германским военно-морским флотом, не знали, что ваш штаб издает подобные директивы?

— Господин генерал,— ответил Редер,— через штаб руководства морской войной проходило огромное количество различных документов, и, естественно, я не мог все их знать.

— Но ведь в данном случае речь идет о таком важнейшем документе, как приказ уничтожить Ленинград. Вы это понимаете? Неужели ваш начальник штаба взял на себя смелость довести этот приказ до командующих флотов без доклада вам, как главнокомандующему?

— По-видимому, так в действительности и было,— с невозмутимым видом заявил Редер.— Во всяком случае об этом документе я не знал, иначе он имел бы мою визу.

— Это что же, по-вашему, свидетельство пресловутой дисциплины и порядка в германском военно-морском флоте?

Он молчит. Ему нечего сказать.

Другой гроссадмирал — Карл Дениц, когда его спросили, мог ли произойти такой факт, ответил:

— Это меня не касается, об этом мне неизвестно. В это время я находился на средиземноморском театре военных действий. Лучше спросите самого Редера.

Дениц, несомненно, наиболее волевой человек из всех гитлеровских военных преступников. Он невы-

сокого роста, ему лет под шестьдесят. У него гладко выбритое морщинистое лицо. Внешне спокоен, подчеркнуто строг, невозмутим и неразговорчив в отличие от многих других нацистских преступников. На нем темно-синий морской костюм со следами снятых позументов. За внешней маской спокойствия чувствуется большая внутренняя борьба. Дениц взбешен своим бессилием. Мы наблюдаем, как, стиснув зубы, он дает свои показания.

— При каких обстоятельствах вы приняли пост главы германского государства?

Дениц отвечает, что 30 апреля 1945 года он получил из бомбоубежища Гитлера в Берлине телеграмму. В ней говорилось, что Гитлер слагает с себя полномочия и передает их Деницу.

— Кем была подписана эта телеграмма?

— Думаю, что Борманом,— отвечает Дениц,— но во всяком случае от имени Гитлера.

— Почему вы нашли возможным обратиться с призывом к германской армии и германскому народу продолжать сопротивление союзным войскам? Разве вам не был уже тогда ясен исход войны?

— Я действовал в интересах безопасности народа.

— Разве вы не понимали, что продолжение сопротивления повлекло бы новые бессмысленные жертвы?

— Я намеревался таким путем сохранить население и вывести его из районов боевых действий,— пытается выпутаться Дениц.

Когда мы спрашиваем его о создании Гитлером подпольного движения — «Вервольф» («Оборотень»), Дениц ссылается на то, что ему об этом ничего не известно. Преемник Гитлера, человек, обратившийся с призывом к немцам о продолжении сопротивления буквально за несколько часов до капитуляции гитлеровской Германии, будто бы не знал, на что делали гитлеровские заправилы свою последнюю безумную ставку. Они хотели взорвать свою страну изнутри, загнать в подполье весь свой народ и пролить новые потоки крови. Кто поверит Деницу?

Главный обвинитель от Великобритании в своей заключительной речи на Нюрнбергском процессе

привел убедительные доказательства преступлений Редера и Деница, связанных с ведением подводной войны. Существует мало примеров, сказал он, возможности так подробно проникнуть в мысли двух морских командующих с помощью их документов, как это возможно в отношении подсудимых Редера и Деница в данном случае. Уже 5 сентября 1939 года германский военно-морской флот в меморандуме, адресованном министерству иностранных дел, стремился получить разрешение топить без предупреждения суда противника и торговые суда нейтральных стран в нарушение Лондонских правил подводной войны, своих собственных правил и международного права. Целый ряд документов, изданных в течение следующих шести недель, обнаруживает наличие постоянного давления на министерство иностранных дел со стороны Редера, с тем чтобы добиться его согласия на проведение этой политики. 16 октября 1939 года Редер представил меморандум об интенсификации морской войны против Англии. В этом документе, декларировав право на «крайнюю жестокость» в случае необходимости и намерение уничтожить в кратчайший срок боевой дух Великобритании, Редер заявил: «Главной целью является торговое судно, и не только вражеское, но вообще всякое торговое судно, идущее по морю с целью снабжения военной промышленности противника, как в отношении импорта, так и в отношении экспорта».

Не следует думать, продолжал английский обвинитель, что, вводя практику потопления судов без предупреждения и игнорируя законы ведения морской войны, Редер был более решителен, чем Дениц. Защищая себя, Дениц делал усиленные попытки объяснить задним числом свой приказ от 17 сентября 1942 года. Поэтому я прошу трибунал вспомнить его содержание. Я цитирую: «Не следует делать никаких попыток спасать членов команды потопленных кораблей... Спасение противоречит элементарным требованиям ведения войны об уничтожении вражеских судов и команд». Запись в его дневнике от того же числа, подтверждавшая этот приказ, начинается следующими словами: «Вновь обращается внимание всех командующих офицеров на тот факт, что все

попытки спасения... противоречат элементарным требованиям ведения войны...»

Обвинение самым настоятельным образом утверждает, что подсудимый Дениц этим приказом намеревался поощрить и заставить как можно большее количество командиров подводных лодок уничтожать команды торпедированных торговых судов.

Главный обвинитель от СССР следующим образом сформулировал в своей заключительной речи обвинения, выдвинутые против Редера и Деница:

— Мой английский коллега столь убедительно и обстоятельно доказал виновность подсудимых Карла Деница и Эриха Редера, что я не вижу необходимости особо останавливаться на этих гроссадмиралах гитлеровской Германии, запятнавших позором тягчайших преступлений свои адмиральские мундиры. Дениц при допросе его советским обвинением сказал, что ему не ясны причины, в силу которых именно его Гитлер избрал своим преемником. Я не думаю, чтобы Дениц был совершенно искренен, говоря это. Следует только обратиться к стенограмме судебного заседания от 8 мая и в последующие дни, чтобы и без признания Деница понять, почему он оказался преемником Гитлера в тот момент, когда корабль гитлеровского рейха шел ко дну. Не в том дело, что нужен был адмирал в подобную минуту, а в том, что только нацистский гроссадмирал Дениц, по мнению сошедшего со сцены Гитлера, мог что-то сделать для спасения гибнущего корабля. При Гитлере Дениц был командующим подводными силами Германской империи. Мы помним, какую роль в этой войне играл германский подводный флот. В этой связи стоит подчеркнуть, что сам Дениц гордился авторством так называемой «тактики волчьей стаи». Советские люди не забыли, как подводные лодки Деница топили в Балтийском и Черном морях госпитальные суда и пароходы, на которых эвакуировались мирные жители — женщины, дети.

Последний глава гитлеровского государства одним из первых должен ответить за все те преступления, которые послужили поводом к преданию суду Международного военного трибунала главных военных преступников.

Международный военный трибунал констатировал в приговоре, что подсудимый Редер несет полную ответственность за военно-морской флот до момента своей отставки, последовавшей в 1943 году... Еще в октябре 1939 года в военно-морском флоте изучались преимущества, предоставляемые наличием военно-морских баз в Скандинавии. 10 октября Редер обсуждал этот вопрос с Гитлером.

Редер оправдывает свои действия тем, что этот шаг был предпринят с целью предупредить действия англичан. Нет необходимости снова подвергать обсуждению этот защитительный довод... Уже доказано что вторжение Германии в Норвегию и Данию являлось агрессивной войной. В письменном обращении к личному составу военно-морского флота Редер заявил: «Операции военно-морского флота при оккупации Норвегии навсегда останутся великим вкладом военно-морского флота в эту войну».

В сентябре 1940 года Редер настойчиво предлагал Гитлеру агрессивную политику в Средиземном море... 14 ноября 1940 года он призывал к войне против Англии — «нашего главного врага». Он выдвинул серьезные возражения против русской кампании до поражения Англии. Но как только это решение было принято, он дал разрешение, за шесть дней до начала вторжения в Советский Союз, атаковать русские подводные лодки в специально указанном районе Балтийского моря...

Из этих доказательств явствует, что Редер принимал участие в планировании и ведении агрессивной войны...

Тяжким обвинением против Редера является то, что он проводил неограниченную подводную войну, включая потопление невооруженных торговых судов, судов нейтральных государств, и не принимал мер к спасению лиц, уцелевших после потопления кораблей, допуская расстрел их из пулеметов...

Международный военный трибунал признал Редера и Деница виновными во всех предъявленных им обвинениях и приговорил к длительному тюремному заключению.

Гангстер-дипломат

Иоахим фон Риббентроп — бывший министр иностранных дел третьей империи и бывший торговец шампанским. Кто он, этот невысокий, потускневший человек с аскетическим лицом? Сейчас он сменил фрак и крахмальную манишку на какую-то порыжевшую гимнастерку с обтрепанным воротом, поверх которой надет поношенный коричневый пиджак. На ногах у него грубые солдатские башмаки без шнурков — американская охрана в целях безопасности снимала с арестованных галстуки, шнурки от ботинок и т. п.— словом, все, что могло быть в какой-то степени использовано как средство для самоубийства.

Еще до ареста, сдаваясь в плен англичанам, Риббентроп в специальном послании декларировал свои лучшие чувства к Великобритании, заявляя, что он — ее преданный друг. На допросах у нас Риббентроп болтлив, и мы даем ему возможность выговориться. Теперь он говорит о том, что был всегда преданным другом Советского Союза, что ему пришлось преодолеть существовавшее в нацистских руководящих кругах предубеждение против России и добиться заключения пакта о ненападении. Он был «против» войны с Советским Союзом, и гибель Германии крылась в том, что она стала на этот ошибочный путь. Таков Иоахим фон Риббентроп, один из старейших членов нацистской партии, ближайший и преданнейший соратник Гитлера, генерал СС. Это человек без принципов и идеалов, стяжатель и авантюрист.

В Нюрнберге мне рассказали любопытную историю. Риббентроп приказал подыскать в оккупированной Франции конюшню племенных рысаков. Об этом узнал Геринг, который тоже, как известно, любил погреть руки на чужом добре и награбить побольше. Когда агенты Риббентропа приехали за рысаками, оказалось, что их уже вывезли люди Геринга.

Вот нравы этих, с позволения сказать, «государственных деятелей».

Иной раз даже незначительный, мимолетный штрих, черта, случайно брошенный взгляд лучше и полнее характеризуют человека, нежели подробная

биография. Это хорошо известно каждому опытному следователю.

Риббентроп сидит напротив меня на допросе. На столе лежат сигареты и спички. Достаю сигарету и намереваюсь закурить. Но Риббентроп предупредительно берет спички, зажигает и подносит к моей сигарете. Скажу откровенно, меня это покоробило. В этом эпизоде весь Риббентроп, и едва ли здесь требуются комментарии. А его попытка установить «личный контакт» напоминанием, что он со мной где-то встречался? Тут память у него оказалась на высоте. Среди сотрудников нашего МИД действительно был мой однофамилец, который сопровождал Риббентропа во время его приезда в Москву.

Выясняем у Риббентропа основной вопрос: какое отношение он имел к подготовке нападения на Советский Союз? У Риббентропа манера закрывать глаза ладонью, слегка наклонять голову и делать вид, что он что-то силится вспомнить. Это происходит тогда, когда ему нужно продумать и подготовить свой ответ. Нам, следователям, не нужно видеть глаза Риббентропа, чтобы разоблачить его во лжи. Он сам, не замечая того, изобличает себя. Он устал, измучен, у него плохо с памятью. И когда не отвечать нельзя, он спекулирует этим. Каждый свой ответ Риббентроп начинает тягучим рассказом о том, что он был против войны с Советским Союзом, каких усилий ему стоило добиться заключения пакта о ненападении и т. д. и т. п. Мы вынуждены прерывать Риббентропа и требовать ответа на поставленный вопрос.

— Итак, вы ничего не знали о подготовке нападения на СССР? Каким же образом проходила дипломатическая подготовка войны, каким образом обеспечивалось участие в войне сателлитов Германии?

Риббентроп все отрицает. Следует заметить, что гитлеровская Германия не заключала, как правило, формальных письменных соглашений со своими союзниками. Их поддержка агрессивных акций Германии обеспечивалась путем устной договоренности. Но гитлеровское министерство иностранных дел принимало самое деятельное участие в подготовке нападения на СССР. В плане «Барбаросса» прямо предусматривалось, что верховное главнокомандование

германских вооруженных сил совместно с министром иностранных дел обеспечивает участие в войне союзников.

— Вам был известен план «Барбаросса»?

— Нет,— не моргнув глазом, отвечает Риббентроп.

— Когда же вы узнали о том, что принято решение напасть на Советский Союз?

— Об этом мне стало известно только 22 июня 1941 года, за несколько часов до того, как германские войска вступили на советскую территорию.

— Вы думаете, что можно поверить тому, будто германский министр иностранных дел не принимал никакого участия в подготовке военного нападения на Советский Союз и, более того, до самого последнего момента не знал о том, что такая подготовка проводилась?

— Это может показаться странным,— говорит Риббентроп,— но при существовавшем в Германии режиме положение было таково, что министр иностранных дел многое не знал, а о многом узнавал последним.

— Но ведь в самом плане «Барбаросса» предусматривалось, что военное командование согласует с министерством иностранных дел мероприятия, обеспечивающие участие в нападении на Советский Союз созников Германии,— напоминаем Риббентропу.

— Мне об этом ничего не известно,— твердит он.

Мы предъявляем ему фотокопию подлинного плана «Барбаросса», где все это записано. Он читает и, закрыв по привычке ладонью глаза, медленно говорит:

— Здесь действительно так написано. Но это вовсе не означает, что так было в действительности. Министерство иностранных дел не участвовало ни в каких переговорах с будущими военными союзниками Германии. Я был против войны с Советским Союзом, и от меня скрывали подготовку к этой войне.

Еще осенью 1940 года Кейтель посетил Риббентропа в его замке Фушль и советовался с ним в связи с намерением Гитлера напасть на СССР. Они вместе обсуждали этот вопрос. Но Риббентропу сейчас

невыгодно вспоминать эту встречу с Кейтелем, он снова и снова жалуется на свою ослабевшую память.

— Это было ничего не значащее свидание,— говорит он,— тогда вопрос о нападении на Советский Союз реально не стоял.

Допрос Риббентропа принимает затяжной характер. Риббентроп знает, что он не оставил документальных следов многих своих преступлений, как это сделали другие более самоуверенные нацистские главари, вроде Розенберга или Франка. И он стремится это использовать. Но в качестве подследственного Риббентроп не подымается над уровнем обывателя. Он не может понять, что, помимо документов,— а их все-таки немало,— разоблачить его могут его же сообщники. Мы знаем, что еще до нападения на Советский Союз именно Риббентроп, а не кто иной, созвал межведомственное совещание, на котором давал пропагандистские установки о том, что войну с СССР для международного общественного мнения следует освещать как превентивную, всячески обвиняя в ней Советский Союз. Этот факт с несомненной объективностью был отображен не кем иным, как Розенбергом в его заметках. Именно с помощью Риббентропа Розенберг подыскал белоэмигранта и авантюриста Багратиона-Мухранского, которого они готовили к роли грузинского престолонаследника. Вот как далеко зашли в своих захватнических планах гитлеровские приспешники. Они реально представляли себе Советскую Грузию в качестве своей вотчины.

Риббентроп сам не удовлетворен своими показаниями. Через несколько дней он пишет мне собственноручное пространное заявление. И в нем с прежним упорством повторяет одно и то же: он был за дружбу с Советским Союзом, против войны и ничего не знал.

Международный трибунал признал Риббентропа участником всех нацистских актов агрессии, начиная с оккупации Австрии и до вторжения в Советский Союз. Хотя он лично имел отношение в большей степени к дипломатической, чем к военной, стороне этих актов, его деятельность была настолько тесно связана с войной, что он не мог оставаться в неведении

относительно агрессивного характера действий Гитлера. Риббентроп оказывал самое активное содействие в проведении преступной политики при управлении территориями, над которыми вследствие незаконного вторжения Германия получила контроль, в частности в проведении политики истребления мирного населения.

Международный военный трибунал приговорил Риббентропа к смертной казни.

«Теоретик» разбоя

Альфреда Розенберга гитлеровцы называли своим «теоретиком». Он действительно автор нескольких бредовых книг. Мы вначале думали, что допрос Розенберга может приобрести именно в силу этого острый политический характер. Разумеется, мы не имели в виду теоретических дискуссий с Розенбергом. Но на всякий случай вооружились против него его же собственным оружием, а именно тщательно проштудировали почти все его «произведения». И это очень пригодилось во время допроса. Нам хотелось посмотреть, как этот гитлеровский теоретик будет отстаивать основные положения нацизма уже после разгрома и капитуляции гитлеровской Германии.

Розенберг привычно раскланивается, занимает предложенное ему место и выжидательно смотрит. Он высокого роста, с сильно поседевшими висками, держится прямо, руки по швам. У него кругловатое бритое лицо с круглыми холодными и жесткими глазами. Розенберг знает, что находится перед советским следователем. В глазах у него проскальзывает беспокойство, он насторожен и, видимо, готовится к неожиданностям. На нем такая же, как у Риббентропа, полинявшая гимнастерка цвета хаки и поверх нее коричневый пиджак.

Мы знаем, что Розенберг родом из Прибалтики и владеет русским языком. Поэтому задаю ему вопрос, не хочет ли он давать показания на русском языке. Дениц, Шахт и некоторые другие на допросах у американских следователей давали показания на английском языке. Розенберг понимает меня, но отвечает на

ломаном русском языке. Ему трудно, как бы извиняясь, говорит он, давать показания на русском языке, он давно не имел практики. Приглашаем переводчика. Но именно потому, что Розенберг знает русский язык, допрос осложняется. Не ожидая перевода вопроса, заданного по-русски, Розенберг сразу же начинает отвечать по-немецки. Это вносит дезорганизацию в работу переводчика и стенографисток. Приходится навести порядок и потребовать, чтобы Розенберг выжидал перевода ему нашего вопроса и лишь после этого отвечал. Начинаем с выяснения вопроса об агрессивном характере войны гитлеровской Германии против Советского Союза. Для этого обращаемся к истокам немецкого фашизма — к «Майн кампф», к этой библии нацистов. Розенберг длинно и заумно рассуждает о том, что «Майн кампф», так сказать, полемическое произведение, многое в положениях гитлеризма изменилось, многое было данью времени, было вызвано периодом острой политической борьбы, и, видите ли, не совсем было удобно вносить изменения в эту книгу, поскольку она была написана самим Гитлером.

— Но основные положения нацизма ведь не только сохранились, но и яростно пропагандировались среди немцев и воспитывали в них милитаристские, захватнические и человеконенавистнические идеи? — спрашиваем Розенберга.

Он это отрицает. По его словам, он сам не был согласен с рядом положений Гитлера, не разделял даже расовой теории, а что касается так называемой проблемы расширения «жизненного пространства», то немцам на самом деле было трудно, но эту проблему имелось в виду разрешить мирным путем.

Спрашиваем Розенберга: вы сами в собственной книге «Миф XX века» писали о том, что «германское влияние должно прозвучать до Урала». Как это понимать? Разве это не пропаганда агрессивных планов?

— Видите ли, «Миф XX века» был написан очень давно. И кроме того, меня неправильно понимают. Когда я писал о германском влиянии до Урала, я имел в виду, что германское влияние должно быть

оказано на Россию в том смысле, чтобы экономическое и политическое развитие России распространялось в сторону Урала, на восток. Мы же, немцы, будем распространять свое влияние на запад. Это как раз обеспечивало возможность мирного сосуществования двух государств с противоположными политическими системами,— вывертывается Розенберг.

Мы не намерены углублять с ним «теоретические» вопросы, позиция его ясна. Это позиция человека, который готов поступиться любыми своими идеалами, честью и совестью во имя спасения собственной шкуры. Розенберг — карьерист, и он любит позерство, а тем более позу «идейного борца». Переходим дальше к более конкретным интересующим нас вопросам. Какова роль Розенберга в подготовке нападения на Советский Союз? По словам Розенберга, он к этому не был причастен, так как назначение его министром восточных оккупированных территорий состоялось уже после нападения Германии на СССР. Мы настолько привыкли ко лжи нацистских преступников, что не удивляемся ничему. И если Гесс утверждал, что он не знает, кто такой Гитлер, стоит ли удивляться «скромной» лжи Розенберга. Недаром Гитлер учил своих сообщников, что при умелой пропаганде народу можно представить как рай самую убогую жизнь и, наоборот, рай представить адом. Вот в чем еще, оказывается, «идейная» сущность нацизма! И этой «идее» — идее лжи преданы и верны до самого конца гитлеровские преступники.

Мы знаем по подлинным немецким документам, что еще до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз Розенберга прочили на пост министра оккупированных восточных территорий. Естественно, что до нападения на Советский Союз Гитлер не мог во всеуслышание объявить о создании им такого министерства. Но фактически такое министерство было создано, и Розенберг подбирал кадры для него, разрабатывал планы и готовил все для управления намеченными к оккупации восточными территориями.

20 июня 1941 года на совещании со своими ближайшими сотрудниками по министерству Розенберг в пространном докладе нарисовал обширные планы раздела и порабощения Советского Союза.

Допрашиваем Розенберга о целях войны гитлеровской Германии с Советским Союзом. Под тяжестью предъявленных ему обвинений он вынужден кое-что признать. Но и в этих случаях у него свои формулировки. Агрессивную, захватническую войну против Советского Союза Розенберг «деликатно» характеризует как «далеко идущие планы» Гитлера. А когда мы предъявляем ему известную стенограмму совещания от 16 июля 1941 года, на котором присутствовал и Розенберг, он пытается представить захватнические планы Гитлера как результат проявления «необузданности» его характера.

— Разве можно было 16 июля 1941 года говорить о каких-либо реальных и конкретных решениях в случае победоносного завершения Германией войны против СССР,— объясняет Розенберг.

— Но тем не менее захватнические планы существовали, все было подготовлено для их осуществления. Каковы в таком случае были функции вашего министерства?

Розенберг отвечает:

— Наша задача была обеспечить на оккупированных территориях временный порядок и административное управление.

Предъявляем Розенбергу запись его собственной беседы с Гитлером, где речь шла о переименовании Симферополя и Севастополя.

— Вам известен этот документ?

— Да.

— Здесь все правильно записано? И в конце стоит ваша подпись, не так ли?

— Да.

— Прочтите вот это место,— показываем мы Розенбергу,— здесь говорится, что вы долго ломали голову над переименованием Симферополя и Севастополя, и Гитлер одобрил предложенный вами вариант переименовать Симферополь в Готенбург, а Севастополь в Теодорихсгафен. Припоминаете это место в вашей записи?

— Да,— слышим ответ Розенберга.

— Для какой цели вы занимались этим вопросом, если вам еще не было ясно, что произойдет в случае победы гитлеровской Германии?

— Это носило отвлеченный характер, ведь практически никто не переименовывал эти города,— пытается вывернуться Розенберг.

— Вы правы, Симферополь и Севастополь не были переименованы, но этого не произошло по причинам, от вас никак не зависящим. Вы ломали голову над переименованием советских городов, обсуждали этот вопрос с главой государства, он одобрил ваши предложения. И все это вы называете отвлеченным занятием. Любопытное занятие для двух государственных деятелей!

Розенберг молчит. Он понимает, насколько беспомощны его показания. Но сказать правду он не может, не хочет. Это значило бы самому себе вынести смертный приговор. И Розенберг выбирает ложь.

Розенберг открещивается от всего, что творили гитлеровцы на оккупированных территориях.

— И вы ничего не знали о массовых убийствах, беззакониях и произволе, совершаемых на оккупированных территориях?

Розенберг отвечает отрицательно. К нему поступали будто бы только отдельные сведения и жалобы. Ведь экономикой занимался Геринг, рабочей силой — Заукель, безопасностью — Гиммлер. Розенберг хочет изобразить себя чуть ли не поборником культуры и гуманности и длинно рассказывает о своих «достижениях» в роли гитлеровского министра восточных оккупированных территорий.

Международный военный трибунал признал Розенберга виновным в тягчайших преступлениях и приговорил его к смертной казни.

Обер-палач

В кабинет вводят большого, крупного человека с какой-то неестественно длинной физиономией в шрамах. Это Кальтенбруннер — наиболее отвратительная фигура из паноптикума нацистских главарей, палач и правая рука Гиммлера. Ну что может сказать он, какие слова могут найтись у него в свою защиту? Зверские убийства, изощренные пытки — это его профессия, его жизнь. Но и у Кальтенбруннера есть, оказывается, своя линия защиты. И если все гитлеров-

ские палачи открещиваются, как могут, от своих преступлений, то Кальтенбруннер открещивается даже от... самого себя. Он совсем не тот, за кого его принимают, он — призрак, миф XX века, как сказал бы Розенберг. Для Кальтенбруннера все средства хороши. Если он признает, что он именно тот, кем он был, тогда ему придется признать душегубки, пытки, гестапо, миллионы замученных и истерзанных жертв.

Кальтенбруннер был преемником палача Гейдриха, убитого чешскими патриотами. Как начальнику полиции безопасности и службы безопасности, ему подчинялись непосредственно гестапо и германская политическая разведка, он ведал охраной концентрационных лагерей, руководил получившими мрачную славу эйнзатцгруппами, осуществлявшими убийство людей в душегубках, пытки, массовые казни мирного населения. Таков «послужной» список Кальтенбруннера, таков круг его обязанностей в гитлеровском государстве.

Не моргнув глазом, Кальтенбруннер заявляет, что он никогда не был начальником полиции безопасности и СД. Ему предлагали этот пост, но он всячески от него отказывался. Потом, помимо его воли и желания, он все же номинально был зачислен на эту должность. Будучи формально начальником полиции безопасности и СД, он никогда не находился в подчинении Гиммлера, и ему, в свою очередь, не подчинялись ни гестапо, ни разведка, ни эйнзатцгруппы.

— Кому же они подчинялись? — спрашиваем Кальтенбруннера, и получаем ответ: — После смерти Гейдриха непосредственно Гиммлеру.

— Ну а что же, собственно говоря, вы сами делали, находясь на службе в главном имперском управлении безопасности?

Вот тут-то и начинается «миф» Кальтенбруннера. По его словам, он возглавлял выдуманную им же самим перед допросом внутригерманскую разведывательную службу, которая не имела никакого отношения к имперскому управлению безопасности, то есть к ведомству Гиммлера.

— Чем же занималась внутригерманская разведывательная служба, которую вы возглавляли, в чьем подчинении она находилась?

Кальтенбруннер с тупым упрямством объясняет, что задача этой службы — собирать сведения о настроениях немецкого народа и сигнализировать о них в соответствующих случаях руководителям ведомств и даже Гитлеру. На посту руководителя внутригерманской разведывательной службы Кальтенбруннер, по его показаниям, никому не подчинялся.

— А кем же вы были назначены на этот пост?

Кальтенбруннер путается и не может дать четкого ответа на вопрос. Свою роль он характеризует чуть ли не как роль критика нацистского режима.

— Это не всегда было приятно для руководителей,— поясняет Кальтенбруннер,— и именно поэтому моей работой не всегда были довольны.

О зверствах, пытках, массовых убийствах Кальтенбруннер, конечно, ничего не знает. Его деятельность протекала только и исключительно внутри Германии.

Очевидно, он думает, что мы лишены возможности проверить его показания. Мы прекращаем допрос. Кальтенбруннер ходатайствует о том, чтобы мы ознакомились со структурой имперского управления безопасности, он твердит, что происходит досадное недоразумение, ему неправильно приписывают, будто он занимал пост начальника полиции безопасности и СД, и отсюда, так сказать, проистекают все его беды. Кальтенбруннера уводят.

Мы удовлетворили его ходатайство и допросили в качестве «свидетелей» нескольких ближайших сотрудников Гиммлера и видных эсэсовских генералов и оберштурмбанфюреров — начальника одного из управлений главного имперского управления безопасности Вальтера Шелленберга, бывшего начальника эйнзатцгруппы «Д» Отто Олендорфа, который сам признал, что его группой было расстреляно 90 тысяч человек в районах Кубани и Северного Кавказа, бывшего начальника личного штаба Гиммлера Карла Вольфа. Не зная, в чем дело, все они в один голос заявили, что Кальтенбруннер являлся начальником полиции безопасности и СД. Каждому из них было предложено начертить схему имперского управления безопасности и показать на этой схеме место Кальтенбруннера. На всех этих схемах

Кальтенбруннер был показан во главе гестапо, эйнзатцгрупп и других управлений и учреждений имперского управления безопасности. О внутригерманской разведывательной службе ни Шелленберг, ни Олендорф, ни Вольф, ни другие эсэсовцы, которых мы также допрашивали, ничего не знали.

Главный советский обвинитель, характеризуя преступления Кальтенбруннера, привел в своей заключительной речи многочисленные факты массовых злодеяний, которые осуществлялись на оккупированных территориях и в нацистских застенках под руководством подсудимого. Советские люди хорошо помнят пять эйнзатцгрупп — эти злодейские организации германского фашизма, возглавлявшиеся Кальтенбруннером. Эйнзатцгруппа «А» организовала «форт смерти № 9» под Каунасом, тайный пункт массового умерщвления людей в Понарах, осуществляла расстрелы в Саласпилсском и Бикернекском лесах под Ригой, выставила ряды виселиц в пригороде Ленинграда Пушкине.

Эйнзатцгруппа «В» сжигала заживо крестьян Белоруссии, организовала массовые расстрелы в Пинске, топила тысячи белорусских женщин и детей в Мозырских болотах, травила беззащитных людей в душегубках в Минске, уничтожала евреев в районе Смоленска.

Эйнзатцгруппа «С» дислоцировалась в Киеве. Эта группа осуществляла беспримерную по жестокости массовую акцию немцев в Бабьем Яру, где за один день было уничтожено 100 тысяч советских граждан. Эйнзатцгруппе «Д» были отданы на растерзание южные районы, временно оккупированные гитлеровцами. Это она впервые испытывала на советских людях душегубки в Ставропольском крае и Краснодаре.

Решая судьбу Кальтенбруннера, нельзя было забыть этих людей, отравленных в душегубках под Ставрополем, зарытых живыми в могилы под Киевом и Ригой, заживо сожженных в пылавших деревнях Белоруссии.

Приговором Международного военного трибунала в Нюрнберге подсудимый Кальтенбруннер был признан виновным во всех предъявленных ему преступлениях и приговорен к смертной казни.

Финансист агрессии

Среди главных нацистских военных преступников Яльмар Шахт — наиболее сложная фигура, заслуживающая более пристального внимания и, может быть, даже изучения. Шахт умнее, хитрее и дальновиднее многих нацистских главарей. Шахт — это нацистский Фуше, двурушник, особенно ярко проявивший себя в условиях гитлеровского режима. Капиталисты Германии руками Шахта обеспечили приход Гитлера к власти. Шахт — создатель гитлеровской военной экономики и творец кровопролитных войн. Но тогда, когда ему это выгодно, он уходит с политической арены и терпеливо выжидает. Он может даже поиграть в оппозицию, но не настолько, чтобы рисковать своей жизнью.

Пост президента рейхсбанка он получил сразу же после прихода Гитлера к власти, а затем последовательно занимал посты министра хозяйства, генерального уполномоченного по вопросам экономики и фактически сосредоточил в своих руках управление всеми финансами и экономикой гитлеровской Германии. Но он не любил громкой славы, не стремился забегать вперед других, и вместе с тем это самый алчный властолюбец. Создавая гитлеровскую военную экономику, готовя агрессивные войны, Шахт мечтал о мировом господстве, он видел себя силой, движущей миром.

Шахт — еще довольно хорошо сохранившийся старик. У него большие старческие, пожелтевшие руки, вытянутая морщинистая шея, торчащая из накрахмаленного воротничка. В его одежде и манерах чувствуется какая-то нарочитая неряшливость и небрежность. Он любезен, предупредителен, не прочь при случае сострить и умеет это сделать. Шахт ткет тонкую паутину. Он пошел с Гитлером, так как видел в этом «историческую неизбежность». Он был за сильную, целостную Германию, за возвращение ей колоний. Но он был против войн и сторонником мирного урегулирования жизненно важных для Германии вопросов. Он не разделял политики Гитлера, а ряд положений гитлеризма считал абсурдными. Как патриот, он верил, что своим участием в гитлеров-

ском правительстве посильно сможет помочь своему народу и в какой-то мере оказать умиротворяющее воздействие на политику гитлеровского правительства.

— Но ведь не кто иной, как именно вы способствовали созданию военной экономики гитлеровской Германии и были наделены в этой области чрезвычайными полномочиями?

Шахт мудрено объясняет, что действительно он был за вооружение Германии, но не для ведения агрессивных войн, а для обеспечения всеобщего разоружения. По его словам, он считал, что только сильная Германия в сердце Европы обеспечит всеобщее разоружение и, наоборот, обессиленная Германия будет причиной раздоров и поводом для развязывания войн. Так Шахт нагло маскировал истинные цели гонки вооружений гитлеровской Германии. Шахт был автором авантюристического метода извлечения колоссальных средств для производства вооружений, так называемого метода «МЕФО». Им было создано фиктивное акционерное общество «Металлфоршнунг» (отсюда и термин «МЕФО»). Это общество выписывало безвалютные векселя промышленникам, производящим вооружение, а германский рейхсбанк ставил на них свой акцент. Эти векселя затем пускались в оборот, и таким путем изыскивались, помимо бюджета, средства на производство вооружений. Таких векселей «МЕФО» было выпущено на огромную сумму — 12 миллиардов марок.

— И что же, по вашему мнению, векселя «МЕФО» были реальными? — спрашиваем Шахта.

— Такими же реальными, как реальным казался мне тогда Гитлер,— хитро прищуривая глаза, отвечает Шахт.

Когда, по словам Шахта, он убедился, что вооружение Германии приняло чрезмерно большие размеры и стало грозить развязыванием войны, он перешел в оппозицию к Гитлеру и вышел в отставку.

Мне хотелось бы привести здесь характеристику, которую дал подсудимому Шахту главный обвинитель от США Р. Джексон в своей заключительной речи на Нюрнбергском процессе. Она несколько длинна, но несомненно точна и заслуживает внимания.

«Почти все подсудимые высказывали две или более противоречащие одна другой точки зрения. Давайте проиллюстрируем несовместимость их точек зрения на записи показаний одного из подсудимых, одного, который, если бы мы настаивали, охотно бы согласился с тем, что он самый умный, честный и невинный человек из всей скамьи подсудимых. Это — Шахт. Таково впечатление от его показаний.

Но не следует забывать, что все это я выдвигаю не только против него одного, поскольку большое количество внутренних противоречий свойственно показаниям нескольких подсудимых. Шахт открыто не присоединялся к нацистскому движению до тех пор, пока оно не победило, так же как открыто не покидал этого движения до тех пор, пока оно не потерпело крах. Он признает, что никогда публично не выступал против этого движения, но утверждает, что лично никогда не относился к нему лояльно.

Когда мы его спрашиваем, почему он не остановил режим на его преступном пути, режим, при котором он был министром, он заявляет, что был лишен всякого влияния. Когда мы его спрашиваем, почему он продолжал оставаться на службе этого преступного режима, он заявляет нам, что надеялся сделать его программу более умеренной. Подобно брамину среди неверных, он не мог себе позволить общаться с нацистами, но он также никогда не мог позволить себе порвать с ними политические связи. Из всех агрессивных действий нацистов, которыми, как он теперь утверждает, он был потрясен, нет ни одного, которому бы он не оказывал поддержку перед лицом всего мира авторитетом своего имени, своим престижем.

Вооружив Гитлера и дав ему тем самым возможность шантажировать континент, он сейчас обвиняет Англию и Францию в том, что они поддались шантажу Гитлера. Шахт всегда боролся за свое положение в рамках существовавшего режима, который сейчас он пытается презирать.

Иногда он не соглашался со своими нацистскими сообщниками относительно средств для достижения своих целей, но никогда не расходился с ними во мнениях по вопросу о самой цели. Он действительно пор-

вал с ними, когда наступили сумерки этого режима, но это было сделано по тактическим, а не по принципиальным соображениям. С этого времени он никогда не переставал призывать других рисковать своим положением и жизнью для того, чтобы оказывать содействие в осуществлении его планов, но никогда, ни в одном случае, он не подвергал риску свою собственную жизнь.

Теперь он хвастает, что собственноручно застрелил бы Гитлера, если бы для этого представилась возможность, но германская кинохроника показывает, что даже после падения Франции, когда он встретился с живым Гитлером, он выступил вперед для того, чтобы пожать руку человеку, к которому, как он говорит, он питает огромное отвращение, и ловил каждое слово человека, которого, как он теперь говорит, считал недостойным доверия.

Шахт говорит, что неуклонно «саботировал» гитлеровское правительство. Однако ни одна секретная разведка в мире никогда не обнаружила даже следов его вредоносных действий по отношению к режиму даже через много времени после того, как он узнал, что война проиграна и что нацизм обречен на гибель. Шахт всю жизнь лавировал и обеспечивал себе такое положение, чтобы можно было заявить, что он не принадлежит ни к какому лагерю.

Его защитительные доводы при анализе оказываются столь же показными, сколь убедительными они кажутся на первый взгляд. Шахт... представляет собой человека, занимающего влиятельное положение, который готов присоединиться к любому движению, зная, что оно является порочным, лишь потому, что оно, по его мнению, побеждает» *.

И в приговоре Международного военного трибунала сказано, что «Шахт был центральной фигурой в германской программе перевооружения и что предпринятые им шаги, в особенности в первые дни нацистского режима, дали нацистской Германии возможность быстро стать военной державой» **.

---

* «Нюрнбергский процесс». Сборник материалов, т. VII. М., 1961, стр. 45—47.

** Там же, стр. 471.

Оправдание Шахта, против чего справедливо и решительно возражал представитель СССР в Международном трибунале, оставило безнаказанным человека, чьими руками было подготовлено смертоносное оружие развязанной гитлеровцами второй мировой войны.

Главарь «Гитлерюгенд»

Бальдур фон Ширах, возглавлявший нацистскую молодежную организацию «Гитлерюгенд» — самый молодой из гитлеровских главарей. Он выглядит моложаво, хотя седина блестит в его густых темных волосах. Его внешний облик не лишен некоторой привлекательности. Он единственный, кто, если можно так выразиться, стал на «путь раскаяния». Ширах достаточно правдоподобно и охотно рассказывает, что он слепо верил в Гитлера, каждое его слово воспринимал как откровение и только теперь понял, как он в нем ошибался. Ширах говорит, что в жизни Гитлера было три периода. Первый — это человеческий период, когда Гитлер еще не пришел к власти и был человеком; второй период — это сверхчеловеческий, после прихода Гитлера к власти, когда он стал осуществлять свои идеи о превосходстве немецкой расы. И наконец, третий период — нечеловеческий, когда Гитлер стал на путь развязывания кровопролитных войн и уничтожения целых народов.

Таким было начало допроса Шираха...

На первый взгляд «откровенные» показания Шираха могли вызвать к нему расположение. Но это ощущение мгновенно исчезает, когда Шираху предлагают вопросы, непосредственно касающиеся его преступной деятельности как ближайшего сподвижника Гитлера и фюрера германской молодежи. От впечатления «откровенности» не остается и следа. Ширах уже ничем не отличается от своих партнеров по скамье подсудимых. Он все отрицает: ничего не знал, ни в каких преступлениях не участвовал.

Да, Ширах сам никого не убил. Но он тягчайший преступник. И не только перед международным судом, но и перед собственным народом. Именно он насаждал среди немецкой молодежи расоненавистни-

ческие идеи нацизма, готовил молодежь для совершения массовых злодеяний на оккупированных территориях.

Не кто иной, как Ширах, с дьявольской методичностью, последовательно проводил нацистскую политику воспитания молодежи и осуществлял наставления Гитлера.

«Мы вырастим молодежь, перед которой содрогнется мир, молодежь резкую, требовательную, жестокую. Я этого хочу. Молодежь должна обладать всеми этими качествами, она должна быть безучастной к страданию. В ней не должно быть ни слабости, ни нежности. Я хочу видеть в ее взоре блеск хищного зверя».

Так говорил Гитлер в беседе с Раушнингом *. И эти идеи проводил в жизнь Ширах. Именно в этом и состоит страшная вина Шираха перед человечеством и немецким народом. Ширах — один из идеологов, организаторов и вдохновителей массовых изощренных убийств миллионов ни в чем не повинных людей.

В подтверждение сошлюсь на некоторые документы, язык которых нередко бывает более убедителен, чем слова.

В декабре 1936 года в гитлеровской Германии был издан декрет о передаче дела воспитания молодежи в руки государства.

«Вся имперская молодежь,— говорилось в этом декрете,— входит в организацию «Гитлеровская молодежь». Германская молодежь будет воспитываться физически, интеллектуально и морально в духе национал-социализма».

Ширах с 1931 года был имперским руководителем молодежи национал-социалистской партии, а с 1933 года — фюрером молодежи Германской империи, рейхслейтером.

Таким образом, осуществление задач, поставленных декретом 1936 года, было возложено непосредственно на Шираха и руководимые им организации «Гитлерюгенд».

---

* Герман Раушнинг, единомышленник Гитлера, был председателем Данцигского сената.

Вот что писал в 1939 году об успехах «Гитлерюгенд» Альфред Розенберг:

«Мы достигли прогресса во внедрении национал-социалистской идеологии в умы германской молодежи, от католической молодежи остались только небольшие группки, которые со временем также будут включены в состав гитлеровской молодежи... Более того, наша программа относительно воспитания в наших школах всех категорий уже составлена с таким антихристианским и антиеврейским направлением, что подрастающее поколение будет избавлено от жуликов в черных рясах».

Откровеннее, пожалуй, не скажешь!

На судебном процессе в Нюрнберге в 1945 году американский обвинитель капитан Шпрехер, характеризуя преступления Бальдура фон Шираха, говорил, что задача Шираха заключалась в том, чтобы увековечить существование нацистского режима путем отравления умов молодежи фашистской идеологией и путем подготовки молодежи к агрессивной войне. Этот яд, внесенный в сознание молодежи, надолго переживет подсудимого. Поэтому, безусловно, одна из основных целей обвинения заключалась в том, чтобы показать тем германским юношам и девушкам, которые пережили порожденную нацистами катастрофу, что в действительности представляет собой этот человек, которого нацистская пропаганда выставляла как великого героя молодежи...

Те юноши и девушки, к которым тогда обращался американский обвинитель, теперь уже зрелые люди, и их национальный долг — рассказать современной молодежи всю правду о прошлом нацистской Германии, чтобы предостеречь от рецидива заблуждений и опасных шагов, уберечь ее от призывов «забыть прошлое», от кого бы эти призывы ни исходили и как бы ни горька была правда, предотвратить возможность новых преступлений, нового кровопролития, оградить молодое поколение от ужасов и страданий, пережитых человечеством во время второй мировой войны.

Давая показания по вопросу об отношении к войне против Советского Союза, Ширах рассказывал, что до встречи в Вене с бывшим германским послом в Со-

ветском Союзе фон Шуленбургом он недостаточно разбирался в действительных мотивах этой войны. Граф фон Шуленбург, многолетний посол в России и большой знаток русских дел, во время свидания с ним сказал, что за много лет пребывания в Советском Союзе не наблюдал ничего такого, что говорило бы о военных намерениях Советского Союза против Германии. Шуленбург был сторонником мира с СССР и считал, что война против Советского Союза чревата губительными последствиями для Германии. Для Шираха, как он говорил, слова Шуленбурга были решающими. И если до разговора с Шуленбургом у него были какие-то сомнения, то после этого они рассеялись.

Казалось, Шираху можно было бы и поверить. Но вот начинаем выяснять роль «Гитлерюгенд» и самого Шираха в идеологическом воспитании немецкой молодежи, в подготовке ее к агрессивным войнам, и перед нами возникают уже знакомые черты труса и шкурника. Так же как и все гитлеровские главари, Ширах от всего открещивается. «Гитлерюгенд», по его словам, была культурно-просветительной и спортивной организацией, которая не имела отношения к воспитанию немецкой молодежи в духе расоненавистничества и милитаризма.

Это ложь!

«Гитлерюгенд» являлась основным резервом поставки молодежи для специальных карательных органов гитлеровской Германии, для гитлеровского вермахта. С этой целью между Ширахом и Гиммлером в 1936 году было заключено особое соглашение. В 1939 году такое же соглашение было заключено между Ширахом и Кейтелем.

В соглашении между Ширахом и Гиммлером предусматривалось создание «Штрайфендинст», патрульной службы, своего рода внутренней полицейской организации «Гитлерюгенд». В соглашении указывалось, что «Штрайфендинст» в организации «Гитлерюгенд» должна выполнять задачи, аналогичные задачам СС для всего движения, она организуется как особая часть для того, чтобы обеспечить вербовку новых членов для общих СС. Она должна также, насколько это возможно, поставлять новых

членов для специальных войск СС, для воинских частей СС «Мертвая голова» и для офицерских школ.

Из воспитанников «Гитлерюгенд», людей с «блеском хищного зверя во взоре», формировались эйнзатцгруппы и зондеркоманды СС, чинившие изуверские преступления на оккупированных территориях.

И сейчас среди подсудимых на судебных процессах в ФРГ можно увидеть людей, прошедших школу «Гитлерюгенд» и изобличенных в жестоких, бесчеловечных преступлениях, которые они совершали не задумываясь.

Под давлением документальных доказательств подсудимый Ширах во время допроса на суде американским обвинителем Доддом был вынужден признать, что с 1940 года он постоянно стремился к тому, чтобы перевести молодежь в соединения СС. Войска СС производили среди молодежи постоянную вербовку, которая продолжалась до последнего дня войны.

Представляя на судебном процессе в Нюрнберге доказательства индивидуальной ответственности подсудимого Шираха, американский обвинитель следующим образом резюмировал свое выступление: «...Ширах заключил соглашение с руководителем СС в отношении поставки новых рьяных членов СС для организованного бандитизма и для совершения зверств, он заключил соглашение с руководителями германских вооруженных сил о поставке молодежи в качестве пушечного мяса для агрессивной войны. Военное обучение молодежи было одним из наиболее важных моментов в нацистском заговоре. Это было одним из тех действий нацистов, которые потрясли весь цивилизованный мир».

Только люди, растленные нацистской идеологией, воспитанные в духе расоненавистничества, могли стать на путь совершения злодейских преступлений против человечества. Нацисты подготовили и воспитали десятки и сотни тысяч эсэсовцев, гестаповцев и им подобных изуверов, жестоких, бессердечных, изобрели средства массового уничтожения людей — газовые камеры, автомашины-душегубки и т. д. О масштабах их преступлений свидетельствует цифра уничтоженных людей на оккупированных советских

территориях — она достигает нескольких миллионов. И в совершении этих злодеяний участвовали многие из тех, кто был воспитан в рядах «Гитлерюгенд».

В городе Львове гитлеровская молодежь упражнялась в стрельбе по живым мишеням. Хватали маленьких детей, расставляли в шеренгу по росту и поочередно расстреливали.

В расстрелах принимали участие специально подготовленные блицмедхен *. В городе Ровно, на Украине, был организован массовый расстрел мирного населения. Женщины, дети, старики были согнаны к месту расстрела. На это страшное зрелище были приглашены офицеры из местного гарнизона с женами. В их присутствии блицмедхен стреляли по живым мишеням, как по дичи. Детей подбрасывали в воздух, а блицмедхен стреляли в них в этот момент. Наиболее удачные выстрелы сопровождались аплодисментами.

Описания подобных преступлений могли бы составить многие тома. О массовом уничтожении людей на оккупированных территориях было известно многим в Германии, тем более были осведомлены об этом главари третьего рейха, организаторы, идеологи преступлений, и в их числе дважды преступник Ширах.

Международный трибунал в Нюрнберге признал Бальдура фон Шираха виновным и приговорил к 20 годам тюремного заключения.

...Недавно возвратился из поездки в ФРГ мой хороший знакомый — советский литератор Л. Гинзбург и рассказал о своей встрече с Бальдуром фон Ширахом. Оказывается, Ширах опубликовал свои мемуары под названием «Я верил в Гитлера». Они были изданы огромным тиражом и автор получил баснословный гонорар.

Как можно судить, Ширах остался верен себе, хотя 20 лет, проведенные им в тюрьме Шпандау,— более чем достаточный срок для раздумий о прожитом и пережитом. И внешне Ширах как будто мало изменился, лишь побелела голова. Он по-прежнему отрицает свою роль в подготовке и воспитании немец-

---

* — девушки, специально обученные стрельбе из скорострельного оружия.

кой молодежи в духе нацистской расоненавистнической идеологии, что способствовало совершению беспримерных в истории тягчайших преступлений против человечества. Своими мемуарами, сглаживающими, приглушающими преступное прошлое нацизма, Ширах играет на руку неонацистским и реваншистским элементам, представляя молодежи прошлое в каком-то розовом свете, пытаясь скрыть от нее правду об этом прошлом и снять с себя вину перед немецким народом. Но это безуспешная затея.

Работорговец

Международный военный трибунал признал, что в качестве генерального уполномоченного по использованию рабочей силы Заукель несет полную ответственность за проведение программы рабского труда. Согласно распоряжениям Заукеля его подручные были облечены властью набирать иностранных рабочих на оккупированных территориях и среди военнопленных. Он был осведомлен о безжалостных методах, которые применялись для вербовки рабочих, и поддерживал эти методы.

Допрос Заукеля, проведенный нами до суда, был кратким и оставил лишь беглые впечатления об этом человеке.

Небольшого роста, расположенный к полноте, с короткой шеей, с маленькими бегающими глазками и лысым черепом — таков внешний облик Фрица Заукеля. Он ординарен в своих показаниях и так же, как остальные нацистские главари, все отрицает, хотя свидетелями его преступлений были миллионы людей, угнанных в рабство в Германию. Заукель считает принудительный труд, насильственно введенный гитлеровцами, военной необходимостью. Он будто бы предпринимал все от него зависевшее, чтобы условия труда иностранных рабочих были нормальными. Он был против колючей проволоки в лагерях и против опознавательных знаков для рабочих, но ничего не мог поделать, так как на этих мерах настаивал не кто иной, как всемогущий Гиммлер.

Более подробный допрос подсудимого Заукеля

мне было поручено провести уже в судебном заседании Международного трибунала. Допрос продолжался два дня. И хотя работа обвинителей на судебном процессе в Нюрнберге протекала в специфических условиях, допрос Заукеля дал возможность наиболее полно раскрыть его преступления.

Особая трудность допроса в судебном заседании состояла в том, что его приходилось вести с помощью синхронных переводчиков. Технически это выглядело так. Обвинитель задает допрашиваемому вопрос на своем языке. Переводчик излагает его подсудимому или свидетелю. Ответ следует по такому же пути в обратном порядке. На эту процедуру уходило немало времени. Допрашиваемый мог сказать, что он не понял заданного ему вопроса и просит повторить. Таким образом, он приобретал возможность обдумать свой ответ. К этому приему нередко прибегали подсудимые, и в том числе Заукель. Иногда происходили казусы и из-за того, что некоторые переводчики не всегда правильно и точно делали перевод. Расскажу об одном из таких казусов. Нам стало известно, что гитлеровские военные преступники подготовили план захвата нейтральной Швейцарии, который получил кодовое название «Елка». Было также известно, что к осуществлению этого плана имел отношение небезызвестный фельдмаршал Манштейн. И вот на суде во время допроса Манштейна в качестве «свидетеля» (допрос был поручен мне) я задаю ему вопрос: «Что вам известно о плане, носившем название «Елка»?» Происходит заминка. С пульта, откуда ведется допрос, вижу, что вопрос до Манштейна не дошел, а в застекленной кабине переводчиков какое-то замешательство. Снова повторяю вопрос. И вновь наблюдаю ту же картину. Догадываюсь и произношу слово «елка» по-немецки — «танненбаум». Все становится на свои места. Оказывается, переводчик просто не знал русского слова «елка».

Но вернемся к допросу подсудимого Заукеля. Важно было установить масштабы его преступлений. Этому было уделено большое внимание. Мы располагали собственными отчетами Заукеля, в которых он приводил данные о количестве рабочих, угнанных в Германию в течение войны.

В процессе допроса Заукель всячески изворачивался, пытался уменьшить число людей, вывезенных с оккупированных территорий, называл различные данные. Тогда в допрос вмешался председатель суда Лоренс. Приведу соответствующую выдержку из стенограммы судебного заседания.

Обращаясь к обвинителю председатель спросил: — Ваш вопрос заключался в том, сколько всего было ввезено людей в Германию, сколько было ввезено иностранных рабочих в течение всей войны? В этом заключался ваш вопрос?

Обвинитель. Совершенно верно, господин председатель.

Председатель. Как же вы ответили на него, подсудимый?

Заукель. Я уже сказал, что вместе с теми контингентами рабочих, которые были уже в стране до того, как я занял этот пост, и с теми контингентами, которые имелись к концу войны, общее число рабочих составляло 7 миллионов. По моим материалам, под конец оставалось 5 миллионов, потому что другие вернулись обратно на родину.

Председатель. Да, но это не то, о чем вас спрашивали. Вас спросили, сколько людей было ввезено в Германию из всех стран в течение всей войны. Вы сказали, что к концу войны их было 5 миллионов и что в предшествовавшие годы имели место постоянные изменения. Из этого вытекает, что в Германию должно было быть ввезено более чем 5 миллионов в течение ряда лет.

Заукель. По моим подсчетам, число их составляло 7 миллионов, однако я не могу точно указать цифру, так как мне неизвестны точные цифровые данные, существовавшие до того, как я занял этот пост. Но определенно, миллионы людей все время возвращались на свою родину.

Обвинитель. Вы меня не понимаете. Я говорю о количестве ввезенной из оккупированных территорий рабочей силы. Для этого не имеет значения, какое количество из этой рабочей силы погибло на территории Германии, какое количество убыло. От этого не меняется общее количество ввезенной на территорию Германии рабочей силы.

Таким образом, если на 30 ноября 1942 г. в Германии находилось 7 миллионов человек и, по вашим словам, в 1943 году поступило еще 2 миллиона, а в 1944 году, как вы здесь заявили, поступило еще 900 тысяч, то на основании ваших собственных слов общее количество ввезенной рабочей силы за время войны составляло 10 миллионов. Это правильно?

Заукель: Я могу это подтвердить, только если сошлюсь на то, что не знаю, сколько рабочих было фактически ввезено до меня. По подсчетам это верно, включая всех военнопленных, которые использовались на работах....

Так Заукель безуспешно пытался скрыть масштабы своих преступлений.

Международный военный трибунал приговорил его к смертной казни.

* *
*

Перед нами прошла галерея главных нацистских военных преступников*. Мы не ждали от них слов раскаяния и сожаления, признания ими своих тягчайших преступлений перед человечеством. Но мы могли ожидать, что они будут отстаивать свои бредовые идеи. Этого не произошло. Даже Розенберг, которого мы спросили в заключение его допроса: «Неужели сейчас, после катастрофы, после разгрома и капитуляции гитлеровской Германии, вы не способны признать свои преступления перед свободолюбивыми народами?» — ответил злобно: «Немецкий народ тоже вынес немало страданий».

И это было все, что мог сказать Альфред Розенберг, один из «идейных» вождей гитлеровцев.

На первый взгляд они казались присмиревшими, ничего не знавшими, ничего не видевшими и ни за что не отвечавшими людьми. Порой не верилось, что перед тобой те, кто стоял годами во главе государства в центре Европы, государства, имеющего многовековую историю и культуру.

Порой казалось, что эта сплошная, безудержная ложь, отрицание всего, даже самого явного, открещи-

* Допросы остальных главных нацистских преступников проводились до суда другими следователями или из-за нехватки времени вовсе не проводились.

вание от всего, что должно было быть самым святым даже для них самих, может быть, это метод защиты? Может быть, эти люди сговорились между собой о такой линии поведения в случае катастрофы? Но откуда тогда единый почти для них всех страх, какая-то патологическая трусость? В этом существо этих людей. И если мы с некоторой настороженностью шли вначале на первые допросы главных нацистских военных преступников, то вскоре убедились в том, что у них за душой ничего нет. Бывает иногда так, что преступник оказывается умнее следователя. И умный следователь это понимает и чувствует. Он знает, что ему предстоит нелегкая борьба. Ни во время допроса Кейтеля, ни во время допроса Риббентропа, Розенберга, ни кого другого мы не чувствовали себя в подобной ситуации. А ведь все эти люди немало лет управляли государством, были министрами, «теоретиками», претендовали на мировое господство. Попав в Нюрнбергскую тюрьму, они показали себя заурядными обывателями, то есть теми, кем были на самом деле.

БЫВШИЙ ФЕЛЬДМАРШАЛ ПАУЛЮС В НЮРНБЕРГЕ

Когда в Нюрнберге проходил судебный процесс по делу главных нацистских военных преступников, советское обвинение представило Международному суду заявление Паулюса правительству СССР.

В этом заявлении Паулюс писал: «8 августа 1944 года я обратился к немецкому народу с призывом свергнуть Гитлера и прекратить ставшую бессмысленной войну...

Сегодня, когда преступления Гитлера и его пособников поставлены на суд народов, я считаю своим долгом предоставить Советскому правительству все известное мне из моей деятельности, что может послужить в Нюрнбергском процессе материалом, доказывающим виновность преступников войны...»

В этом заявлении Паулюс рассказал все, что он знал о подготовке агрессивного нападения на Советский Союз.

Адвокат Нельте, защитник подсудимого Кейтеля, пытался опорочить представленный документ и заявил, что было бы предпочтительнее, если бы была предоставлена возможность непосредственно выслушать показания свидетеля Паулюса. Когда же советский представитель сообщил суду, что Паулюс может быть доставлен в судебное заседание в тот же день, адвокат Нельте пошел на попятную и, по сути дела, уже не настаивал на его вызове.

В то время, когда происходила эта дискуссия в зале судебного заседания на третьем этаже, Паулюс находился в моем служебном кабинете на первом этаже.

Этому предшествовали события, развивавшиеся почти в кинематографическом темпе. Из подмосковного лагеря для военнопленных Паулюс был доставлен в Берлин, а оттуда в небольшой город Плауэн, расположенный близ американской межзональной границы. Главный советский обвинитель Р. А. Руденко поручил мне участвовать в доставке Паулюса в Нюрнберг. Учитывая обстановку в американской зоне, где нашли пристанище многие нацисты, военные преступники, эмигранты и прочий сброд, было решено осуществить эту операцию конспиративно, с соблюдением всех необходимых мер предосторожности. Так появился пропуск, выданный американской администрацией на мое имя и на десять сопровождающих меня лиц без указания фамилий. Мы выехали из Плауэна на трех автомашинах ночью с таким расчетом, чтобы на рассвете прибыть в Нюрнберг.

В это раннее утро мы ехали с Паулюсом в одной машине по улицам Нюрнберга, и именно тогда, глядя на разрушенный город, он и сказал: «Вот иллюстрация к словам Геринга, что ни одна бомба не упадет на Германию».

Паулюс — высокий, худощавый пожилой человек со спокойными манерами. Создавалось впечатление, что он много пережил и передумал. Лично я в правдивости и искренности его показаний не сомневался, но он был крупный гитлеровский военачальник, и этого, конечно, нельзя было забывать. Паулюсу нужно было предстать перед Международным судом и в присутствии нацистских главарей, сидящих на

скамье подсудимых, давать свои показания. Сумеет ли Паулюс быть честным до конца перед судом истории?

Известно, что в 1943 году, по приказу Гитлера, в Германии был объявлен трехдневный траур в связи с гибелью 6-й армии, окруженной и разгромленной советскими войсками под Сталинградом, а командующий генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс объявлен национальным героем. На самом деле все обстояло иначе. Убедившись в несостоятельности заверений Геринга об обеспечении армии всем необходимым с воздуха и в бессмысленности дальнейшего сопротивления, Паулюс со своим штабом и остатками армии сдался в плен. Для Паулюса, кадрового военного, воспитанного на прусских традициях, это не было простым решением. Его привели к такому решению трезвая оценка положения, стремление избежать напрасной гибели подчиненных ему солдат и офицеров.

И вот Паулюс под Москвой, в лагере для военнопленных. Отсюда он и некоторые другие немецкие офицеры обратились к своим соотечественникам с призывом прекратить войну, прекратить дальнейшее бессмысленное кровопролитие.

Но Гитлер и его окружение не прислушались к этим трезвым голосам, обрекая на гибель миллионы людей, миллионы собственных солдат.

...Зал судебного заседания заполнился молниеносно. Журналисты потом говорили, что это был самый сенсационный день за все время процесса. В тот день из Нюрнберга было послано рекордное число телеграмм.

Паулюс появился в зале, и Р. А. Руденко начал его допрос.

Паулюс подтвердил свое заявление. Затем перекрестный допрос был проведен адвокатами.

Отвечая на вопрос адвоката Нельте, Паулюс сказал: «Те факты, которые впоследствии стали мне ясны благодаря тому, что я пережил, будучи командующим 6-й армией, и апогеем которых явилась битва под Сталинградом, привели меня лишь впоследствии к тому сознанию, что это — преступные деяния...»

И далее: «Я уже говорил, что, когда я принял на себя командование, я не представлял себе объема

преступлений, которые заключались в развязывании этой войны, и не мог понять этого объема. Это я понял только тогда, когда стал командующим армией, которая была брошена под Сталинград».

Адвокат Экснер, защитник подсудимого Иодля, своими вопросами неуклюже пытался бросить тень на Паулюса. Я приведу дословно этот диалог.

Экснер. ...Скажите, были ли вы преподавателем военной академии в Москве?

Паулюс. Нет, не был.

Экснер. Скажите, занимали ли вы какую-нибудь должность в Москве?

Паулюс. Я до войны никогда не был в России.

Экснер. А во время вашего плена?

Паулюс. Я, так же как и другие мои товарищи, находился в России в качестве военнопленного.

Такого рода дешевые попытки защиты «подорвать» доверие к показаниям свидетеля Паулюса оказались бесплодными.

Р. А. Руденко рассказывал потом, как к нему после окончания допроса Паулюса подошел один из английских обвинителей и сказал: «Какая глупая защита! Спрашивают, не преподавал ли Паулюс в советской военной академии? Сами русские преподали урок под Сталинградом, и им нечему было учиться у гитлеровского генерала».

ПОСЛЕДНИЙ ДОПРОС

Случилось так, что мне было поручено провести на Нюрнбергском процессе последний допрос. Это был допрос свидетеля Вальтера Шрайбера, профессора германской военно-медицинской академии, бывшего генерал-майора медицинской службы, специалиста по гигиене и бактериологии.

Показания этого свидетеля были настолько важны, имели такое большое значение для разоблачения нацистских преступлений, что лучше рассказать о них по стенограмме допроса, словами самого свидетеля.

Итак, 26 августа 1946 года в судебном заседании Международного трибунала дает показания 53-лет-

ний профессор Вальтер Шрайбер. Он небольшого роста, хрупкий, у него коротко подстриженные седоватые волосы.

Он рассказывает о страшном преступлении нацистов — подготовке германским главнокомандованием бактериологической войны.

«Во время второй мировой войны,— показывает суду Шрайбер,— в Германии происходили действия, которые являлись серьезным нарушением вечных законов медицинской этики. В интересах германского народа и медицинской науки Германии и в интересах воспитания медицинского поколения в будущем я считал необходимым окончательно разъяснить эти действия.

Эти действия, о которых идет речь, являются подготовкой бактериологической войны с помощью возбуждения чумы и опытов над живыми людьми».

Вопрос. ...Что вам известно о подготовке германским главнокомандованием бактериологической войны?

Шрайбер. В июле 1943 года верховное главнокомандование (ОКВ) созвало тайное совещание, на которое я был вызван в качестве представителя военно-санитарной инспекции. Это совещание происходило в здании общего управления вооруженных сил в Берлине, на Бендлерштрассе, и проводилось начальником штаба общего управления вооруженных сил — каким-то полковником. Фамилию этого полковника я не могу сейчас вспомнить. Полковник заявил в начале совещания, что, так как в результате создавшейся военной обстановки необходимо приступить к разработке вопроса о применении бактерий в качестве военного средства во время войны, высшие штабы должны в настоящее время придерживаться несколько другой точки зрения, чем та, на которой до сих пор стояла военно-санитарная инспекция. Фюрер Адольф Гитлер поручил рейхсмаршалу Герману Герингу руководить проведением всей подготовки, необходимой для ведения бактериологической войны, и предоставил ему для этого необходимые полномочия.

Затем, во время этого совещания, был создан комитет по вопросам бактериологической войны. Чле-

нами этого комитета в основном были те же господа, которые принимали участие в этом совещании.

Во время этого тайного совещания было сказано, что должен быть создан институт, в котором будут разводить культуры различных бактерий в большом масштабе и в котором также будут проводиться научные опыты и эксперименты с целью проверки возможности применения этих бактерий. Кроме того, должна была также исследоваться возможность применения вредителей против полезных растений и животных. В случае положительных результатов было решено, что они также будут разводиться в этом институте.

Это основное содержание совещания, проходившего в июле 1943 года.

Вопрос. Что происходило после этого, что вам об этом известно?

Шрайбер. Через несколько дней я узнал от начальника штаба военно-санитарной инспекции, что рейхсмаршал Геринг уполномочил заместителя начальника имперской медицинской службы Бломе руководить всеми необходимыми работами и дал ему поручение по возможности скорее развернуть работу института в Познани или в районе Познани. В этом институте в Познани затем начали свою деятельность министериальдиректор Шуман, советник министерства Штантин и целый ряд других врачей и научных деятелей, фамилии которых я, однако, не знаю. Я сам доложил относительно этого тайного совещания начальнику штаба и начальнику военно-санитарной инспекции генерал-полковнику медицинской службы Хандлозеру.

Вопрос. Что вам известно об опытах, которые проводились в связи с решением вопроса о подготовке проведения бактериологической войны?

Шрайбер. Опыты проводились в институте в Познани. Деталей относительно этих опытов я не знаю. Я знаю только, что с самолетов производились попытки разбрызгивания эмульсий бактерий, так называемое опытное разбрызгивание. Я слышал также о том, что производились опыты применения вредителей растений, жуков и т. д. Однако в деталях я об этом рассказывать не могу, поскольку я сам

не принимал участия в этих опытах и не знаю деталей.

Вопрос. Вы показали, что первое тайное совещание, посвященное этим вопросам, провел полковник из общего управления ОКВ. От чьего имени он проводил это совещание?

Шрайбер. Он проводил это совещание от имени генерал-фельдмаршала Кейтеля и начальника общего управления вооруженных сил генерала Рейнеке.

Вопрос. Кто поручил вам участвовать в этом совещании?

Шрайбер. Мне поручил участвовать в этом совещании начальник штаба.

Вопрос. Был ли осведомлен генеральный штаб сухопутных войск о проводившихся мероприятиях по подготовке бактериологической войны?

Шрайбер. Я предполагаю, что да, так как генерал-полковник медицинской службы Хандлозер, начальник санитарной инспекции, которого я информировал о содержании и решениях этого совещания, был подчинен непосредственно начальнику генерального штаба. Таким образом, Хандлозер должен был ему об этом соответствующим образом доложить.

Вопрос. Уточните, чем мотивировало германское верховное командование решение о подготовке к бактериологической войне?

Шрайбер. Это в некотором смысле можно было заключить из слов руководителя тайного совещания. Поражение под Сталинградом было самым серьезным ударом для Германии. Поэтому необходимо было по-новому оценивать обстановку и, следовательно, принять новые решения. Возник вопрос, нельзя ли применить другие средства войны, с помощью которых можно было бы еще решить исход войны в пользу Германии.

На этом мы прервем изложение показаний свидетеля Шрайбера, с тем чтобы несколько уточнить их и дополнить.

Мы не сомневаемся в правдивости показаний свидетеля по вопросу о подготовке бактериологической войны. Весьма возможно, что Шрайбер не был осведомлен о том, что в недрах гитлеровского генераль-

ного штаба этот вопрос готовился значительно раньше и не в связи с теми соображениями, о которых рассказал свидетель.

В дневнике начальника гитлеровского генерального штаба Гальдера имеется следующая запись от 21 июня 1942 года (365-й день войны): «Генерал Окснер: Бактериологическая война и текущие вопросы химической войны».

Таким образом, в гитлеровском генштабе на достаточно высоком уровне (Окснер был инспектором химических войск) уже в первой половине 1942 года, а не в 1943 году обсуждались вопросы бактериологической войны против Советского Союза. Но в Нюрнберге в нашем распоряжении не было дневников Гальдера, и поэтому мы были лишены возможности спросить об этом обстоятельстве Шрайбера.

В ходе дальнейшего допроса свидетель Шрайбер объяснил, почему германское командование не осуществило своих планов ведения бактериологической войны.

Мы продолжаем изложение показаний Шрайбера по стенограмме допроса.

На вопрос: «Чем вы объясняете, что германское командование не осуществило своих планов ведения бактериологической войны?» — Шрайбер ответил: «Очевидно, оно не осуществило этих планов по следующим соображениям.

В марте 1945 года меня в моем служебном кабинете военно-медицинской академии посетил профессор Бломе. Он прибыл из Познани, был очень возбужден и просил меня, чтобы я разместил его и его сотрудников в лабораториях в Саксенбурге, для того чтобы они могли там продолжать работу, так как из-за наступления Красной Армии он должен был оставить свой институт в Познани. Это происходило в такой спешке, что он даже не смог его взорвать. Он был сильно обеспокоен тем, что имевшееся в этом институте оборудование для опытов над людьми, которое позволяет определить, для чего оно предназначено, будет обнаружено русскими. Бломе пытался также организовать взрыв института при помощи сбрасывания бомб с пикирующего бомбардировщика. Однако это оказалось невозможным. Далее

он попросил позаботиться о том, чтобы он со своими культурами чумы, которые он спас, мог продолжать работу в Саксенбурге. Я ответил на это господину Бломе, что институт в Саксенбурге в течение длительного времени мне уже не подчиняется и что я вследствие этого не могу дать соответствующего разрешения. Я направил его к начальнику медицинской службы вооруженных сил генерал-полковнику медицинской службы Хандлозеру, который на следующий день вызвал меня по телефону и сказал, что Бломе находится у него с приказом от Генриха Гиммлера, начальника резервной армии, и что он на основании этого приказа, к сожалению, вынужден предоставить Бломе рабочие помещения в Саксенбурге. Я принял это к сведению и больше не имел к этому никакого отношения.

Таким образом, Бломе был выброшен из института в Познани. Деятельность этого института, очевидно, трудно себе представить. Если хотят культивировать чуму в больших масштабах, то для этого нужны соответствующие лаборатории и соответствующие меры безопасности. Персонал должен сначала получить опыт и сработаться, так как немцы, даже специалисты в области бактериологии, не имеют никакого опыта в области культивирования бацилл чумы. Для этого необходимо много времени, и даже после решения о создании института такой институт мог развернуть свою работу только через большой промежуток времени... Бломе во время своего визита сказал, что у него есть еще один институт в Тюрингии, но он будет готов лишь через несколько дней, а может быть, и через несколько недель, и до этого времени он должен получить помещение в другом месте.

Кроме того, необходимо учесть, что если бы применили бациллы чумы, то ввиду близости районов военных действий от границ Германии — ведь тогда части Красной Армии частично уже находились на германской территории — необходимо было обеспечить защиту германских войск и гражданского населения. Таким образом, необходимо было заготовить специальные вакцины для прививок. Для этого тоже требовалось время, а в результате всех этих промед-

лений указанные мероприятия вообще не смогли быть проведены в жизнь».

Мы вновь прервем показания свидетеля, чтобы несколько дополнить их и более полно показать роль гитлеровского вермахта и генерального штаба в подготовке и применении преступных средств ведения войны.

Одним из страшных злодеяний, задуманных гитлеровским вермахтом, была подготовка химической войны. В генштабе сухопутных войск этими вопросами, как уже было сказано, ведал полковник, а затем генерал, Окснер — инспектор химических войск.

Соответствующие записи, касающиеся разработки вопросов применения химических средств, появились в дневнике начальника гитлеровского генерального штаба Гальдера уже в конце 1939 — начале 1941 года. Но наиболее зловещий и активный характер эти мероприятия по подготовке химической войны приобрели после нападения гитлеровцев на Советский Союз.

3.10.41 года (104-й день войны) в дневнике Гальдера содержится такая запись: «Полковник Окснер доложил о боевом опыте химических войск и о подготовке их к боевому использованию в операции «Тайфун»» (речь идет о плане наступления гитлеровских 2-й и 4-й армий на Москву.— *Г. А.*).

В записи от 7.1.42 года (200-й день войны) читаем: «Полковник Окснер хочет мне навязать химическую войну против русских».

Эта война не состоялась по не зависящим от гитлеровцев причинам, но они предпринимали многое для того, чтобы осуществить и это преступление. Об этом свидетельствуют активная деятельность Окснера и опыты, которые проводились по применению химического оружия.

23.3.42 года (275-й день войны) Гальдер отмечает в дневнике: «Полковник Окснер доложил о своей поездке в группу армий «Центр» и о состоянии химических войск на этом участке».

Но Окснер не ограничивался поездками в эту группу армий. Он, уже в качестве генерала, появляется на юге, там, где в районе Керчи находятся каменоломни.

В записи от 10.4.42 года (293-й день войны) значится: «Генерал Окснер. Доклад о поездке в Крым...», а от 12.5.42 года (325-й день войны) — «Генерал Окснер доложил о положении химических войск на юге и по вопросу применения газов против партизан».

5.7.42 года Гальдер записывает в дневнике: «Генерал Окснер (химические войска) доложил о поездке в Крым и в группу фон Вейхса» (командующий группой армий «Б» с июля 1942 года.— *Г. А.*) и, наконец, 26.7.42 года снова запись: «Генерал Окснер. Доклад о посещении южного участка фронта» — и как бы мимоходом: «Никаких признаков подготовки химической войны противником не имеется».

Почему же генерал Окснер так зачастил именно на этот участок фронта?

Оказывается, именно в мае 1942 года после занятия гитлеровцами города Керчи и Керченского полуострова некоторая часть советских воинов оказалась в окружении и находилась в каменоломнях возле села Аджимушкай. В них же укрылась большая часть гражданского населения, преимущественно женщины, дети, старики. Здесь под землей был создан госпиталь для раненых бойцов. Гитлеровцы всеми средствами пытались принудить к сдаче скрывшихся в каменоломнях. Но, несмотря на тяжкие испытания, советские люди были несгибаемы. И вот тогда гитлеровцы закрыли все выходы из каменоломен и применили отравляющие газы. Погибли тысячи беззащитных людей, не желавших сдаться на милость врага. Все эти преступления были совершены в районе действий гитлеровских 132-й и 46-й пехотных дивизий. Они подтверждены свидетельствами живых и мертвых. При осмотре каменоломен в 1944 году специальной комиссией были обнаружены трупы погибших и немые свидетели — документы, дневники — о страшных злодеяниях гитлеровцев.

Так на практике осуществлялась деятельность инспектора химических войск гитлеровского генерального штаба Окснера, о чем с такой сдержанностью упоминал в своем дневнике начальник генерального штаба Гальдер. Конечно, он знал гораздо больше, чем записал в своем дневнике!

Продолжаем цитировать стенограмму допроса свидетеля Шрайбера.

Вопрос. Господин свидетель, теперь сообщите, что вам известно о незаконных опытах над людьми, проводившихся немецкими врачами? Я прошу дать показания по этому вопросу возможно короче, так как эти вопросы достаточно исследовались в ходе судебного процесса.

Шрайбер. Мне по служебной линии стали известны некоторые события. В 1943 году, мне кажется, что это было в октябре, мы в военно-медицинской академии проводили научную сессию с участием квалифицированных сил медицины, так называемых врачей-консультантов из секции бактериологии, в состав которой входило 30 человек. Оберштурмбанфюрер СС доктор Динг сделал доклад об испытании вакцин для прививки сыпного тифа. Доктор Динг заявил, что он делал заключенным в концентрационном лагере Бухенвальд различные прививки против сыпного тифа и что, спустя некоторое время — я не помню, сколько прошло времени,— он искусственно заразил этих людей сыпнотифозными вшами, а затем, в зависимости от того, заболевали эти люди или нет, он делал заключения о качестве вакцины. Имели место и смертные случаи, так как испытывали вакцины различного качества...

Кроме того, я здесь, в Нюрнберге, участвовал в научной сессии, которая была организована командованием военно-воздушных сил.

Вопрос. Когда это было?

Шрайбер. Эта сессия состоялась в 1943 году. Я не могу точно сказать, когда именно она была. Мне кажется, осенью 1943 года, однако, возможно, и летом.

На этой сессии, которая проводилась здесь, в гостинице около вокзала, два врача — доктор Крамер и профессор Гольцленер, директор физиологического института Кильского университета, делали доклады об опытах, которые они проводили по поручению командования вооруженных сил в Дахау над заключенными концентрационного лагеря. Эти опыты имели целью получение данных для изготовления нового защитного костюма для летчиков, совершавших полеты над Ла-Маншем.

Вопрос. Скажите, какое отношение к проведению этих опытов в Дахау имел подсудимый Геринг?

Шрайбер. Штабсарцт Крамер в начале своего доклада заявил, что рейхсмаршал Геринг отдал распоряжение о проведении этих опытов, а рейхсфюрер СС Гиммлер любезно предоставил людей для этих опытов.

Вопрос. Вы сами допускаете такую возможность, чтобы подобные опыты могли проводиться без ведома подсудимого Геринга?

Шрайбер. Нет, этого я не могу себе представить.

Затем допрос свидетеля начал защитник гитлеровского верховного главнокомандования и генерального штаба Латернзер, до последнего времени подвизавшийся в ФРГ в качестве защитника нацистских преступников. Он задал несколько ничего не значащих вопросов с провокационным привкусом и вдруг неожиданно прервал допрос: «Одну минуточку, господин свидетель, у вас имеется перед собой записка?» Тот ответил утвердительно, и тогда Латернзер спросил: «Что написано в этой записке?» Шрайбер, показывая записку, прочел: «Вы можете говорить быстрее?»

В зале раздался дружный смех. Латернзер прекратил допрос и ушел с трибуны. Он думал, что у свидетеля шпаргалка к его показаниям, а у него была записка коменданта, переданная по просьбе переводчиков.

Так совсем не драматически закончился этот последний допрос важного свидетеля Вальтера Шрайбера, открывшего завесу над одним из самых страшных готовившихся гитлеровцами преступлений, которое им не удалось осуществить по не зависящим от них причинам.

НЮРНБЕРГ СЕГОДНЯ

Разыскивается нацистский преступник.— «Специалист по Востоку».— Преступник в мундире генштабиста.— «Человек-загадка».— О судебном процессе в Кобленце и некоторых других.— Искоренить и пресечь зло.— Международная конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества.— Почему леди Гейтскелл и миссис Пиккер голосовали против конвенции.— Международная конференция по вопросам преследования нацистских военных преступников.

Мы покидали Нюрнберг с чувством исполненного долга и глубокого удовлетворения. Международный военный трибунал вынес справедливый приговор, встретивший одобрение всех людей доброй воли. Приговор осудил гитлеризм, его режим и его преступления. Главари третьего рейха были приговорены к смертной казни или к длительному тюремному заключению.

Так бесславно завершилась кровавая нацистская эпопея, принесшая миру десятки миллионов человеческих жертв и огромные разрушения.

Как и год тому назад, стояла теплая баварская осень, так же отсвечивали позолота и багрянец в осенней листве, по-прежнему цвели осенние непахнущие розы, так же хороши были баварские ландшафты, мелькавшие за окнами автомобиля.

И разве кто-нибудь из нас, участников Нюрнбергского процесса, мог тогда подумать, что наступит время, когда вновь и вновь будут возникать проблемы, связанные с ответственностью и наказанием нацистских военных преступников.

Но именно так и произошло. Не будем здесь подробно анализировать послевоенную политическую обстановку в Западной Германии. Ограничимся краткой исторической справкой.

На Западе Германии, оккупированном США, Великобританией и Францией, происходили политические метаморфозы, никак не вытекавшие из союзни-

ческих обязательств о послевоенном устройстве Германии, из Потсдамских соглашений. Создавались Бизония, Тризония, и, наконец, в 1949 году была образована Федеративная Республика Германии.

Под нажимом влиятельных политических кругов здесь начали проводиться такие мероприятия, как реабилитация нацистских преступников, выдвижение их на ответственные посты в правительственных органах и государственном аппарате, назначение многим нацистам высоких государственных пенсий.

Любопытные данные по этому поводу приведены в «Коричневой книге», опубликованной в Германской Демократической Республике. В ней названы имена 1800 военных преступников, многие из которых проникли на ответственные посты в правительственных учреждениях, бундесвере, на дипломатической службе, в органах юстиции и полиции.

В этой части книги мы расскажем о некоторых из этих преступников.

* *
*

Нужно сказать, что в Западной Германии время от времени организуют судебные процессы по обвинению нацистских преступников. Но определенные круги стремятся как-то снизить публичный интерес к этим процессам, не устраивать «шумных процессов» с большим числом подсудимых, поменьше «афишировать» кровавые злодеяния гитлеровцев.

Мне довелось беседовать по этим вопросам с некоторыми западногерманскими юристами. Они дали примерно такой ответ:

— Видите ли, эта проблема имеет две стороны. С одной стороны, не вызывает сомнений, что наказывать нацистских преступников, совершивших тяжкие преступления, нужно, с другой стороны, широкая информация об этих преступлениях воспитывает, особенно у молодых людей, чувство неуважения к прошлому своего народа, протест и даже озлобление, подрывает национальные чувства.

Можно согласиться с тем, что такие чувства при воспоминании о тяжелом прошлом, о тягчайших преступлениях нацистского режима действительно мо-

гут возникать. Но это вовсе не означает, что следует призывать, как это делают реваншисты и неонацисты, к забвению прошлого и «начинать историю» с 1949 года, то есть с момента образования Федеративной республики, или, что еще хуже, искажать прошлое и оправдывать под всяческими предлогами преступления нацизма.

Мы глубоко убеждены в том, что, как бы ни горька была правда о прошлом, о ней нужно полным голосом рассказать молодежи, ничего не утаивая, ничего не скрывая. Только при этом условии можно предупредить рецидивы прошлого, предотвратить возможность новых преступлений, нового кровопролития, оградить молодое поколение от ужасов и страданий, пережитых человечеством во второй мировой войне.

Видный советский писатель Леонид Леонов в одном из своих репортажей из Нюрнберга, когда проходил суд над главными нацистскими военными преступниками, справедливо замечал, что слово правды нужно и «для тех, кто прочтет про это сто лет спустя в учебниках истории».

Да, такое слово правды очень и очень нужно, и особенно для молодежи Западной Германии, где все еще имеют немалое влияние неонацистские и реваншистские силы, где многие нацистские преступники подвизаются в неонацистских НДП и «Акции сопротивления», в различного рода реваншистских землячествах и объединениях, вновь пытаются вовлечь молодежь в ряды неонацистской партии, реваншистских и других реакционных организаций. Нужно помнить о прошлом и быть бдительными в отношении старых нацистов, воспитанных в «Гитлерюгенд» и впитавших в себя нацистскую идеологию.

В западногерманской судебной практике к нацистским преступникам, совершившим массовые злодейские убийства ни в чем не повинных людей, до сих пор применяются общеуголовные законы, изданные в Германской империи еще в 1871 году. Нет нужды доказывать, что эти столетней давности законы не могли предусмотреть преступления гитлеровцев.

Конституция ФРГ в статье 25 устанавливает,

что международно-правовые нормы имеют приоритет над внутренним федеральным законодательством. Вопреки этим конституционным положениям западногерманские органы юстиции игнорируют международно-правовые нормы, определяющие ответственность нацистских преступников, не пытаются даже ставить перед законодательными органами вопрос о внесении соответствующих изменений в устаревшее уголовное законодательство. Но и внутреннее уголовное законодательство трактуется некоторыми учеными-юристами и судебными органами ФРГ таким образом, что создаются условия, способствующие оправданию преступников или смягчению им наказания. За так называемые простые убийства (тотшлаг) нацистские убийцы вовсе не привлекаются к ответственности за истечением срока давности. Только в тех случаях, когда убийства были совершены при отягчающих обстоятельствах (морд), независимо от числа жертв, виновных привлекают к ответственности. Однако и в этих, не таких уж частых, случаях находятся различного рода юридические уловки, при помощи которых преступникам выносятся оправдательные приговоры или смягчают им наказание.

Но почему это происходит? Ответ на этот вопрос следует искать в той атмосфере, которая складывалась в Федеративной республике в течение долгих лет и которая способствовала оправданию преступлений гитлеровского режима. Даже неискушенному в западногерманской юриспруденции человеку едва ли нужно объяснять, что применение в отношении нацистских преступников уголовного закона 1871 года несоизмеримо с масштабами и методами нацистских преступлений. Применение этого закона следует объяснить одной целью — низвести нацистские преступления до уровня обычных уголовных преступлений, выхолостить их политическую сущность, их международный характер и тем самым создать условия для выгораживания и оправдания преступников, для применения к ним сроков давности. Под эту практику некоторые юристы в ФРГ пытаются подвести и «теоретическую базу». Они сочиняют различного рода «теории», единственная цель которых — оправдать наци-

стские преступления. В ворохе этих «теорий» можно найти и такие, как «ответственность за исполнение преступного приказа», согласно которой лица, издавшие преступный приказ, не являются участниками преступления, так как они не были его непосредственными исполнителями. Эта категория, приобрела наименование «преступников за письменным столом».

В связи с этим расскажем о некоторых таких преступниках, имена которых стали сейчас уже одиозными, что тем не менее позволит глубже раскрыть причины подобной оценки преступлений гитлеровского режима.

Речь пойдет о бывшем статс-секретаре в ведомстве федерального канцлера Гансе Иозефе Мария Глобке, о генерале Хойзингере, возглавлявшем бундесвер, а позднее занимавшем ключевые посты в НАТО; о бывшем министре по делам так называемых перемещенных лиц Теодоре Оберлендере; наконец, о бывшем руководителе центрального ведомства земельных управлений юстиции по расследованию нацистских преступлений в Людвигсбурге Эрвине Шюле.

РАЗЫСКИВАЕТСЯ НАЦИСТСКИЙ ПРЕСТУПНИК

Начнем с Ганса Глобке. Это одна из наиболее типичных фигур так называемого преступника за письменным столом. Сам он не убил ни одного человека и даже не был очевидцем убийств. Но это один из вдохновителей, организаторов и соучастников массовых преступлений, провозглашенных нацистским режимом в качестве официальной государственной политики. Будучи закоренелым нацистом по своим убеждениям и юристом по образованию, Глобке все свои знания и энергию посвятил разработке, подготовке и осуществлению человеконенавистнических расовых законов гитлеровской Германии. Лучше всего характеризовал деятельность Глобке его шеф, бывший гитлеровский министр внутренних дел Фрик, повешенный в Нюрн-

берге по приговору Международного военного трибунала.

В письме от 25 апреля 1938 года на имя заместителя Гитлера Рудольфа Гесса Фрик писал, что Глобке несомненно относится к числу самых дельных и способных чиновников министерства. Ему принадлежит выдающаяся роль в разработке закона об охране немецкой крови и чести; закона об охране наследственности немецкого народа (закона об охране чистоты брака); закона о гражданском состоянии; закона об изменении фамилий и имен.

Кроме того, говорилось в письме Фрика, следует отметить его содействие воссоединению Австрии с германским рейхом... и выразить признание его заслуг, назначив с повышением на должность министериальрата.

Это, пожалуй, наилучшая аттестация, какую мог получить Глобке в нацистской Германии. Но гораздо более полная и исчерпывающая «аттестация» была дана Глобке Верховным судом ГДР.

Мне довелось в 1963 году присутствовать в Берлине на судебном процессе, проведенном заочно по делу Глобке первым сенатом по уголовным делам Верховного суда Германской Демократической Республики. Этот процесс привлек большое внимание международной общественности. Проходил он в переполненном большом зале Верховного суда ГДР в присутствии более 500 наблюдателей из многих стран, среди которых находились известные общественные, государственные деятели и видные ученые. В пресс-центре было аккредитовано свыше 200 иностранных корреспондентов, процесс широко освещался в прессе, по радио и телевидению.

Какие же обвинения выдвигались против Глобке?

Воспользуемся для ответа на этот вопрос хотя и несколько скупыми, но выразительными словами из обвинительного заключения по этому делу:

«Будучи чиновником прусского, а позднее имперского министерства внутренних дел, Глобке с 1932 по 1938 год принимал активное участие в создании преступных нюрнбергских расовых законов, прежде всего закона об имперском гражданстве и закона об охране немецкой крови и немецкой чести,

а также других законов, которые сыграли зловещую роль в проведении нацистами будущих акций по преследованию и уничтожению еврейского населения в Германии, а позднее мирного населения на временно оккупированных гитлеровцами территориях. Совместно с военным преступником Штуккартом, статс-секретарем имперского и прусского министерства внутренних дел, Глобке составил комментарий к расовым законам, который официально был объявлен обязательным для всех нацистских партийных органов, властей, судов, загсов и органов здравоохранения. Таким образом, обвиняемый пропагандировал эти бесчеловечные законы и обеспечивал проведение их в жизнь всеми партийными и государственными органами нацистского режима. Являясь ответственным чиновником имперского министерства внутренних дел, Глобке в период с 1938 года и до конца второй мировой войны создал юридические основы для осуществления нацистским режимом преступной политики германизации в оккупированных гитлеровцами областях».

На судебном процессе по делу Глобке наряду с другими экспертами выступили с заключением о политике германизации, проводившейся нацистами на временно оккупированных территориях Советского Союза, советские эксперты — видные ученые-историки.

В своем заключении они отметили, что политика германизации — уничтожение культуры народов, издевательство над национальными чувствами — являлась органической частью общего плана гитлеровских заговорщиков по установлению мирового господства. Чудовищные преступления нацистов были легализованы в государственном масштабе и осуществлялись на основании специально изданных и действовавших в гитлеровской Германии расовых законов, которые применялись на временно оккупированных гитлеровцами территориях Советского Союза и других стран. Атмосфера безответственности и безнаказанности за любое преступление, указывалось в заключении экспертов, стала возможной благодаря тому, что эти преступления были санкционированы законами, инструкциями и приказами

третьего рейха. Нацисты превратили законодательную деятельность в один из важнейших инструментов совершения тягчайших преступлений против человечества.

И Глобке был активным соучастником этих преступлений.

Характеризуя нацистскую политику германизации, главный обвинитель от Франции на Нюрнбергском процессе де Ментон отмечал:

«...Немцы предпринимали германизацию оккупированных территорий и, несомненно, намеревались германизировать весь мир. Эта германизация отлична от пангерманизма с его конечными целями, так как она является одновременно и нацификацией — по существу, возвращением к варварству. Расизм делил народы оккупированных стран на две значительные категории. В отношении одной германизация означала приобщение к национал-социализму, в отношении другой — истребление и обращение в рабство».

Американский обвинитель С. Гаррис, выступая на Нюрнбергском процессе, в свою очередь, так определял мероприятия нацистов в области германизации: «Когда мы говорим о планах германизации, мы имеем в виду планы ассимилирования захваченных территорий экономически, политически и в культурном отношении, втягивание их в орбиту германской империи. Германизация, или онемечение... означает уничтожение национального характера захваченных территорий и искоренение всех элементов, которые не примут нацистской идеологии».

Перед судом прошли многие свидетели, жертвы этой нацистской политики. Мне особенно запомнились трагические судьбы четырех чешских летчиков и двух советских свидетелей из Прибалтики, которые наглядно проиллюстрировали, как осуществлялись подготовленные при участии Глобке преступные нацистские расовые законы.

После захвата Чехословакии гитлеровцами чешские летчики покинули страну, вступили в ряды военно-воздушных сил Англии и сражались против фашистов. Некоторые из них оказались в плену

у нацистов и чудом остались живы. Их подвергали жестоким истязаниям, несмотря на то что некоторые, как, например, Алоис Жижка, были захвачены в плен, будучи тяжело раненными. Этих людей гитлеровцы обвинили в... измене родине, поскольку, в соответствии с законом об имперском гражданстве, они признавались подданными нацистского рейха, как и все население Чехословакии, объявленной протекторатом Германии.

Свидетельница У. из латвийского города Даугавпилса рассказала суду, что вскоре после оккупации гитлеровцами их города, ее и многих других еврейских женщин вызвали в городскую управу и потребовали, чтобы они подверглись стерилизации. Муж У., латыш по национальности, обратился в управу с просьбой освободить жену от этой принудительной операции, поскольку она жена латыша. Но ему пригрозили, что, если стерилизация не будет сделана, в отношении их обоих будут в полном объеме применены расовые законы против евреев. Несчастные жена и муж посоветовались, как быть, и вынуждены были пойти на то, чтобы жене сделали стерилизацию.

У. предъявила суду повестки о вызове ее на стерилизацию и справку, что подобная операция была ей произведена. Многие другие еврейские женщины из этого города, несмотря на сделанную стерилизацию, позднее были расстреляны гитлеровцами, а У. удалось избежать этой участи, скрывшись вместе с мужем.

Сидя в зале суда, я наблюдал, как среди публики многие плакали, слушая показания У.

Еще более тяжелое впечатление оставили показания свидетеля Р., преподавателя университета из эстонского города Тарту. Он был женат на еврейке, известной в городе пианистке. Еще до войны жена приняла лютеранскую веру и их брак по законам этой веры был скреплен пастором. После оккупации города гитлеровцами, несмотря на протесты Р., предъявление брачного свидетельства, выданного лютеранским пастором, жена Р. была заключена в гетто, где находились еврейские женщины и дети. Вскоре Р. был вызван в городскую управу, и там от

него потребовали подать в суд иск о разводе с женой, но он отказался. Затем его пригласил ректор университета Кант, ставленник гитлеровцев, и сообщил, что, если он не выполнит это требование, его уволят из университета. Тем временем все женщины и дети, содержавшиеся в гетто, были вывезены в окрестности города и расстреляны. Пришедшим родственникам и близким, в том числе и Р., сообщили, что все узники будто бы переведены в рижское гетто. Тем не менее от Р. продолжали требовать, чтобы он развелся с женой. Его уволили из университета, а в управе пригрозили, что, если он будет упорствовать, его приравняют к полуеврею и применят законы, действующие в отношении евреев.

Так претворялись в жизнь нацистские расовые законы, одним из создателей которых был военный преступник Ганс Глобке.

Верховный суд ГДР заочно приговорил Глобке к пожизненному тюремному заключению, но еще некоторое время он продолжал занимать пост статс-секретаря в ведомстве федерального канцлера Аденауэра. В конце концов его все же вынуждены были уволить в отставку, назначив большую государственную пенсию.

«СПЕЦИАЛИСТ ПО ВОСТОКУ»

Теодор Оберлендер — это, пожалуй, наиболее зловещая и циничная фигура из числа нацистских преступников, оставшихся безнаказанными.

Многолетний сотрудник гитлеровского абвера, закоренелый нацист, он в качестве «специалиста по Востоку» был одним из организаторов карательных подразделений, совершавших многочисленные преступления на временно оккупированных гитлеровцами советских территориях. Еще до начала войны при его непосредственном участии был сформирован из украинских буржуазных националистов батальон «Нахтигаль» («Соловей»), в котором Оберлендер в чине обер-лейтенанта играл роль «политического советника». В первые дни оккупации советского города Львова специальные группы из состава

этого батальона вместе с другими карательными органами нацистов учинили дикую расправу над мирным населением. 3 июля 1941 года бандиты по заранее подготовленным абвером спискам произвели аресты многочисленной группы польской интеллигенции, среди которой были крупные ученые и известные профессора. Ни в чем не повинных людей преклонного возраста поместили в здание так называемой бурсы Абрагамовича, а затем на рассвете 4 июля расстреляли на склонах расположенной поблизости Вулецкой горы. В это время «политический советник» батальона «Нахтигаль» Оберлендер находился во Львове. Позднее, уже в 1943 году, когда с целью сокрытия следов своих злодеяний гитлеровцы создали зондеркоманду «1005», производившую раскопки захоронений и сжигание трупов, на склонах Вулецкой горы были извлечены из ям останки расстрелянных польских ученых и обнаружены личные документы и вещи некоторых из них.

После кровавых расправ, совершенных на украинской земле, батальон «Нахтигаль» был расформирован, а Оберлендер по указанию главы гитлеровской военной разведки адмирала Канариса начал подготовку нового преступления. На этот раз им был сформирован из советских военнопленных кавказских национальностей батальон «Бергманн» («Горец»). Сам факт создания такого воинского подразделения являлся грубейшим нарушением норм международного права, касающихся обращения с военнопленными. Однако чудовищность преступления, руководителем и организатором которого был Оберлендер, заключалась не только в этом. В каких нечеловеческих условиях находились советские военнопленные и происходила их вербовка для батальона «Бергманн», рассказали те, кто оказался жертвой преступления, и те, кто был вовлечен в преступления.

Керар Алескеров, попав в плен, побывал во многих лагерях для военнопленных, находившихся в ведении вермахта. Он рассказал, что в лагерях с советскими военнопленными обращались чрезвычайно жестоко, кормили раз в сутки, пища состояла из гнилой картошки и отбросов овощей. В лагерях сви-

репствовали тиф и дизентерия, никакой медицинской помощи не оказывалось. В лагере под Тильзитом ежедневно умирали сотни людей, трупы валялись повсюду, их собирали, складывали на повозки, затем запрягали в них военнопленных, заставляли везти их к морю и сбрасывать трупы в воду.

В «Шталаг-8», где находился Алескеров, прибыла группа немецких офицеров и отобрала несколько десятков военнопленных-азербайджанцев, среди которых оказался и он. Используя безвыходное положение и нечеловеческие условия, в которых находились военнопленные, гитлеровцы путем угроз и насилия осуществили формирование батальона «Бергманн», командиром которого стал капитан Оберлендер, а его заместителем зондерфюрер барон фон Кученбах.

О преступлениях Оберлендера, возглавлявшего батальон «Бергманн», подробно рассказал бывший военнопленный Шалва Окропиридзе, один из приближенных Оберлендера, сам принимавший участие в вербовке военнопленных для батальона «Бергманн». Окропиридзе сообщил, что батальон был сформирован для диверсионных целей по распоряжению адмирала Канариса и приказ о назначении Оберлендера командиром батальона был издан также Канарисом.

Когда батальон закончил горнострелковую подготовку в Лютензее (Бавария), туда прибыли Канарис, генерал фон Кестринг, Шикеданц и Эрнст Цуайнкер. Они произвели смотр батальона, затем перед строем с речью выступил генерал фон Кестринг. На состоявшемся после этого обеде в казино офицерский состав батальона был представлен Канарису и другим.

Здесь же в Лютензее личный состав батальона привели к присяге на верность Гитлеру. Текст присяги огласил Оберлендер.

В мае 1942 года Оберлендер неожиданно организовал экскурсию офицерского состава батальона в Берлин. Как оказалось, это было сделано для того, чтобы произвести аресты группы бывших советских военнопленных. Оберлендер заявил тогда, что раскрыт заговор, цель которого — при первой возмож-

ности перейти на сторону Красной Армии, и что виновные арестованы. Многих советских военнопленных, насильно включенных в батальон «Бергманн», обвинили в «измене родине» и расстреляли, а часть заключили в концентрационные лагеря.

Когда батальон «Бергманн» оказался на временно оккупированной германскими войсками территории Северного Кавказа, ему были приданы два кавалерийских эскадрона, специально предназначенные для карательных действий. Злодеяния, учиненные здесь против мирного населения и военнопленных, отличались исключительной жестокостью. Здесь же Оберлендер продолжал отбор военнопленных в лагерях в Моздоке, Георгиевске, Прохладной, Нальчике. При этом по его указанию там намеренно создавались нечеловеческие условия с целью добиться от обезумевших от истязаний и голода людей согласия пойти на службу к гитлеровцам.

Оберлендер не брезговал и прямым грабежом. Из Крыма в мае — июне 1943 года он отправил к себе в Германию много различных ценностей — картин, ковров, антикварных вещей.

О преступлениях Оберлендера можно было бы рассказать во много раз больше. Но по-видимому, следует ограничиться тем, о чем рассказано, и лишь напомнить, что этот человек уже в ранге министра многие годы подвизался в правительстве Аденауэра.

Как следует это квалифицировать? Можно ли поверить в то, что в Бонне не были осведомлены о прошлом Оберлендера, о его преступлениях?

Понадобился судебный процесс против Оберлендера, проведенный заочно в Берлине Верховным судом Германской Демократической Республики. И только в результате этого процесса, когда с Оберлендера была сорвана маска выступившими в суде свидетелями, в том числе бывшими его сообщниками, он вынужден был подать в отставку с поста федерального министра. Но преступник остался безнаказанным. Прошло несколько лет, и Оберлендер вновь стал рваться к активной политической деятельности, сумел пробраться в один из ландтагов. И нельзя исключить того, что мы еще услышим имя старого нациста и военного преступника Оберлендера.

ПРЕСТУПНИК В МУНДИРЕ ГЕНШТАБИСТА

О преступлениях Адольфа Хойзингера написана не одна книга. Разоблачение его преступной деятельности относится к самому началу шестидесятых годов. Но с упорством и настойчивостью его оберегали на посту инспектора бундесвера, а затем на одном из руководящих постов в НАТО с местопребыванием в США. И лишь спустя несколько лет Хойзингер вышел в отставку с почетной пенсией, а не изгнан с позором или наказан как тяжкий военный преступник.

Какова же преступная биография Хойзингера? С 1937 года, в качестве первого офицера оперативного управления гитлеровского генерального штаба сухопутных войск, а затем с 1940 года в качестве начальника этого управления, Хойзингер активно участвовал в разработке всех основных агрессивных планов гитлеровской Германии.

Начиная с операции «Морской лев» по захвату гитлеровцами Великобритании, операции «Таннен-баум» по захвату нейтральной Швейцарии, операции «Атилла», намечавшей захват неоккупированной части Франции, кончая планом «Барбаросса» — планом нападения на Советский Союз — таков «послужной список» ярого приверженца нацистов гитлеровского генерала Хойзингера.

Но американские оккупационные власти нашли возможным освободить его от ответственности, несмотря на то что за совершенные преступления Хойзингер заслуживал самого сурового наказания.

Международный военный трибунал в Нюрнберге отметил в своем приговоре, что гитлеровские генералы «были ответственны в большой степени за несчастья и страдания, которые обрушились на миллионы мужчин, женщин и детей, они опозорили почетную профессию воина. Без их военного руководства агрессивные устремления Гитлера и его нацистских сообщников были бы отвлеченными и бесплодными».

Хойзингер во время второй мировой войны занимал руководящее положение в гитлеровском гене-

ральном штабе и подлежал ответственности как военный преступник.

24 декабря 1942 года Хойзингер разослал всем группам армий приказ Кейтеля о «борьбе с бандами партизан». Так гитлеровцы цинично называли советских и других патриотов, оказывавших сопротивление врагу.

Этот приказ гласил, что если к партизанам как на Востоке, так и на Балканах не будут применены самые жесточайшие меры, то в недалеком будущем немцам не хватит сил, чтобы справиться с этой чумой. Поэтому войска правомочны без всяких ограничений использовать в борьбе с ними любые средства, в том числе против женщин и детей, лишь бы это привело к успеху.

И мы хорошо знаем, что представляли собой «любые средства». Тысячи деревень и сел Белоруссии и Украины, западных областей России были сожжены дотла, многие жители, в том числе женщины, дети, старики, заживо сожжены или утоплены в колодцах, десятки тысяч женщин с детьми угнаны и заключены в концентрационные лагеря, а позднее дети оторваны от матерей и помещены в специальные лагеря, где грудные и малолетние были зверски уничтожены, а дети постарше использовались в качестве доноров для снабжения кровью госпиталей вермахта.

Какой характер носили действия гитлеровцев против мирных жителей, можно судить по операции «Котбус», проведенной в мае 1943 года на временно оккупированной территории Белоруссии.

Об этом беспристрастно свидетельствовал в своем отчете нацистский уполномоченный по хозяйственным вопросам Бёлт.

«Мне непонятно,— пишет Бёлт,— почему убивают и сжигают людей... В деревне Осиновка я был 25—26 мая. В этой деревне расквартировался штаб СД, часть населения была на работах, часть отсиживалась дома. Когда я пытался посетить эту деревню второй раз, 2 июня, я не нашел ее. На месте деревни лежала груда развалин и пепла. Деревня была полностью сожжена. ...Все мужчины, женщины и дети были расстреляны. В одном доме я нашел полуоб-

горевшие трупы... Таким же образом были уничтожены деревня Новоселки и другие. 26 мая в деревне Нибызино в сарае я нашел 6 обуглившихся трупов. Население тоже видит, что эти люди были сожжены заживо».

Кейтель, Иодль были повешены в Нюрнберге, а вот некоторые другие нацистские генералы, и в их числе Хойзингер, избежали заслуженной кары. Они были отнесены к категории «преступников за письменным столом».

Но Хойзингер не только готовил преступные агрессивные планы и рассылал преступные приказы, но и сам убивал.

В конце августа 1942 года группа партизан совершила нападение на станцию Славное и нанесла фашистам значительный урон в живой силе и технике. Немцы провели карательную операцию против жителей станции Славное. По приказу Хойзингера 100 человек, подозреваемых в участии или в содействии нападению, были расстреляны, а их дома сожжены.

Вот документы, изобличающие Хойзингера.

«Телеграмма
От командования
группы армий «Центр»
оперативному управлению
Генерального штаба
сухопутных войск

Совершенно секретно
30.8—1942 г.
1 экземпляр

На основании телеграммы оперативного управления Генерального штаба сухопутных войск № 11027/42 от 28.8—42 г., сов. секретно, сообщается:

Во исполнение приказа о проведении операции возмездия в связи с нападением на станцию Славное предусмотрено следующее: 100 сторонников партизан и членов их семей в районе Славное, подозреваемых в участии или в содействии нападению, будут расстреляны. Их дома будут сожжены. О принятых мерах будет передано по радио с комментариями. Проведение этих мер подготовлено.

Просьба дать разрешение.

Командование группы армий «Центр»,
оперативный отдел, № 6744/42»

Ответ Хойзингера:

«Телеграмма
В группу армий «Центр».
Основание: телеграмма группы армий «Центр», оперативный отдел, № 6744/42 от 30.8.

С намеченными мероприятиями согласен. О результатах доложить. Оперативное управление (1м) Генерального штаба сухопутных войск, № 11074/42, 31.8—42».

Как происходила эта расправа, рассказал очевидец Т. И. Рябцев:

— В августе или сентябре 1941 года на окраине местечка Крупки в урочище Либортово немцы расстреляли 100 мирных жителей. Дня за три-четыре до этого на станции Славное партизаны подорвали немецкий воинский эшелон и разрушили станцию. В день расстрела,— продолжал Т. И. Рябцев,— всех мужчин местечка Крупки и прилегающих населенных пунктов собрали в центре на площади и под охраной немецких жандармов привели в урочище Либортово. К этому времени там на чистом месте метрах в сорока от кладбища была выкопана большая яма. Метрах в пятидесяти от ямы в небольшом сосновом лесу стояли четыре грузовые автомашины, крытые брезентом. Было видно, что в машинах люди. Возле машин толпились вооруженные немцы. Перед согнанными жителями выступил немецкий военный комендант в чине майора. Он сказал, что сейчас будут расстреляны 100 партизан, уничтоживших в Славном немецкий воинский эшелон и разрушивших железнодорожную станцию, и угрожал при этом, что с каждым, кто будет помогать партизанам, поступят так же. Команду о расстреле дал военный комендант Крупок. Непосредственно в расстреле участвовала группа немцев. Одни брали обреченных из машин, раздевали до нижнего белья, подводили к яме и сталкивали в нее, а другие, стоявшие возле ямы с автоматами в руках, производили расстрел. Стреляли в упор. Всех граждан расстреляли на моих глазах. Я от места расстрела стоял метрах в двадцати пяти — тридцати и все видел. Мне хорошо запомнились отдельные эпизоды

расстрела, такие, как расстрел двух девушек, женщины с маленьким ребенком, пожилого мужчины. Девушки от автомашины до ямы шли обнявшись. Они были очень похожи друг на друга, видимо это были сестры. Подойдя к яме, девушки пытались что-то сказать, но не успели, потому что немцы столкнули их в яму и расстреляли. Женщина шла с ребенком на руках. Ей было лет двадцать пять — двадцать семь. Когда она подошла к яме, один немец вырвал из ее рук ребенка и бросил в яму. Увидев это, женщина с криком бросилась за ним и была застрелена вместе с ребенком. Пожилой мужчина пытался что-то сказать, но его сбросили в яму. Расстрел продолжался примерно в течение часа. После того как расправа была закончена, по приказанию немцев всех собранных к месту казни мужчин заставили подойти к яме и обойти вокруг нее. Затем им разрешили уйти.

Именно по указанию Хойзингера в 1942 году в Керчь были направлены из генштаба специалисты по применению химического оружия. Они осуществили чудовищное преступление: забросали гранатами и минами со смертельными отравляющими веществами входы в каменоломни и уничтожили находившихся там людей. Но как видно, всего этого оказалось недостаточно для боннского правосудия, чтобы военный преступник Хойзингер предстал перед судом.

«ЧЕЛОВЕК-ЗАГАДКА»

Когда в 1958 году в Западной Германии было учреждено специальное ведомство земельных управлений юстиции по расследованию нацистских преступлений с местопребыванием в Людвигсбурге, среди западногерманских юристов не нашлось никого, кроме Эрвина Эрнста Шюле, кто мог бы возглавить это ведомство. И прокурор Шюле с «рвением» выполнял свои обязанности.

Что касается расследования массовых злодеяний, совершенных нацистскими преступниками на временно оккупированной территории Советского Союза, то людвигсбургское ведомство под руководством

Шюле по мере возможности стремилось ограничиваться собственными источниками, не обращаясь за соответствующей правовой помощью к советским компетентным органам, имеющим в своем распоряжении огромные материалы, разоблачающие нацистские преступления и нацистских преступников. В результате в подавляющем большинстве случаев дела о нацистских преступниках, совершивших преступления на советской территории против советских людей, расследовались и рассматривались в то время без советских доказательственных материалов.

Даже человек, неискушенный в юриспруденции, может представить себе, какова цена объективности, полноте и всесторонности разбора дел о нацистских преступниках в такого рода условиях. Но видимо, кое-кого устраивало такое положение.

И вот произошел скандал в «благородном семействе». Шюле поехал в Варшаву по делам, относящимся к компетенции его ведомства. На аэродроме его интервьюировали корреспонденты. Один из них задал Шюле «коварный» вопрос: не был ли он членом нацистской партии? Шюле ответил отрицательно. А спустя некоторое время оказалось, что Шюле просто-напросто публично солгал. Нашлась собственноручно заполненная им анкета, в которой он указывал на свою принадлежность к нацистской партии. С разоблачениями выступила пресса, и Шюле вынужден был признать, что он старый нацист. Казалось бы, этого достаточно, чтобы незамедлительно освободить такого человека от занимаемого поста — поста, имеющего не только внутригерманское, но и международное значение.

Во время второй мировой войны Шюле был награжден «Железным крестом» I и II класса, крестом «За военные заслуги» I и II класса и «Восточной медалью». За какие же «подвиги» Шюле был удостоен этих наград? В составе 215-й пехотной дивизии на Восточном фронте он участвовал в 1941—1942 годах в многочисленных злодеяниях, учиненных частями этой дивизии против мирного населения нашей страны. Шюле был захвачен советскими войсками в плен и, как военный преступник, осужден советским судом, а затем выдворен из Советского

Союза и передан властям ФРГ. Но это не помешало ему занять пост руководителя людвигсбургского ведомства по расследованию нацистских преступлений!

Когда в советской прессе была опубликована эта скандальная, беспрецедентная история и помещена фотография Шюле, в маленьком городе Чудове Новгородской области нашлись люди, которые узнали его и вспомнили совершенные им злодеяния. Началось расследование, в ходе которого показаниями свидетелей было установлено, что Шюле — убийца. Он руководил казнью подростка Барковского, который будто бы похитил у гитлеровцев плитку шоколада. Тело повешенного мальчика несколько дней висело для устрашения. Шюле застрелил старого бухгалтера Калинина, увидев его с мешочком колосьев ржи, которые тот собрал с убранного поля...

Этого вполне достаточно, чтобы судить Шюле как преступника. Следственные материалы для этой цели были переданы советскими компетентными органами властям ФРГ. Там было начато дело против Шюле, а он тем временем продолжал оставаться на занимаемом посту.

Чем же в конце концов закончилась вся эта история?

Только в 1966 году Шюле оставил пост главы людвигсбургского ведомства. Его перевели на должность старшего прокурора в Штутгарте, то есть туда, где против него велось уголовное дело.

О СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ В КОБЛЕНЦЕ И НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ

В западногерманском городе Кобленце в 1962—1963 годах суд присяжных земли Рейнланд-Пфальц много месяцев рассматривал необычное уголовное дело. На скамье подсудимых — группа эсэсовцев, бывших ответственных служащих полиции безопасности и СД (службы безопасности) в Белоруссии, которым было предъявлено обвинение в совершении массовых убийств на временно оккупированной гитлеровцами территории Белоруссии.

В связи с этим судебным процессом западногерманский журнал «Шпигель» опубликовал статью

под многозначительным названием «В тени факелов», в которой автор писал, что кобленцские судьи должны провести не только самый большой, но и самый знаменательный процесс; почти всем обвиняемым инкриминируется служба в СС, которая находится в вопиющем противоречии с их сегодняшней гражданской деятельностью.

И действительно. Главный обвиняемый — бывший начальник отдела полиции безопасности и СД в Минске доктор Георг Хойзер, которому вменялось в вину уничтожение многих тысяч мирных жителей, сделал после войны блестящую карьеру и перед арестом занимал пост комиссара полиции земли Рейнланд-Пфальц. Другой подсудимый — Рудольф Шлегель, на счету которого даже по обвинению, предъявленному в Кобленце, несколько тысяч жертв, был преподавателем курсов торговых работников в Штутгарте.

Остальные — бывший оберштурмфюрер Вильгельм Кауль, старший таможенный инспектор в Мюнстере; бывший оберштурмфюрер Артур Вильке, учитель народной школы в Штедердорфе; бывший оберштурмфюрер Иоганнес Федер, комиссар полиции в Кёльне; эсэсовец Эбергард фон Толль, служащий Красного Креста в Бонне, и т. д.

Суд проходил более чем через семнадцать лет после окончания второй мировой войны. Как могло случиться, что вопрос об ответственности этих преступников был поставлен с таким опозданием? Почему в течение многих лет все они оставались безнаказанными?

В статье «В тени факелов» указывалось, что единственный из эсэсовцев, сидящих на скамье подсудимых, которому не удалось избежать денацификации,— это фон Толль, приговоренный в 1948 году к восьми месяцам заключения за принадлежность к СС и СД. Подсудимый Артур Хардер одним из комитетов по денацификации был занесен в списки «незначительно виновных». Остальные обвиняемые, как и Хойзер, являлись старыми нацистами и эсэсовцами, но были квалифицированы как «попутчики», совершавшие преступления по приказу, и не понесли никакого наказания.

Вот одна из причин, почему многие опасные нацистские преступники могли уйти от ответственности.

Как же проходил судебный процесс в Кобленце, какими доказательствами виновности подсудимых располагал суд?

В основном он ограничивался показаниями самих подсудимых и многочисленных свидетелей, преимущественно бывших служащих полиции безопасности и СД в Минске. Разумеется, те и другие, как и во многих подобных случаях, придерживались тактики безудержной лжи, столь свойственной нацистам. Понятно, что такие свидетели мало способствовали установлению истины и просто-напросто боялись, как бы самим не оказаться на скамье подсудимых.

Поощряла подобную тактику и атмосфера, в которой проходил процесс в Кобленце. Подсудимый фон Толль, участник массовых расстрелов в Слуцке, был освобожден из-под стражи судом, а находившийся на свободе подсудимый Хардер явился в суд в состоянии опьянения, и суд даже не смог его допросить.

Когда же Министерство иностранных дел СССР обратилось в ноябре 1962 года с нотой к правительству ФРГ по поводу вызова в суд в Кобленце советских свидетелей и передачи ему документальных доказательств, изобличающих обвиняемых, что способствовало бы полному раскрытию совершенных ими тяжких преступлений, оно ответило отказом. Западногерманские власти ответили отрицательно и на непосредственное обращение советских свидетелей и адвокатов в посольство ФРГ в Москве с просьбой о выдаче виз для поездки в Кобленц.

Между тем в распоряжении советских компетентных органов были обширные материалы, устанавливающие действительные размеры преступлений, совершенных подсудимыми.

Среди этих материалов имелось большое количество подлинных немецких трофейных документов (приказов, распоряжений, дневников и пр.), показания немецких военных преступников, захваченных в плен советскими войсками, акты комиссий по

установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, в том числе акты комиссий, которые действовали в годы войны в тылу немецких войск — в партизанских районах, показания свидетелей-очевидцев и жертв злодеяний, по воле случая оставшихся в живых, и т. п.

С помощью этих материалов было установлено, что главный обвиняемый на процессе в Кобленце Георг Хойзер, будучи одним из руководителей полиции безопасности и СД в Минске с 1941 по 1944 год, являлся организатором и непосредственным исполнителем многочисленных преступлений на временно оккупированной территории Белорусской ССР. Он виновен в массовом и систематическом истреблении мирных советских граждан. С первых дней оккупации при непосредственном участии Хойзера были созданы многочисленные лагеря смерти и гетто для еврейского населения, в которых различными способами умерщвлялись ни в чем не повинные люди. Всего за время преступной деятельности Хойзера в Белоруссии при его непосредственном участии, по его указанию, под его руководством, с его ведома только в Минске и его окрестностях было убито более 300 тысяч мирных советских граждан.

Немецкий военный преступник, бывший сотрудник полиции безопасности и СД в Минске, Эрнст Фридль, захваченный в плен советскими войсками, на следствии показал, что Хойзер являлся правой рукой начальника полиции безопасности и СД Штрауха. По словам Фридля, Хойзер сам убивал советских граждан и доставлявшихся в Минск граждан из стран Западной Европы. Однажды в июле 1942 года в присутствии Фридля Хойзер, руководя расстрелом группы из 40 человек, лично расстрелял 15 человек. О злодеяниях Хойзера сообщил также военный преступник Карл Бухнер. В частности, он показал, что Хойзер был одним из руководителей и участников погромов в минском гетто, во время которых почти все население гетто было уничтожено.

Военный преступник Франц Гесс, бывший унтершарфюрер зондеркоманды полиции безопасности и СД, рассказал на допросе, что в Минске под руководством Хойзера было уничтожено около 100 тысяч мирных граждан.

Таков далеко не полный перечень тягчайших преступлений, совершенных Хойзером за время его службы в полиции безопасности и СД в Минске, которые установлены и подтверждены многочисленными объективными доказательствами, имеющимися в распоряжении советских органов юстиции.

Не менее зловеща фигура другого подсудимого в Кобленце — Артура Вильке, одного из руководителей полиции безопасности и СД в Минске, который, как упоминалось, в послевоенные годы был учителем народной школы.

На Вильке лежит тяжкая вина за массовые убийства мирного белорусского населения под видом проведения борьбы с партизанами в 1942—1944 годах. Доказательства (многочисленные приказы, отчеты об операциях, личные дневники Вильке, показания свидетелей и др.) неопровержимо устанавливают, что Вильке систематически возглавлял специальные команды СД во время карательных операций против партизан в различных районах Белоруссии, лично принимал решения о поголовном уничтожении мирных жителей, включая женщин, детей, стариков, о сожжении деревень и сел, массовом угоне граждан на каторжный труд в Германию. Все эти преступления гитлеровцы маскировали терминами «спецобработка», «коллективные мероприятия», «переселение» и т. д.

В июне и сентябре 1942 года Вильке возглавлял специальные команды СД при осуществлении операции «Зумпффибер» («Болотная лихорадка») и операции в районе Узда — Копыль — Столбцы, во время которых было убито 9597 мирных жителей.

В январе 1943 года команда СД во главе с Вильке участвовала в карательной операции в Руденском районе Минской области. Сам Вильке в своем дневнике, захваченном советскими войсками, по поводу этой операции писал: «Вдруг впереди при приближении к деревне Русаковичи послышались пулеметные и автоматные очереди. Позже выяснилось, что мое предположение было правильным относительно того, что при приближении роты к деревне жители ее попытались убежать и рота открыла огонь. Несколько человек убито; батальон включает их в ко-

личество убитых врагов, однако ведь не доказано, что это были действительно партизаны. Я сказал майору (командиру батальона Дреге.— *Г. А.*), что до сих пор мы причисляли подобных лиц к числу подозреваемых в связи с партизанами. Он же причисляет их к числу уничтоженных. Его формулировка кажется мне непонятной, но имеет смысл. Этим самым он увеличивает количество партизан, павших в бою. К вечеру я убедился, что среди убитых не было ни одного настоящего партизана».

О характере действий команды СД во главе с Вильке во время операции в Руденском районе объективно свидетельствуют другие записи в дневнике Вильке.

Так 22 января он писал: «Отправление команды в 7.00 в Волосач (наименование деревни.— *Г. А.*), в 9.30 прибыли в Волосач. 15 мужчин, 41 женщина, 50 детей, всего 106 человек, спецобработано за подозрение в принадлежности к партизанам или как пособники партизан». В деревне Зазелье, как записал Вильке, «все жители согнаны вместе и спецобработаны». В записи от 25 января читаем: «Вместе с Айхе (сотрудник СД.— *Г. А.*) в Руткове нами все очищено и сожжено...»

Вильке в качестве командира команды СД участвовал во многих подобных операциях. 18 июня 1943 года он составил и лично подписал отчет о результатах действий возглавлявшейся им команды СД, принимавшей участие в карательной операции «Котбус». В этом отчете Вильке сообщал, что за время с 11 мая по 17 июня было расстреляно 3616 человек, захвачено 2812 мужчин, 450 женщин.

В сентябре — октябре 1943 года Вильке участвовал в карательной операции «Фриц». Телеграммой от 14 октября он доносил командиру полиции безопасности и СД: «Спецобработано 182 человека, сожжено 87 деревень, захвачено рабочей силы 6752 мужчины, 3264 женщины и 1708 детей».

Большой интерес представляют показания военного преступника Герфа Эбергардта, бывшего начальника охранной полиции в Белоруссии, а затем заместителя начальника главного штаба по борьбе

с партизанами, захваченного в плен советскими войсками. На допросе в 1946 году Герф показал:

— Во время карательной экспедиции против партизан деревни обычно сжигались, часть населения расстреливали, часть угоняли в Германию либо передавали в СД, где их уничтожали. Мне было известно, что при облавах хватали и расстреливали невиновных. В донесении в графу «Убитые враги» включались расстрелянные дети и женщины. Генеральный комиссар Белоруссии Кубе (убит в Минске советской партизанкой.— *Г. А.*) мне говорил, что в обращении с советским населением надлежит быть жестоким и, не размышляя, расстреливать.

В феврале 1943 года начальником полиции безопасности и СД Штраухом был издан приказ о проведении карательной операции «Хорнунг» южнее Слуцка. Активное участие в этой бандитской вылазке принимали Хойзер, Вильке, Шлегель и другие. Операции должна была предшествовать спецоперация в Слуцке, которая именовалась «Переселение проживающих там евреев». Приказ Штрауха точно предусматривал, какие именно сотрудники СД и в каком порядке принимают участие в расстрелах. Многие из подсудимых в Кобленце упоминаются в этом приказе. Среди них Кауль, Мербах, Шлегель, Фридрих, Освальд и фон Толль, которого, как известно, суд в Кобленце нашел возможным освободить из-под стражи еще в ходе судебного разбирательства и таким образом в какой-то мере предопределил свое отношение к этому преступнику.

О страшных злодеяниях, которыми сопровождалось уничтожение гетто в Слуцке, рассказали случайно оставшиеся в живых свидетели-очевидцы Берта Генделевич, Владимир Тераевич, Семен Онгейберг. Об этом упоминал и Вильке в своем дневнике: «Воскресенье 7.II—1943 г. 11.30 — выезд всей команды на 24 автомашинах в Слуцк». «Понедельник 8.II—1943 г. 4.45 — выступление к месту операции, 5.00 — начало операции в гетто. Начало очень хорошее. На улицу вытащено 1300 евреев (должно быть 3100). После обеда Карл (слуцкий гебитскомиссар.— *Г. А.*) решает поджечь постройки (из убежищ выскакивают 300—400 евреев)... В гетто прибывают

бригаденфюрер фон Готтберг и Хартманн. 20.00 — уходим. Спал, как убитый».

Эти лаконичные и невероятные по своему цинизму записи в дневнике Вильке достаточно красноречивы.

Здесь мы привели доказательства виновности лишь некоторых подсудимых на процессе в Кобленце. Но из сказанного ясно, что процесс в Кобленце не был объективным судом, задачей которого должно было быть всестороннее и исчерпывающее установление вины каждого подсудимого. И это подтверждается тем, что многие из подсудимых были приговорены к чрезмерно мягким мерам наказания.

Но, говоря о судебном процессе в Кобленце, нельзя не рассказать еще об одном эпизоде. На суде выступил в качестве свидетеля бывший руководитель финансового отдела так называемого рейхскомиссариата «Остланд» в Риге некий Карл Фридрих Виалон. Как и другие, он лгал, и прокуратура в Кобленце была вынуждена возбудить против него уголовное преследование за нарушение присяги, а иными словами, за клятвопреступление. Он скрыл свою причастность к преступлениям против еврейского населения, загнанного гитлеровцами в гетто.

Кто же такой Карл Фридрих Виалон? Доктор юридических наук, после окончания войны некоторое время оставался «в тени факелов», а в 1958 году стал министериальдиректором в ведомстве федерального канцлера. С 1962 года он статс-секретарь западногерманского министерства по вопросам экономической помощи слаборазвитым странам. Достаточно колоритная фигура. Однако даже клеймо клятвопреступника не помешало ему оставаться еще несколько лет на посту статс-секретаря. Но его настоящее место на скамье подсудимых вместе с Хойзером, Вильке и другими, а может быть, и на особой, индивидуальной скамье.

Не кто иной, как Виалон, в качестве руководителя финансового отдела и ближайшего сотрудника зловещей памяти Генриха Лозе, рейхскомиссара «Остланда» и палача, издал 27 августа 1942 года секретное распоряжение «Относительно администрации еврейских гетто». Генеральным комиссарам в

Риге, Каунасе и Минске этим распоряжением предписывалось точно подсчитывать все золотые и серебряные вещи и пересылать в его распоряжение через имперскую кредитную кассу в Риге.

Некоторые читатели, может быть, не осведомлены, откуда поступали эти золотые и серебряные вещи? Нацисты отбирали их у мирных жителей, вырывали у своих жертв перед расстрелом серьги из ушей, золотые зубы и коронки, снимали кольца, часы. Но распоряжение Виалона не ограничивалось ценностями, оно требовало в качестве имущества рассматривать и людей.

О масштабах преступной деятельности Виалона рассказал узник рижского гетто Герцфельд.

Летом 1943 года он и еще один заключенный были доставлены в помещение кредитного банка в Риге. Здесь их встретили два немца из финансового отдела. Фамилия одного из них Герст. Он был со своим секретарем Шарлоттой Вебер. Герцфельду и его товарищу поручили сортировать ценности, хранившиеся в сейфах банка в подвале и изъятые у людей, погибших от рук гитлеровцев. Три месяца занимались они сортировкой имущества по наименованиям — кольца, золотые часы, серьги, портсигары, деньги в монетах, серебряные вещи. Все это было упаковано в стандартные опломбированные ящики. В некоторых ящиках находились сопроводительные документы СС. Всего было отсортировано 100 ящиков весом примерно по 100 килограммов каждый, которые отправили в рейхсбанк в Берлин.

Виалон не мог не знать и не понимать, что означают эти действия, тем более что он сам был юристом.

В 1963 году на процессе в Кобленце, как уже отмечалось раньше, суд вынес решение о привлечении Карла Виалона к уголовной ответственности лишь за клятвопреступление.

Перед нами номер западногерманской газеты «Франкфуртер рундшау» от 14 ноября 1970 года. Из нее узнаем, что в середине января 1971 года состоится судебный процесс над Виалоном по тому же обвинению. Понадобилось больше семи лет, чтобы этот процесс начался. И вот через полгода в западногер-

манской прессе появилось сообщение, что суд оправдал Виалона. Спрашивается, для чего понадобился этот многолетний фарс? Не для того ли, чтобы под покровом времени затушевать действительные преступления Виалона?

В 1970 году на судебном процессе в Западном Берлине по делу бывших гестаповцев в качестве свидетеля выступил тот, кого в 1963 году мы видели на скамье подсудимых,— бывший старший криминальный советник и начальник криминальной полиции земли Рейнланд-Пфальц Георг Хойзер. Несмотря на то, что Хойзер был приговорен к длительному тюремному заключению, он оказался на свободе и давал показания в защиту своих единомышленников. Но на этом же процессе выступил еще один «свидетель» — бывший водитель газовой машины Бурмайстер, осужденный в 1963 году в Бонне к 13 годам тюремного заключения за пособничество в убийствах, но уже в 1969 году освобожденный досрочно... «с испытательным сроком». И такие факты не единичны.

До сих пор рассматривается федеральным судом в Карлсруэ дело Крюгера, бывшего начальника гестапо в городе Станиславе, осужденного в ФРГ несколько лет тому назад за массовые убийства мирных жителей, причем суду в городе Мюнстере, где судили Крюгера, советскими органами прокуратуры были представлены неопровержимые доказательства виновности Крюгера — подлинные, за его подписью, приказы о расстрелах ни в чем не повинных людей.

Западногерманским органам юстиции советской стороной передаются многочисленные следственные и документальные материалы, разоблачающие отдельных нацистских преступников. Однако эти материалы не всегда используются западногерманскими судами в должной мере.

* *
*

Расскажу еще о некоторых, на мой взгляд, характерных фактах, имеющих место в западногерманской судебной практике.

В 1942—1943 годах на оккупированных советских территориях (на Кубани, в Ростовской области,

позже в Белоруссии) орудовала эсэсовская зондеркоманда СС 10а, входившая в состав эйнзатцгруппы «Д». Возглавлял эту группу уже упоминавшийся эсэсовец Отто Олендорф, повешенный по приговору американского трибунала. Начальником зондеркоманды СС 10а был юрист по образованию и палач по профессии Курт Кристман. Именно эта команда одной из первых использовала с целью массового уничтожения людей автомашины-душегубки, так называемые «газваген». О злодейских убийствах, совершенных этой командой, говорят многочисленные документы и свидетели, в том числе пособники Кристмана, осужденные советским судом. Советский писатель Лев Гинзбург по материалам судебного процесса над соучастниками Кристмана (этот процесс проходил в 1963 году в городе Краснодаре) написал документальную повесть «Бездна». Она переведена в ряде стран, в том числе в ФРГ, и в ней правдиво рассказывается о преступных делах зондеркоманды СС 10а.

Вот конкретные факты.

В августе 1942 года врачом зондеркоманды Гёрцем было уничтожено 300 больных Краснодарской психиатрической больницы. В сентябре того же года в машинах-душегубках уничтожено 42 больных ребенка, находившихся в детской больнице в станице Усть-Лабинской, и 320 больных Березанской психиатрической больницы. В октябре 1942 года уничтожено в душегубках 214 детей из детского дома в городе Ейске. В этом злодеянии участвовал другой подручный Кристмана — Тримборн.

При отступлении гитлеровских войск по распоряжению Кристмана было заживо сожжено около 300 арестованных советских граждан, содержавшихся в здании зондеркоманды в городе Краснодаре.

На пути отступления, уже на территории Белоруссии, летом 1943 года зондеркомандой были брошены живыми в колодцы 150 жителей деревни Костюковичи, в их числе дети, женщины, старики, а деревня сожжена дотла.

Сейчас в этих местах воздвигнуты памятники жертвам фашизма в период второй мировой войны.

Советские судебные органы начиная с 1964 года

передали западногерманским органам юстиции многочисленные материалы для привлечения к ответственности виновных в этих злодеяниях.

Идет 1970 год. В городе Мюнхене живет некий Курт Кристман, владелец солидной маклерской конторы. Говорят, очень богатый человек. Оказывается, это тот самый Кристман, который руководил зондеркомандой СС 10а. Его контора находится по соседству со зданием, где размещается прокуратура при земельном суде Мюнхен-1. Именно здесь ведется дело Кристмана и других. А Кристман тем временем преспокойно занимается своей маклерской деятельностью. Прокуроры земельного суда Мюнхен-1 считают, что против Кристмана мало доказательств, и опасаются, что «дело провалится» в суде. Писатель Л. Гинзбург видел Кристмана и говорил с ним в его конторе. Как и следовало ожидать, он все отрицает: сам в убийствах не участвовал, о действиях своих подчиненных будто бы ничего не знал. На основании его заявления мюнхенские прокуроры поставили под сомнение убедительность доказательств виновности Кристмана, представленных советскими органами юстиции. Оказывается, недостаточно, что зондеркоманда, возглавляемая Кристманом, на всем ее многомесячном пути по землям Северного Кавказа и Кубани уничтожила тысячи мирных жителей — детей, женщин, стариков.

Но вот наконец начат судебный процесс против Гёрца, Тримборна и других преступников из зондеркоманды СС 10а. Однако Кристман снова в стороне. И лишь после того, как на месте преступлений побывал один из представителей прокуратуры при земельном суде Мюнхен-1 и сам услышал рассказы очевидцев преступлений Кристмана, дело о нем, кажется, сдвинулось с мертвой точки. Но для этого понадобилось больше шести лет.

Земельный суд в Бохуме в соответствии с предложением прокурора оправдал 10 бывших военнослужащих 316-го полицейского батальона. Это решение мотивировалось недостаточностью доказательств и крайней необходимостью исполнения подсудимыми приказа. Они являлись не «прямыми преступниками» (эксцесстетер), а «лишь колесиками в ма-

шине массовых убийств». С помощью таких уловок создаются предпосылки для освобождения от ответственности так называемых убийц по приказу (befehlstetter).

В деле бывших военнослужащих 316-го полицейского батальона фигурировали два бывших командира роты этого батальона — Герман Крайкер (он до сих пор продолжает полицейскую службу и является полицейобермейстером в Ваттеншейде) и Отто Петерсен, служащий в Бремене.

Вот что рассказал об их преступлениях бывший заместитель командира 316-го полицейского батальона Генрих Зур.

— В город Белосток мы приехали 10 июля 1941 года. До 13—14 июля мы вели работу по подготовке к расстрелу, а именно уточняли сведения на всех подлежащих расстрелу, в первую очередь на мирное гражданское население еврейской национальности. Затем, точно день не помню, 14 или 15 июля 1941 года силами всего нашего батальона на центральную городскую площадь было согнано свыше 2000 человек... На следующее утро все 2000 арестованных были вывезены за город, а оттуда партиями по 30—40 человек их отводили от шоссе метров на пятьдесят — сто в глубь леса и там возле больших ям, заранее подготовленных, убивали выстрелами в затылок.

На вопрос, кто непосредственно участвовал в расстреле, Зур ответил:

— В расстреле участвовал весь батальон в составе трех рот.

Несмотря на все эти факты Крайкер и Петерсен, а также командир батальона майор Вальдорф освобождены от ответственности.

Нельзя не вспомнить о деле бывшего начальника полиции безопасности и СД в латвийском городе Даугавпилсе Гюнтера Табберта.

Несколько лет тянулось это дело. До его расследования Табберт занимал пост комиссара полиции в Дюссельдорфе.

Табберт обвинялся в том, что, будучи начальником полиции в Даугавпилсе, организовывал массовые расстрелы населения, загнанного в гетто, и ру-

ководил ими. Дело это вел советник земельного суда в Дортмунде Кирбах. Были собраны многочисленные документальные доказательства виновности Таббер-та, его опознали и разоблачили свидетели — очевидцы совершенных им злодеяний, в их числе жители Даугавпилса.

В течение всего периода со дня возбуждения дела Табберт был оставлен на свободе под крупный денежный залог.

Наконец в 1969 году начался судебный процесс, который продолжался несколько месяцев. В суде дали показания 99 свидетелей. Казалось бы, суровая кара настигнет преступника. Прокурор на суде поддержал выдвинутые против Табберта обвинения, но потребовал для него несоразмерно мягкого наказания — пять лет тюремного заключения.

Но суд в Дортмунде пошел еще дальше. Он вынес Табберту... оправдательный приговор, признав его «непричастным» к преступлениям в Даугавпилсе.

Председатель суда Мюллер заявил, что обвинения Табберта основываются на «неправдоподобных показаниях свидетелей-евреев», в которых будто бы обнаружены некоторые неточности и противоречия. Этот явно расистский выпад, воскрешающий мрачные времена нацистского режима,— свидетельство необъективности и пристрастности судьи.

Кто же мог дать правдивые показания по этому ужасному делу об истреблении многих тысяч людей в Даугавпилсе, как не жертвы Табберта и других нацистских преступников, чудом оставшиеся в живых?

С июля 1941 года по июль 1942 года Табберт лично руководил акциями по уничтожению мирного населения, сам расстреливал несчастных. За это время было уничтожено несколько тысяч человек — женщин, детей, стариков. В середине июля 1941 года в железнодорожном саду в Даугавпилсе по приказу Табберта было расстреляно 1300 человек, содержавшихся в городской тюрьме. В августе того же года за тюремной оградой по распоряжению Табберта были жестоко избиты, а затем расстреляны около 300 человек. В декабре 1941 года с целью разгрузки тюрьмы в городе Резекне Табберт отобрал около

70 заключенных и приказал их расстрелять. В начале 1942 года по списку, составленному Таббертом, в тюрьме города Лудза было расстреляно 50 человек. Таковы факты! Перечень преступлений Табберта можно было бы продолжать. Но и то, о чем рассказано, свидетельствует о масштабах его преступлений. И все они установлены показаниями свидетелей-очевидцев и документами. В числе неопровержимых доказательств, переданных суду в Дортмунде, подписанное Таббертом сообщение окружному комиссару от 11 ноября 1941 года об уничтожении 9 ноября в Даугавпилсе 1134 человек. В распоряжении судебных властей Дортмунда была особая карта, приложенная к отчету эсэсовской оперативной группы «А» по состоянию на 15 октября 1941 года. Из этой карты видно, что к этому времени в Даугавпилсе было уничтожено 9845 человек!

Отвергая требование прокурора о признании Табберта виновным, суд согласился с версией подсудимого и его защиты, будто бы в момент массовых расстрелов в Даугавпилсе Табберт находился в госпитале. И это подтвердила бывшая медицинская сестра этого госпиталя, ныне проживающая в ФРГ. Для западногерманских судей показания одной свидетельницы-арийки оказались более вескими, чем все свидетельства очевидцев преступлений. Так цинично и грубо сработало правосудие в Дортмунде в своем стремлении выгородить нацистского преступника Табберта.

Известно, что на проводимых время от времени в ФРГ под воздействием общественности и прогрессивных сил судебных процессах по делам нацистских преступников нередко свидетелями защиты выступают бывшие эсэсовцы и другие нацисты, стремящиеся из страха за свою шкуру любыми средствами обелить подсудимых. Немало случаев, когда обвиняемые представляли в свое оправдание фиктивные солдатские книжки и другие документы в подтверждение своего алиби — будто бы их не было на месте преступления в момент его совершения. С помощью этих махинаций подсудимые и их защита сравнительно легко добивались у некоторых «излишне доверчивых» западногерманских судей вынесения

оправдательных приговоров гитлеровским преступникам или прекращения дел против них. Так обстояло дело и с Таббертом.

Правосудие в Дортмунде не свершилось. Но оно должно свершиться, преступник должен быть наказан.

Избежал возмездия и палач французского города Орадур-сюр-Глан эсэсовский генерал Ламмердинг, приговоренный французским судом к смертной казни. Западногерманские власти отказались выдать его Франции, но не судили его и в Западной Германии. А в начале 1971 года в печати появилось сообщение о смерти Ламмердинга.

Только недавно завершился в Западной Германии судебный процесс по делу бывшего коменданта лагерей смерти Треблинка и Собибор Франца Штангля.

Как это ни покажется странным, в течение ряда лет никого в Западной Германии не заинтересовало, что немецкий коммерсант, представитель фирмы «Фольксваген» в Бразилии Штангль и нацистский преступник Штангль — одно и то же лицо. В министерстве иностранных дел ФРГ ему выдавали заграничные паспорта, он заполнял анкеты и тем не менее, как и многие другие, оставался «неопознанным».

Нельзя, хотя бы кратко, не упомянуть о некоторых других нацистских военных преступниках, оставшихся безнаказанными, таких, как бывший генерал бундесвера Молинари, епископ Дефрегер, бывший майор СС и один из личных адьютантов Гиммлера Пейпер, Мюллер-Рошах, до недавнего времени занимавший пост посла ФРГ в Португалии.

И всякий раз, как только становится явным прошлое таких нацистских преступников, оно приобретает сенсационный и скандальный характер, настолько разительны факты.

Но рекорд в этом смысле побило сообщение агентства АДН в январе 1971 года о том, что небезызвестный военный преступник Отто Скорцени «отдыхал» в Гамбурге. Каким образом оказался Скорцени в Гамбурге, почему он здесь «отдыхал», а не подвергнут аресту, остается пока неизвестным. Но известно то, что Скорцени, бывший оберштурмфю-

рер СС, личный телохранитель Гитлера, проживающий постоянно в Мадриде, организующий и финансирующий фашистские эмигрантские круги, обосновавшиеся в различных капиталистических странах, является нацистским военным преступником, виновным в гибели многих тысяч людей.

Поистине неисповедимы судьбы многих нацистских преступников в Западной Германии! Разве можно удивляться тому, что несколько лет назад некое официальное ведомство выступило в роли их покровителя. Именно в этом ведомстве был составлен список нацистских преступников, осужденных французскими судами, и список этот передан западногерманскому Красному Кресту для... ограждения преступников от ареста в случае их поездки во Францию.

Неблаговидную миссию взял на себя западногерманский Красный Крест. Именно в западногерманском Красном Кресте подвизался еще один нацистский преступник Бишоф.

В разгар второй мировой войны в известковых штольнях, расположенных на семидесятиметровой глубине в горе Конштайн вблизи немецкого города Нордхаузена, было начато строительство подземного завода по производству «секретного оружия», разрекламированного нацистской пропагандой. Для этой цели был создан специальный концентрационный лагерь под названием «Дора». Здесь работало одновременно по 15 тысяч узников. Предприятие подчинялось нацистскому министерству вооружения, которое возглавлял военный преступник Шпеер, осужденный по приговору Международного трибунала в Нюрнберге. Самый факт использования узников лагеря, состоявших преимущественно из военнопленных, на строительстве военного завода и производстве оружия являлся грубым нарушением норм международного права и военным преступлением. Оставшиеся в живых узники лагеря «Дора» рассказали о нечеловеческих условиях существования в лагере, о чудовищных преступлениях нацистов.

Стояла холодная осень, люди гибли от непосильного труда и голода. Большинство узников находилось под землей, для жилья использовались три штольни. Тысячи полуобнаженных людей спали на

каменном грунте, лишенные естественного света, воды, канализации. Нечеловеческие условия, отравление воздуха газами в результате взрывных работ приводили к массовой смертности. Для уборки трупов были созданы специальные «тотенкоманды» («команды смерти»). Место погибших занимали узники, прибывающие из других лагерей. Таким путем в подземелье сохранялся баланс рабочей силы. Это был своеобразный конвейер смерти. В лагере были обычным явлением массовые казни и пытки заключенных. В одной из штолен находился подъемный кран. К стреле крана были прикреплены две балки, на которых находилось по 30 веревок с петлями. Жертвам накидывали петлю на шею, палач включал подъемный механизм и одновременно вздергивал 60 человек.

Вот за эти преступления были привлечены к ответственности в Эссене три эсэсовца: Хельмут Бишоф, бывший оберштурмбанфюрер, уполномоченный абвера в лагере «Дора»; Эрнст Зандер, бывший обершарфюрер СС, служивший в филиале гестапо в Нордхаузене; Эрвин Буста, бывший охранник в лагере «Дора». О преступлениях этих эсэсовцев было известно властям еще в 1963 году, но их под разными предлогами освобождали от ответственности. А ведь преступники виновны, как написано в обвинительном заключении, утвержденном старшим прокурором Киппером, в многочисленных убийствах узников. И вот оказывается, что не кто иной, как Бишоф, до последнего времени работал... в бюро розыска в западногерманском Красном Кресте. Преступник разыскивал свои жертвы!

В 1970 году суд вынес приговор по этому делу. Преступники отделались незначительным наказанием, а Бишоф вследствие «болезненного состояния» вообще не был подвергнут наказанию.

ИСКОРЕНИТЬ И ПРЕСЕЧЬ ЗЛО

Может возникнуть вопрос, почему до сих пор тревожат людей судьбы тех, кто вершил преступления в годы второй мировой войны? Ведь прошло много

лет. Почему же с такой озабоченностью и взволнованностью читаются сейчас газетные сообщения, статьи, книги, в которых рассказывается о судьбах преступников? Так страшны и чудовищны преступления, о которых идет речь, что люди, испытавшие их, видевшие их, не могут о них забыть, не могут простить. Воспоминания об этих преступлениях сохранятся в истории, в памяти человеческой и тогда, когда в живых не останется ни одного преступника.

В приговоре Международного военного трибунала в Нюрнберге записано: «Остается истиной, что военные преступления совершались в таком широком масштабе, которого не знала история войн. Они совершались во всех странах, оккупированных Германией, и в открытых морях и сопровождались жестокостью и террором в масштабах, которые трудно себе представить».

Вот почему имена преступников не забыты.

Зло должно быть наказано и навсегда пресечено. Слишком велики и невозместимы последствия преступлений.

Но есть еще люди, не желающие этого понять, и среди них те, кто занимает подобную позицию по политическим мотивам, следуя в фарватере милитаризма и реваншизма, по пути оправдания «преступлений нации».

Мы прекрасно понимаем, что немецкий народ не отвечает за преступления нацистов. «Преступление нации» придумано адвокатами нацистских главарей для оправдания своих собственных преступлений. Но такая, с позволения сказать, концепция потерпела провал в Нюрнберге.

Нужно напомнить тем, кто не хотел бы этого помнить, что в международном праве есть ряд авторитетных норм, четко определяющих ответственность нацистских преступников, и обязательства, которые в связи с этим возложены на государства.

В Декларации трех союзных держав в октябре 1943 года об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства сказано:

«Пусть те, кто еще не обагрил своих рук невинной кровью, учтут это, чтобы не оказаться в числе виновных, ибо три союзных державы наверняка най-

дут их даже на краю света и передадут их в руки их обвинителей с тем, чтобы смогло совершиться правосудие».

Берлинская конференция, состоявшаяся в июле 1945 года в Цецилиенхофе вблизи Потсдама, установила, что «военные преступники и те, кто участвовал в планировании или осуществлении нацистских мероприятий, влекущих за собой или имеющих своим результатом зверства или военные преступления, должны быть арестованы и преданы суду».

Ялтинским и Потсдамским соглашениями трех союзных держав, законом № 10 Контрольного совета для Германии, Уставом Международного военного трибунала были определены общеобязательные принципы ответственности нацистских преступников за совершенные преступления. Эти принципы были подтверждены резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН от 13 февраля 1946 года и 11 декабря 1946 года и, таким образом, являются нормами международного права, имеющими универсальный характер, не ограниченными во времени и регулирующими все вопросы, связанные с ответственностью нацистских преступников.

Международный военный трибунал в Нюрнберге указал в приговоре: «Устав не является произвольным осуществлением власти со стороны победивших народов... он является выражением международного права, которое уже существовало ко времени его создания, и в этом смысле сам является вкладом в международное право».

Приведенные нормы международного права обязательны и для ФРГ.

Советское правительство в заявлении, опубликованном 24 декабря 1964 года, указало, что на Федеративной Республике Германии, как одной из правопреемниц бывшего германского рейха, лежит обязательство подвергнуть наказанию каждого военного преступника. От этого обязательства никто и ничто не может освободить. Гитлеровские преступники, ввергнувшие мир в катастрофу второй мировой войны, должны понести заслуженное наказание, где бы они и как бы долго ни укрывались от правосудия.

Более чем за двадцатилетний срок в ФРГ было произведено 77 004 расследования по делам нацистских военных преступников. В отношении 51 877 лиц судами вынесены оправдательные приговоры или дела прекращены. Осуждены за все это время 6192 нацистских преступника, то есть немногим более 10 процентов, причем из них лишь 90 лиц приговорены к пожизненному заключению, остальные отделались более мягкими наказаниями, а многие с учетом предварительного заключения тут же в зале суда были освобождены. При этом нужно иметь в виду, что речь идет о таких преступлениях, как массовые убийства и убийства из низменных побуждений, ибо все иные преступления гитлеровцев против человечества (пытки, избиения, издевательства, доведение до смерти голодом и нечеловеческими лишениями) по действующему уголовному законодательству Бонна не подлежат преследованию за давностью.

Попытка западногерманских властей применить в 1965 году срок давности обосновывалась тем, что к этому времени будто бы истекал действующий в ФРГ двадцатилетний срок давности, если исчислять его с момента поражения и капитуляции гитлеровской Германии.

Национальные собрания и парламенты многих государств выразили решительный протест против неправомерных действий боннских властей и приняли специальные законы о неприменении срока давности к нацистским преступникам. Такие законы были приняты Советским Союзом, Французской Республикой, Бельгией, Польской Народной Республикой, Германской Демократической Республикой и многими другими.

Закон о неприменении срока давности, принятый Французским Национальным собранием и сенатом, предусматривает, что к преступлениям против человечности, в том смысле как они определены резолюцией Организации Объединенных Наций от 13 февраля 1946 года, учитывая определение преступлений против человечества, данное в Уставе Международного трибунала от 8 августа 1945 года, в силу их характера — давность уголовного преступления применению не подлежит.

В Заявлении Советского правительства от 26 апреля 1965 года указывалось, что попытки отвести от гитлеровских преступников руку правосудия лишены каких-либо политических, юридических или моральных оснований и находятся в грубом противоречии с общепризнанными нормами международного права и обязательствами, вытекающими из Потсдамских и других союзнических соглашений по Германии.

Под воздействием сил международной общественности и активных демаршей многих государств западногерманский бундестаг вынужден был пересмотреть действующий закон о сроке давности. В результате был принят половинчатый закон не о неприменении, а лишь о продлении срока давности еще на пять лет и исчислении его с декабря 1949 года.

Но этот вынужденный шаг был полумерой, поскольку вопрос о возможности применения сроков давности к нацистским преступлениям не получил принципиального разрешения на основе требования Потсдамских соглашений и принципов Устава и приговора Международного военного трибунала в Нюрнберге.

Решительное и публичное разоблачение и судебное преследование нацистских преступников — серьезная мера борьбы с опасностью, которую несет современный милитаризм и неофашизм, одно из средств борьбы за мир и европейскую безопасность. На Нюрнбергском процессе обвинители подчеркивали, что философия германских милитаристов настолько извращена, что они рассматривают проигранную войну как блестящую возможность для того, чтобы вновь начать тот же самый ужасный цикл. Предпринимая одну агрессию за другой, нанизывая одно чудовищное преступление на другое, гитлеровцы надеялись на безнаказанность, на то, что еще долго международное право будет отставать от моральных устоев человечества, что правовые нормы окажутся бессильными справиться с преступлениями такого масштаба. Грозным ответом и предупреждением для сил агрессии явился приговор Международного военного трибунала в Нюрнберге.

Вопрос о возможности применения в конце 1969 года срока давности к нацистским преступле-

ниям в течение всего этого времени не сходил с повестки дня международной и внутригерманской жизни. Особенно рьяно положения о сроках давности, действующих в западногерманском уголовном законодательстве, отстаивали правые деятели партии ХДС/ХСС, такие, например, как Йозеф Штраус, и лидеры неонацистской национал-демократической партии. Они требовали «забыть прошлое», отказаться от «национального самоотречения», «подвести черту под прошлым», покончить с преследованием нацистских преступников.

Бывший федеральный канцлер Кизингер и его единомышленники заняли в данном вопросе позицию так называемого «дифференцированного подхода». Но и в кабинете Кизингера раздавались трезвые голоса, считавшие, что ни о каких сроках давности, ни о каком предпочтении «милосердия перед правосудием» для нацистских убийц не может быть и речи.

Дискуссии по этому вопросу продолжались. Тем временем судебная практика и правовая теория в Бонне продолжали идти по прежнему пути.

Как выше уже отмечалось, в западногерманской судебной практике приобрели узаконенный характер понятия «эксцесстетер» (непосредственный исполнитель) и «бефельстетер» (лицо, совершившее убийства в силу приказа). Именно с помощью этого маневра многие нацистские убийцы квалифицируются как «бефельстетер», у которых не было, дескать, иного выбора, или которые воспринимали преступный приказ как законную акцию.

В связи с этим сошлемся на один исторический пример из прошлого Германии, который привел известный западногерманский публицист Себастиан Хаффнер в своей книге «Великое предательство».

11 января 1919 года, когда шел бой за здание, в котором размещалась редакция газеты «Форвертс», занятое спартаковцами, реакционное командование по приказу Носке расстреляло парламентеров. Здание редакции было взято штурмом, а 300 его защитников захвачены в плен. Командир правительственных войск майор фон Стефани позвонил в имперскую канцелярию, чтобы выяснить, как быть с

пленными. Ответ гласил: «Всех расстрелять». Стефани отказался выполнить приказ. Как пишет Хаффнер, Стефани был офицером старой школы.

Мы привели этот факт, чтобы показать, что право морального выбора всегда принадлежит тому, перед кем возникает необходимость такого выбора. А сам выбор зависит от нравственных и моральных качеств человека. И разве возможно, при любых условиях, оправдать убийцу, с холодным расчетом расстреливающего беззащитных стариков, женщин и детей из-за того будто бы, что у него не было другого выбора?

Появившиеся в западногерманском юридическом обиходе применительно к нацистским преступникам специальные термины — «конфликт совести», «крайняя необходимость», «ошибка в запрете» и т. п.— служат одной цели — освободить нацистских преступников от ответственности.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНВЕНЦИЯ О НЕПРИМЕНИМОСТИ СРОКА ДАВНОСТИ К ВОЕННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ И ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В уголовном законодательстве каждой страны предусмотрены сроки давности для привлечения к судебной ответственности виновных в совершении преступлений. Если с момента совершения преступления прошел установленный в законе срок давности и виновный не был привлечен к законной ответственности, он на этом основании освобождается от наказания. Представляет первостепенный интерес вопрос о допустимости применения общеуголовных сроков давности к нацистским военным преступникам.

Необходимо сказать об отношении к этому вопросу Организации Объединенных Наций. Комиссия по правам человека, Экономический и Социальный совет ООН неоднократно по инициативе социалистических стран Европы обсуждали вопрос о сроке дав-

ности в отношении военных преступлений и преступлений против человечества. 3-й и 6-й комитеты ООН подготовили для рассмотрения Генеральной Ассамблеей проект Международной конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества.

И вот 26 ноября 1968 года Генеральная Ассамблея ООН приняла Международную конвенцию о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества. Принятие конвенции — акта высокой гуманности — было воспринято с удовлетворением международной общественностью, всеми прогрессивными силами, борющимися за мир и безопасность народов. Конвенция сыграла важную роль в дальнейшем развитии международного права. Принятые ею решения основываются на принципах Устава и приговора Нюрнбергского трибунала, подтвержденных резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН.

В преамбуле принятой конвенции указывается, что ни в одной торжественной декларации, акте или конвенции, касающихся судебного преследования или наказания за военные преступления и преступления против человечества, не предусматривается ограничение во времени. Военные преступления и преступления против человечества, как отмечается в конвенции, относятся к самым тяжким преступлениям по международному праву. Эффективное наказание за эти преступления явится важным фактором их предупреждения, защитой прав человека и основных свобод и будет способствовать установлению доверия, стимулированию сотрудничества между народами и обеспечению мира и безопасности.

Наряду с этим конвенция констатирует, что применение к военным преступлениям и преступлениям против человечества внутренних правовых норм, относящихся к сроку давности в отношении обычных преступлений, является вопросом, вызывающим серьезную озабоченность мирового общественного мнения. Конвенция признала необходимость и своевременность утверждения в международном праве принципа, согласно которому не существует ограничения во времени в отношении военных преступле-

ний и преступлений против человечества. В этой связи статья IV конвенции предусматривает, что договаривающиеся государства обязуются принять в соответствии с их конституционной процедурой любые законодательные или иные меры, необходимые для обеспечения того, чтобы принцип срока давности и другие ограничения не применялись в связи с преследованием и наказанием преступлений, упоминаемых в конвенции, и что там, где подобные ограничения существуют, они должны быть упразднены.

Казалось бы, яснее ясного!

Однако семь государств, и в их числе США и Великобритания, голосовали против принятия этой конвенции.

ПОЧЕМУ ЛЕДИ ГЕЙТСКЕЛЛ И МИССИС ПИККЕР ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ КОНВЕНЦИИ

Леди Гейтскелл, представитель делегации Соединенного Королевства, и миссис Пиккер, представитель делегации США, признавая на словах принципы Устава и приговора Нюрнбергского трибунала, подтвержденные резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН, предприняли все возможное для того, чтобы сорвать принятие Генеральной Ассамблеей Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества — этого гуманного международно-правового акта.

Продемонстрируем на конкретных примерах, как это происходило.

Леди Гейтскелл заявила, что «подробное перечисление преступлений против человечества... создает особые трудности. Включенные в это перечисление преступления выходят за пределы существующих норм международного права, как они изложены, например, в Уставе Международного трибунала в Нюрнберге... Это не может не создать трудности для тех государств, внутреннее право которых в настоящее время основывается на этих нормах».

Но что нового появилось в конвенции по сравнению с Уставом Нюрнбергского трибунала? В конвенции в отличие от Устава действительно предусмотрена ответственность за такие преступления, как «изгнание в результате вооруженного нападения или оккупации и бесчеловечные действия, являющиеся следствием политики апартеида, а также преступление геноцида... даже если эти действия не представляют собой нарушения внутреннего законодательства той страны, в которой они были совершены» (ст. I, п. b.).

Нетрудно понять, что это существенное дополнение было предусмотрено в конвенции по той причине, что в Уставе Нюрнбергского трибунала, принятом в 1945 году, не могло быть таких понятий, как апартеид и геноцид, которые появились в международном праве значительно позже и получили закономерное отражение в конвенции, принятой в 1968 году. Это — большое достижение конвенции и важный вклад в дальнейшее развитие международного права.

Однако леди Гейтскелл с этим не посчиталась.

Особой критике она подвергла упоминаемое в конвенции выражение «бесчеловечные действия», и в частности «бесчеловечные действия, являющиеся следствием политики апартеида».

«...Представляется ненужным и нежелательным,— сказала Гейтскелл,— подробно перечислять различные категории преступлений против человечества, так как если бы такие перечисления вышли за пределы существующих норм международного права, то определение преступлений против человечества должно было бы быть изменено, а некоторые законы, возможно, пришлось бы включить в национальное законодательство».

Да, так именно и должно быть. Нормы международного права имеют приоритет над нормами внутреннего законодательства и должны быть им восприняты. Это четко и недвусмысленно записано в принятой конвенции.

Мы не собираемся спорить о том, насколько лучше или хуже выражение «бесчеловечные действия» или предлагаемая леди Гейтскелл формула

«преступления серьезного характера». Но не вызывает сомнения, что за формалистической завесой, которую пыталась возвести леди, проглядывает ее стремление не допустить ответственности виновных в бесчеловечных действиях, являющихся следствием политики апартеида, которую проводят расистские режимы Родезии и ЮАР, поддерживаемые правящими кругами Англии. Смысл принятой конвенции и состоит в том, что она отражает новые политические и общественные процессы, происходящие в современном мире, и вводит новые понятия преступлений против человечества, такие, как апартеид.

Так обстоит дело. Какова же аргументация другого оппонента, миссис Пиккер?

Миссис Пиккер сообщила: «Мое правительство сожалеет, что окончательное составление данной конвенции было поручено комитету, многие представители которого, включая меня, не являются юристами». Мы не можем согласиться с тем, что миссис Пиккер, не будучи юристом, плохо выполняла порученную ей роль. Она юридически точно и по существу правильно определила цели конвенции, а именно: «...во-первых, разъяснить, что по международному праву не существует сроков давности, которые могли бы быть применены к военным преступлениям и преступлениям против человечества, и, во-вторых, путем договора создать новую норму международного права, согласно которой государства, подписывающие конвенцию, должны принять необходимые меры для упразднения своих внутренних законов о сроках давности в той части, которая может быть распространена на военные преступления и преступления против человечества».

Но юридического запала у миссис Пиккер хватило ненадолго, и ее суждения по существу мало чем отличались от высказываний леди Гейтскелл. И миссис Пиккер не потрудилась вспомнить ни о Потсдамских соглашениях, ни о законах Контрольного совета для Германии. Миссис Пиккер полностью солидаризировалась с леди Гейтскелл и вопреки своим юридически обоснованным утверждениям сама же пыталась их дезавуировать с помощью протаскивания «проблемы обратной силы закона».

Миссис Пиккер утверждала, что «статья IV (конвенции) в том виде, как она принята, могла бы потребовать, чтобы государства, подписывающие конвенцию, упразднили срок давности в отношении преступлений, по которым срок существующей уголовной ответственности уже истек... Это,— по мнению миссис Пиккер,— приобрело бы эффект обратной силы и вновь возродило бы уголовную ответственность там, где по действующему закону она уже истекла...».

Как говорится, концы с концами не сходятся. Но миссис Пиккер идет еще дальше, утверждая, что статья II, касающаяся категорий лиц, на которые распространяется проект конвенции, «является расплывчатой, плохо сформулирована, имеет противоречия в тексте и чрезвычайно широкий смысл в том плане, что стремится распространить концепцию уголовной ответственности на лиц, которые активно не участвовали в совершении тех или иных преступлений, а лишь *допускали их*» (подчеркнуто нами.— *Г. А.*).

Не будем говорить о юридической обоснованности и грамотности подобных утверждений, ограничимся тем, что приведем положение статьи II конвенции:

«В случае совершения какого-либо из преступлений, упомянутых в статье I, положения настоящей Конвенции применяются к представителям государственных властей и частным лицам, которые выступают в качестве исполнителей этих преступлений или соучастников таких преступлений, или непосредственно подстрекают других лиц к совершению таких преступлений, или участвуют в заговоре для их совершения, независимо от степени их завершенности, равно как и к представителям государственных властей, допускающих их совершение».

Достаточно четкая и юридически обоснованная формулировка определения круга лиц, ответственных за совершение военных преступлений и преступлений против человечества, полностью согласующаяся с принципами Устава Нюрнбергского трибунала, которые будто бы отстаивает миссис Пиккер. И статья 6 Устава трибунала предусматривает, что «руководители, организаторы, подстрекатели и по-

собники» несут ответственность за совершение предусмотренных Уставом преступлений.

Теперь, по-видимому, можно без труда догадаться, какие соображения на самом деле руководили представителями Соединенного Королевства и США, когда они голосовали против конвенции о неприменимости срока давности к нацистским преступникам.

По существу, миссис Пиккер, как и леди Гейтскелл, выступила в поддержку планов освобождения от ответственности нацистских преступников путем применения к ним общеуголовного срока давности. Из-за созданной ими формально-юридической завесы проглядывает та же идея «забыть прошлое», которая имеет хождение в определенных кругах Западной Германии.

Но дело не только в прошлом, которое забыть нельзя, но в еще большей степени в настоящем. Нет сомнения и в том, что миссис Пиккер при деятельной поддержке леди Гейтскелл пыталась отвести меч правосудия от организаторов и вдохновителей тягчайших международных преступлений, совершаемых американскими агрессорами в Индокитае, особенно от тех, кто, по выражению Пиккер, активно не участвовал в совершении тех или иных преступлений, а лишь допускал их.

По современной терминологии западногерманских юристов, применяемой к организаторам нацистских преступлений, речь идет о так называемых «преступниках за письменным столом», в данном случае восседающих в Пентагоне. Их-то и выгораживала миссис Пиккер вместе с леди Гейтскелл, выступая по поручению своих правительств против конвенции.

Наглядной иллюстрацией к сказанному может служить дело американского лейтенанта Колли, одного из преступников, участвовавшего в кровавом злодеянии над беззащитным населением южновьетнамской деревни Сонгми, жертвами которого стали старики, женщины, дети. Командованию вооруженными силами США не удалось замять это вопиющее дело, оно стало достоянием американской и международной общественности. И несмотря на показание Колли, что приказ «уничтожить в деревне все жи-

вое» он получил от своего командира капитана Медины, а тот от вышестоящих командиров, власти США приняли все меры к тому, чтобы ограничиться судом лишь над одним лейтенантом Колли и не допустить разоблачения всех преступников, повинных в расправе над жителями деревни Сонгми, всех организаторов массовых злодеяний американских агрессоров на земле Индокитая. Однако осужденный к пожизненному тюремному заключению Колли по распоряжению президента Никсона освобожден из тюрьмы на время, пока не будет закончено рассмотрение материалов процесса в порядке подготовки апелляции, а на это уйдут многие месяцы.

Но кроме леди Гейтскелл и миссис Пиккер и присоединившихся к ним представителей ЮАР, Гондураса, Австралии, Португалии, Сальвадора существуют здоровые прогрессивные силы, существует международная общественность, Организация Объединенных Наций, которые не позволят предать забвению память десятков миллионов жертв, понесенных человечеством в результате чудовищных преступлений нацистского режима.

15 декабря 1969 года XXIV сессия Генеральной Ассамблеи ООН одобрила резолюцию, которая вновь призывает все государства принять необходимые меры по тщательному расследованию военных преступлений и преступлений против человечества, определенных в Международной конвенции о неприменимости к ним срока давности.

Генеральная Ассамблея предложила заинтересованным государствам, еще не подписавшим или не ратифицировавшим эту конвенцию, сделать это как можно быстрее и обратила внимание на особую необходимость в международных мерах, направленных на обеспечение судебного преследования и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечества. Конвенция от 26 ноября 1968 года вступила в силу, и государства, не сделавшие это, вправе к ней присоединиться.

* * *

1 октября 1968 года в связи с рассмотрением закона об упорядочении борьбы с уличными происше-

ствиями вступил в силу принятый бундестагом в дополнение к § 50 уголовного кодекса ФРГ абзац 2, согласно которому в обязательном порядке должны применяться более мягкие меры наказания в отношении соучастников преступлений. Это дополнение стало использоваться в целях выгораживания наиболее опасных категорий нацистских преступников, к которым прежде всего относятся «преступники за письменным столом». Но именно они и являлись организаторами и руководителями массовых убийств и других акций по уничтожению людей.

Известно, что подготовку этого дополнения осуществляли юристы, подвизавшиеся еще во времена Гитлера.

20 мая 1969 года 5-я палата по уголовным делам западногерманского федерального суда отменила и без того мягкий приговор (6 лет лишения свободы) суда в городе Киле по делу бывшего шарфюрера СС Германа Хайнриха, виновного в том, что в 1942—1943 годах он участвовал в селекции и отправке для уничтожения в лагеря смерти Освенцим и Бельжец более 37 тысяч человек. Федеральный суд применил в данном случае абзац 2 § 50 уголовного кодекса ФРГ и признал Хайнриха соучастником преступления. А так как к соучастникам должны быть применены такие меры наказания, на которые распространяется давность, федеральный суд прекратил дело о Хайнрихе, и тот оказался на свободе.

Решение федерального суда послужило своеобразным сигналом к применению абзаца 2 § 50 по делам о нацистских преступниках и прекращению этих дел. По мнению некоторых западногерманских юристов, по этим основаниям могли быть освобождены и практически амнистированы до 50 процентов нацистских преступников. Бывший генеральный прокурор ФРГ Гюде, один из активных деятелей партии ХДС, заявил, что будет автоматически прекращено до 80 процентов дел за истечением срока давности.

Вот конкретные факты.

В Билефельде суд прекратил дело бывшего шефа гестапо во Вроцлаве (Польша) Герке и его подчиненного Тиля, также обвинявшихся в массовых убийствах.

21 августа 1969 года в Дюссельдорфе суд оправдал шесть подсудимых, обвинявшихся в соучастии в убийстве более 100 человек на временно оккупированной гитлеровцами территории Крыма. Суд мотивировал оправдательный приговор тем, что обвиняемые действовали «без преступного намерения», а в этих случаях применяется пятнадцатилетний срок давности, который уже истек.

Следует напомнить, что большинство дел в результате применения § 50 прекращается еще до суда без публичной огласки.

Приведем высказывания некоторых видных юристов по поводу истинного характера мероприятий по осуществлению фактической амнистии нацистских преступников с помощью применения к их действиям § 50 уголовного кодекса ФРГ.

Генеральный прокурор ГДР Штрайт расценивает применение § 50 как шаг, который позволит поставить любого фашистского убийцу всего лишь в положение пособника.

Министр юстиции ГДР Вюнше рассматривает его, как попытку создать иллюзию, будто бы преследуются фашистские убийцы, а на самом деле выиграть время для маневров, связанных с применением § 50 к нацистским преступникам.

Логическим требованием западногерманского Объединения лиц, преследовавшихся при нацизме, на конгрессе этой организации в июле 1969 года в Кёльне было требование принять оговорку в уголовном кодексе о неприменении § 50 к нацистским преступникам.

26 июня 1969 года западногерманский бундестаг в ускоренном порядке принял новый закон, который внес ряд изменений в действующее уголовное законодательство по вопросу о сроках давности. Согласно этому закону полностью отменяется срок давности для преступлений типа геноцида. Увеличен с 20 до 30 лет срок давности в отношении преднамеренных убийств, совершенных из низменных побуждений. И наконец, увеличен с 15 до 20 лет срок давности в отношении так называемых простых убийств. Все эти положения равным образом распространяются и на нацистские преступления, поскольку по уголов-

ному законодательству ФРГ они приравнены к уголовным преступлениям.

Таковы изменения в западногерманском уголовном законодательстве по этому важному и принципиальному вопросу.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ВОПРОСАМ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ НАЦИСТСКИХ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

В конце марта 1969 года в Москве по инициативе Советского организационного комитета состоялась Международная конференция по вопросам преследования нацистских военных преступников. На эту конференцию приехали видные государственные и общественные деятели, ученые из 18 социалистических и капиталистических стран Европы. Делегации европейских социалистических стран возглавляли генеральные прокуроры и министры юстиции *. В числе участников конференции, прибывших из капиталистических стран, были люди, которые возглавляют массовые организации бывших борцов Сопротивления и узников гитлеровских концентрационных лагерей. Многие на себе испытали преступления нацистского режима. Среди них вице-президент сената Италии и вице-президент Национальной ассоциации итальянских партизан Пьетро Секкья, президент Международного комитета бывших узников Бухенвальда француз Марсель Поль, член президиума западногерманского Объединения лиц, преследовавшихся при нацизме, Карл Зауэр, известный общественный деятель восьмидесятидвухлетний Деннис Притт из Англии и другие.

Всех этих, в сущности, разных людей объединяли общность целей и помыслов, забота о будущем Европы, о мире во всем мире.

С приветственным посланием к участникам конференции обратился глава Советского правительства А. Н. Косыгин. Его справедливая и объективная оценка современной политической обстановки и по-

* Советскую делегацию возглавлял Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко.

желание успехов в работе конференции были встречены участниками с большим воодушевлением. Как известно, это послание было распространено среди членов Организации Объединенных Наций.

На конференции выступило 30 участников. Все выступления характеризовались единодушной поддержкой принятой Генеральной Ассамблеей ООН Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества, настойчивыми требованиями не допустить реабилитации нацистских военных преступников.

Работа конференции завершилась принятием Обращения к правительствам всех стран присоединиться к Конвенции о неприменимости срока давности, к политическим и общественным деятелям, ученым-историкам и юристам, писателям, журналистам, работникам искусства и культуры всех стран содействовать разоблачению попыток, направленных на оправдание гитлеровской агрессии и реабилитацию нацистских военных преступников. Конференция призвала все народы провозгласить 1 сентября — день начала второй мировой войны — Международным днем борьбы с фашизмом.

В заключение Обращения говорилось: «Мы обращаемся ко всем парламентам, правительствам, международной общественности, к демократическим силам в Западной Германии, ко всем, кому дороги мир, свобода и демократия, с призывом предпринять любые индивидуальные и коллективные усилия в благородной борьбе за то, чтобы ни один военный преступник не ушел от справедливого наказания.

Этого требует память миллионов жертв нацизма. Этого требует мирное будущее всех народов».

* *
*

Когда я завершал работу над этой книгой, пришли новые материалы о чудовищном злодеянии нацистов на чехословацкой земле. В годы оккупации здесь был создан гитлеровцами специальный лагерь для беременных женщин, где над ними и новорожденными проводились различные медицинские эксперименты. Среди заключенных находились и

наши, советские женщины. В этом районе обнаружены сотни могил женщин и новорожденных младенцев до двухмесячного возраста.

Из того, что рассказано в этой книге, а в ней немало фактов, может иногда возникнуть мысль — возникает она и у меня,— а не могут ли свыкнуться люди, в частности мы, я и мои товарищи по работе, все те, кому повседневно по своему служебному долгу приходится иметь дело с многочисленными материалами, документами, фотографиями и, конечно, прежде всего с людьми, пережившими ужасы фашистской оккупации и гитлеровских застенков,— не свыклись ли мы, не притупились ли наши ощущения и восприятие страшных нацистских преступлений, которые были совершены более четверти века назад? Не заслонило ли их время? И я отвечу: нет! Время не стерло ни остроты восприятия, ни глубины протеста, не примирило с судьбами и событиями тех уже далеких, но незабываемых тяжких годин.

Нет! И сегодня, так же как во время войны, и там, в Нюрнберге, время не в силах затмить, заслонить прошлое. И когда сейчас я читаю документы, слушаю рассказы сограждан об ужасающих преступлениях гитлеровцев, перед моими глазами реально, зримо возникают картины этих преступлений. Я должен сдерживать те чувства, которые приходят тогда ко мне, сдерживать их так же, как сдерживал их в Нюрнберге, должен быть объективным и справедливым, как это положено советскому юристу. Но, действуя именно так, я не могу смириться с безнаказанностью многих из тех, кто творил эти преступления. Никогда я не пойму, почему хотя бы один из них, будь он сейчас стариком, не должен отвечать за содеянное по всей строгости закона. Каждый из них, если вина доказана, должен понести заслуженную суровую кару. Этого требует память миллионов жертв! Это наша священная обязанность.

Меня не оставляет мысль, что и сейчас, когда пишутся эти строки, пока еще безнаказанно, творятся такие же преступления на землях Индокитая и Ближнего Востока. Но и эти преступления не будут забыты, и время не сотрет памяти о них.

Правосудие народов свершится, преступники понесут заслуженную кару.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

НЮРНБЕРГ ВЧЕРА 9

НЮРНБЕРГ СЕГОДНЯ 113

Заведующий редакцией *К. Н. Сванидзе*

Редактор *А. И. Горшкова*

Младший редактор *Е. Б. Салынская*

Художественный редактор *Н. Н. Симагин*

Технический редактор *О. М. Семенова*

Ответственный корректор *Г. В. Савелова*

Сдано в набор 21 июня 1971 г. Подписано в печать 25 ноября 1971 г. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 2. Условн. печ. л. 9,24. Учетно-изд. л. 8,49. Тираж 100 тыс. экз. А00383. Заказ № 596. Цена 27 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

V. Vorträgen der Herren Oberbefehlshaber über ihre weiteren Absichten auf Grund dieser Weisung sehe ich entgegen.

Die beabsichtigten Vorbereitungen aller Wehrmachtteile sind mir, auch in ihrem zeitlichen Ablauf, über das Oberkommando der Wehrmacht zu melden.

Geheime Kommandosache!

Der Führer und Oberster Befehlshaber der Wehrmacht
OKW/WFSt/Abt.L(I) Nr. 33 408/40 K Chefs.

F.H.Qu., den 18.12.40

9 Ausfertigungen
1 Ausfertigung

Chef Sache
Nur durch Offizier

Weisung Nr. 21

Fall Barbarossa.

Die deutsche Wehrmacht muss darauf vorbereitet sein, auch vor Beendigung des Krieges gegen England Sowjetrussland in einem schnellen Feldzug niederzuwerfen (Fall Barbarossa).

Das Heer wird hierzu alle verfügbaren Verbände einzusetzen haben mit der Einschränkung, dass die besetzten Gebiete gegen Überraschungen gesichert sein müssen.

Für die Luftwaffe wird es darauf ankommen, für den Ostfeldzug so starke Kräfte zur Unterstützung des Heeres freizumachen, dass mit einem raschen Ablauf der Erdoperationen gerechnet werden kann und die Schädigung des ostdeutschen Raumes durch feindliche Luftangriffe so gering

Первая и последняя страницы плана «Барбаросса».

Жертвы массовых расстрелов, осуществленных гитлеровцами на территории крепости Демблин (Польша).

ОГОЛОШЕННЯ

Випадки підпалу та саботажу, що поширюються в місті Киеві примушують мене вжити рішучих заходів.

Через те сьогодні 300 мешканців міста Киева розстріляно. За кожний такий випадок підпалу або саботажу буде розстрілюватись значно більша кількість мешканців міста Киева.

Кожний мешканець зобов'язаний про всяке підозріле помічення негайно донести німецькій поліції.

Я буду за всяку ціну та усіма способами підтримувати порядок та спокій в місті Киеві.

ЕБЕРГАРД

Генерал-майор та Комендант міста.

Київ, 2 листопада 1941 р.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Участившиеся в Киеве случаи поджогов и саботажа заставляют меня прибегнуть к строжайшим мерам.

Поэтому сегодня расстреляны 300 жителей Киева.

За каждый новый случай поджога или саботажа будет расстреляно значительно большее количество жителей Киева.

Каждый житель Киева обязан о каждом подозрительном случае немедленно сообщать немецкой полиции.

Я буду поддерживать порядок и спокойствие в Киеве всеми мерами и при всех обстоятельствах.

Киев, 2-го ноября 1941 г.

ЭБЕРГАРД

Генерал-майор и Комендант города

BEKANNTMACHUNG

Die zunehmenden Fälle von Brandstiftungen und Sabotage in Kiew zwingen mich zu durchgreifenden Massnahmen.

Es werden daher heute 300 Einwohner von Kiew erschossen.

Fuer jeden neuen Fall von Brandstiftung oder Sabotage wird eine mehrfache Zahl erschossen werden. Jeder Einwohner hat die Pflicht, jede verdächtige Wahrnehmung der deutschen Polizei unverzuglich anzuzeigen.

Ich werde unter allen Umständen und mit allen Mitteln Ruhe und Ordnung in Kiew aufrechterhalten.

Kiew, den 2. November 1941.

EBERHARD

Generalmajor u. Stadtkommandant

Объявление гитлеровского коменданта Киева о расстреле заложников.

Донесение об уничтожении фашистами белорусских деревень в Воложинском районе.

An den Herrn
Vorsitzenden des Weissruthenischen
Vertrauens-Rates
beim Generalkommissar f. Weissruthenien

Hierdurch mache ich bekannt, dass am 5. August 1943 kamenezu mir Bewohnerinnen des Dorfes P e r s c h a i: TSCHARAPOWITSCH, SKRURDZ, BODAK, und MARTINKEWITSCH und berichteten folgendes:

In zweiter Helfte des Monats Juli d.J. führten die Gruppen SS eine Räumung von den Partisanen im Bereich des Kreises W e l o s h y n, durch. Dabei wurden durch diese Gruppen folgende Dörfer zusammen mit den Einwohnern verbrannt: Dory, Dubowzi, Miscpanny, Daugulewtschina, Lepizi, seredneje Selo, Ramanowtschina, Nejluby, Palubowzi und Makrutscolawtschina.

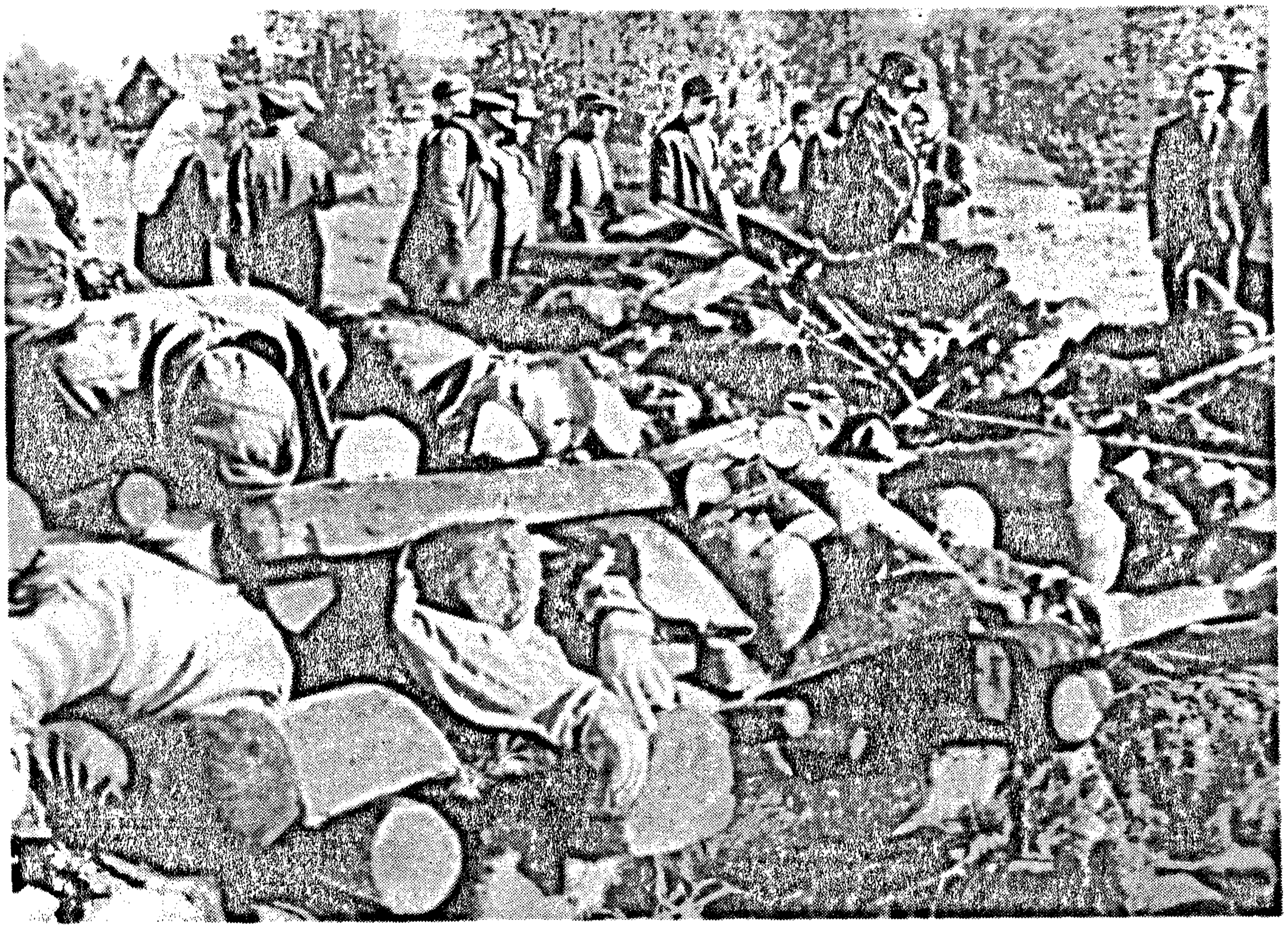
Die SS Gruppen führten keine Untersuchung durch, trieben blos die Einwohner, zum größten Teil alte Männer, Frauen und Kinder in abgesonderte Häuser zusammen und nachher entbrannten sie.

In Dorf D o r y wurden die Einwohner in eine Kirche zusammengetrieben und mit der Kirche zusammen, lebendig verbrannt.

Minsk, den 6.VIII. 1943
der Urschrift entspricht.

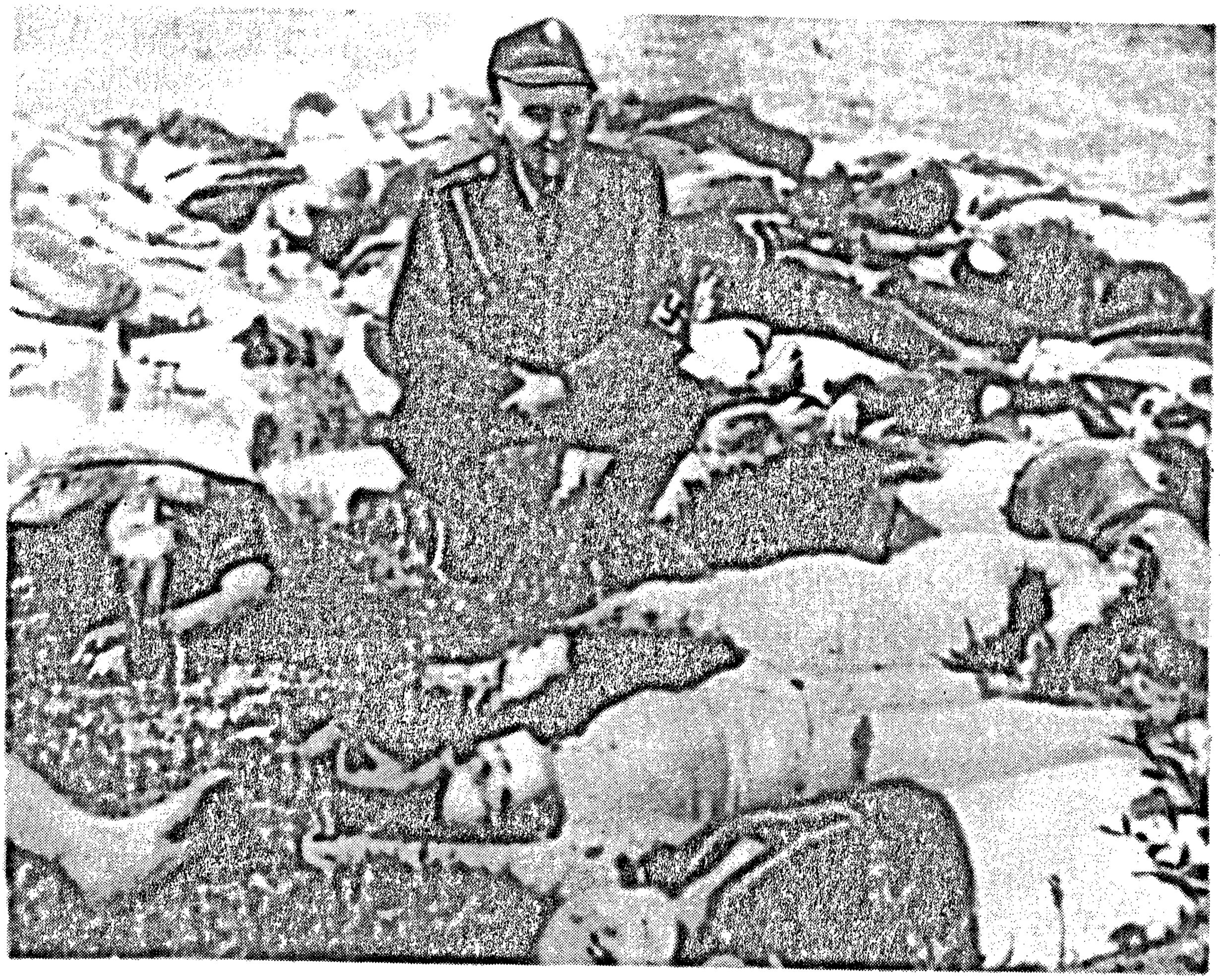
(ges)
K u s c h e l

Так фашисты рассчитывали замести следы своих преступлений: сожжение трупов заключенных в лагере смерти в поселке Клоога Эстонской ССР.



Дети в фашистском концлагере в Лодзи.

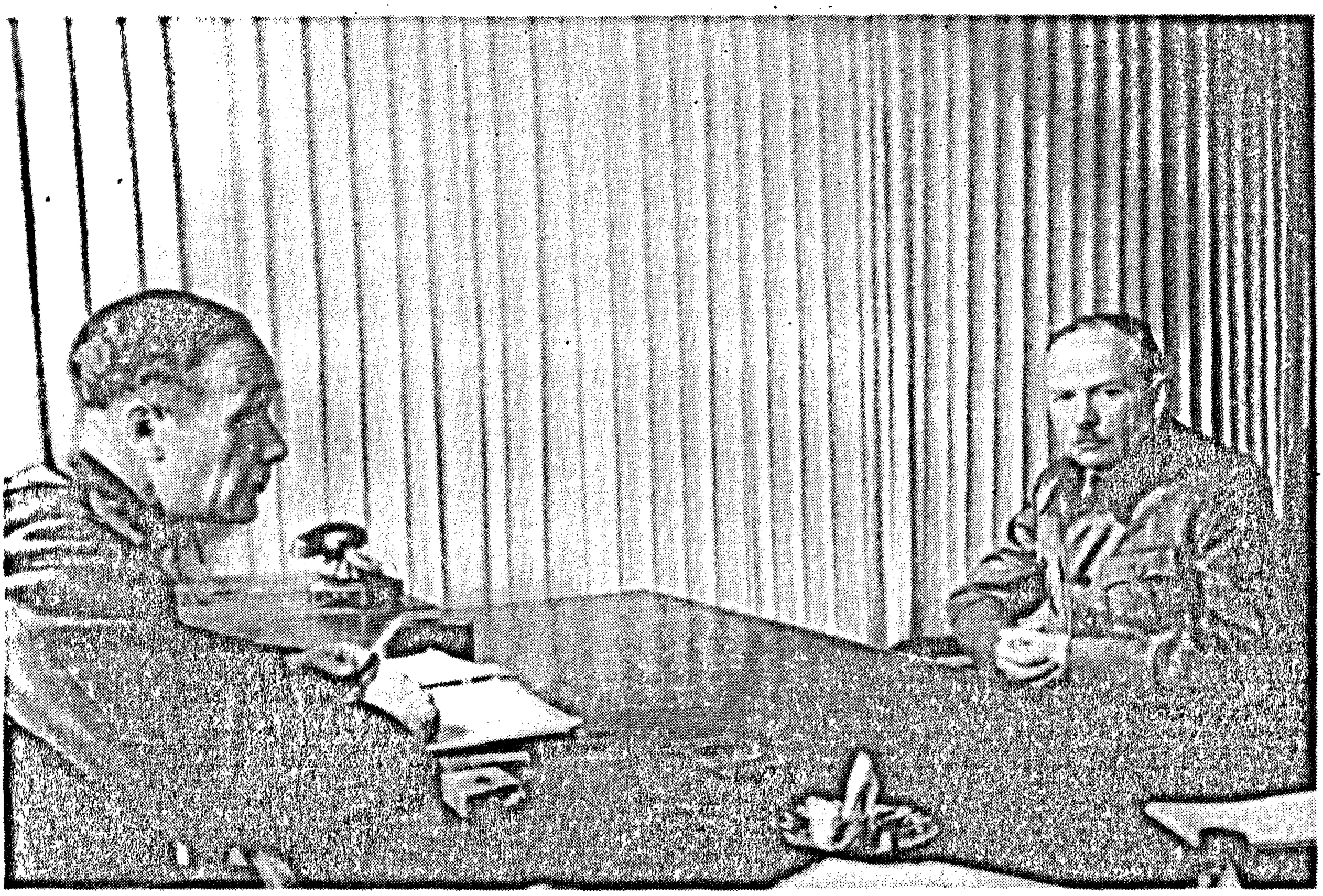
Расстрелянные гитлеровцами политические заключенные во дворе Зонненбургской тюрьмы.



Фашистский убийца среди своих жертв
(Югославия).

Фашистские главари
в Нюрнберге в 1938 г.

...и на скамье подсудимых
в 1945—1946 гг.



Допрос советским следователем
нацистского генерала Гудериана.

Steckbrief

Auf Grund des Haftbefehls des Stadtbezirksgerichts Berlin-Mitte vom 23. April 1963 wird nach dem ehemaligen Ministerialrat im faschistischen Reichsinnenministerium und jetzigen Staatssekretär im Bundeskanzleramt der Bundesrepublik

Dr. Hans Josef Maria GLOBKE

geb. am 10. 9. 1898 in Düsseldorf,

der sich außerhalb des Gebietes der Deutschen Demokratischen Republik aufhält, gefahndet.

PERSONENBESCHREIBUNG: ca. 170 cm groß, kräftige Figur, graumeliertes Haar, Brillenträger.

Dr. Globke ist dringend verdächtig,

als langjähriger leitender Mitarbeiter des faschistischen Reichsinnenministeriums maßgeblich an der Vorbereitung und Durchführung der faschistischen Verbrechen, die zur Ermordung von Millionen jüdischer Bürger und Angehöriger anderer Völker führten, mitgewirkt zu haben.

Hinweise, die zur Ergreifung des Täters führen oder der weiteren Aufklärung der Verbrechen dienen, werden von jeder Dienststelle der Staatsanwaltschaft der Deutschen Demokratischen Republik entgegengenommen.

Der Generalstaatsanwalt der DDR
Berlin N 4, Scharnhorststraße 37

Распоряжение генерального прокурора ГДР о задержании военного преступника Глобке.

Автор книги Г. Н. Александров, заслуженный юрист РСФСР, участвовал в работе Нюрнбергского трибунала, судившего главных немецких военных преступников, возглавлял следственную часть советской делегации и выступал в качестве одного из обвинителей от СССР.

Эта книга — рассказ о событиях не только прошлого, но и наших дней. В первой части — «Нюрнберг вчера» — автор вспоминает о напряженной, сложной работе советских следователей до начала Нюрнбергского процесса, рассказывает о допросах гитлеровских главарей, рисует выразительные политические портреты этих организаторов чудовищных преступлений нацизма.

Во второй части — «Нюрнберг сегодня» — автор показывает методы, с помощью которых реваншистские и неонацистские силы стремятся обелить германский милитаризм и амнистировать его оруженосцев.